
ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗИИ

I.

Заключивъ мои *Воспоминанія о кампаніи 1829 года въ Европейской Турціи* отъѣздомъ изъ Краіова, * перехожу прямо къ началу моей службы на Кавказѣ. Не стану говорить ни о годовомъ пребываніи въ Яссахъ, ни о Польской войнѣ 1831 года. Въ Яссахъ разыгрался для меня первый романъ моей жизни, до того невинный, до того бѣдный походами, что разказъ о немъ утомилъ бы читателя; а сердечныя чувства, которыми отличается первая робкая привязанность, да позволяютъ мнѣ сохранить въ одной собственной памяти. Въ Польскую же кампанію обстоятельства были для меня очень неблагоприятны. Мои воспоминанія о ней не выходятъ изъ тѣснаго круга, въ которомъ дозволено было вращаться егерскому прапорщику, исправлявшему при главной квартирѣ арміи должность офицера генеральнаго штаба. Упомяну только, какимъ образомъ я изъ Молдавіи попалъ въ армію, дѣйствовавшую въ Польшѣ, и какимъ путемъ выбылъ изъ нея на Кавказъ.

Съ самаго начала войны, когда войска наши двинулись къ Прагѣ, г. Гейсмаръ былъ назначенъ командиромъ авангарда. При этомъ случаѣ онъ не забылъ выпросить подъ свое начальство меня и Веригина, моего неразлучнаго товарища въ 1829 году. Веригинъ, служившій въ Кинбурнскомъ драгунскомъ полку, находился вблизи театра военныхъ дѣйствій; для него было нетрудно въ-время поспѣть къ любимому

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1867 года №№ 6 и 7.

начальнику, при которомъ онъ, къ сожалѣнію, находился не долго, потому что имѣлъ несчастье подъ Дембо-Вельки попасть въ плѣнъ къ Полякамъ. Приказаніе пріѣхать въ Букурештъ для сдачи статистическихъ свѣдѣній, которыя я собиравъ въ Молдавіи, и послѣ того сорокадневный карантинъ въ Скулянахъ, принудили меня потерять много времени попустому. Освободившись изъ карантиннаго чистилища, я поскакалъ въ Царство Польское по прямой дорогѣ, считая ее, какъ слѣдовало думать, ближайшимъ путемъ къ мѣсту моего назначенія. Оказалось иначе. Дверницкій прорвался тѣмъ временемъ на Волинь, польская шляхта повстала, на дорогахъ появились разбойничьи шайки, и прямое сообщеніе съ главною арміею прекратилось для одиночныхъ путешественниковъ. Дивизионный командиръ, генералъ-лейтенантъ Свѣчинъ, задержалъ меня по этому случаю въ Дубнѣ, недѣли на двѣ, и отпустилъ въ отрядъ генерала Ридигера не прежде какъ было получено извѣстіе о Бироминскомъ дѣлѣ, послѣ котораго Дверницкій отступилъ къ австрійской границѣ.

Ридигеръ, которому я былъ извѣстенъ по предыдущей кампаніи, остановилъ меня въ свою очередь, и нуждаясь въ офицерахъ генеральнаго штаба, заставилъ исправлять квартирмейстерскую должность при первой драгунской дивизіи. Въ главную квартиру арміи онъ отправилъ меня съ депешами изъ-подъ Замостья, когда послѣ Остроленскаго сраженія дороги въ Литвѣ начали очищаться отъ повстанцевъ. Въ село Клешово, близъ Пултуска, гдѣ находилась главная квартира, я имѣлъ несчастье пріѣхать въ самый день смерти графа Дибича, и къ довершенію горя, не засталъ Гейсмара въ арміи. За неудачу, понесенную имъ подъ Прагою, его отрѣшили отъ командованія и удалили въ Россію. Гейсмаръ страдалъ за чужую вину, но въ послѣдствіи оправдался и въ первый день Варшавскаго штурма принудилъ своихъ завистниковъ совершенно замолкнуть, атаковавъ польскій передовой редутъ и овладѣвъ имъ съ быстротою, отличавшею все его дѣйствія въ Турецкую кампанію. Покажеться никто не предвидѣлъ будущаго благоприятнаго оборота его судьбы, все считали его человѣкомъ съ погубшею репутаціей, и совѣсть мучила меня за то, что я не успѣлъ раздѣлать съ нимъ бѣду, пользовавшись выгодами прежнихъ удачъ, которыми онъ такъ охотно дѣлился съ своими подчиненными. Къ моему счастью, я имѣлъ случай явиться

къ нему послѣ занятія Варшавы, когда онъ, тяжело раненый при взятіи передоваго пятиугольнаго редута, лежалъ въ одной изъ окрестныхъ деревень, и совершенно очистить себя въ его мнѣніи насчетъ причины моего неприбытія къ нему въ авангардъ.

Въ главной квартирѣ продержали меня до перехода чрезъ Вислу возлѣ Оссека и послѣ того командировали въ авангардъ, къ графу Виту, при которомъ я находился также во время двухдневнаго штурма варшавскихъ укрѣпленій. Кто бы пожелалъ ближе познакомиться съ подробностями этого кроваваго эпизода Польской войны 1831 года, тому совѣтую обратиться къ исторіи Шмидта: лучше и вѣрнѣе трудно разказать. Собственно для себя я вынесъ оттуда сильную контузію въ голову, оставившую мнѣ память на всю жизнь и — чинъ подпоручика. Послѣ окончанія войны меня перевели въ Петербургъ, гдѣ я въ департаментѣ генеральнаго штаба три мѣсяца прилежно просидѣлъ за маршрутнымъ столомъ, отъ котораго выпросился на Кавказъ, привлекавшій въ то время русскую военную молодежь, предпочитавшую труды боевой жизни парадной службѣ и блеску паркетныхъ удачъ.

Въ началѣ марта 1832 года я оставилъ Петербургъ, а въ Тифлисѣ успѣлъ пріѣхать не прежде половины апрѣля, по причинѣ нестерпимо дурнаго состоянія дорогъ, заставлявшаго меня испытывать поочередно всевозможные способы передвиженія, въ саняхъ, на колесахъ, верхомъ и, въ горахъ, даже пѣшкомъ. До Екатеринограда приходилось ѣхать на перекладныхъ; отъ этого мѣста до Владикавказа на наемныхъ, а отъ Ларса, первой станціи въ горахъ, до Тифлиса, опять на перемѣнныхъ, почтовыхъ лошадяхъ. На Кабардинской плоскости, между Екатериноградомъ и Владикавказомъ, не для чего было учреждать въ то время почтовую ѣзду. Кому надо было, тотъ измѣрялъ это пространство небольшими переходами и не иначе какъ подъ защитой сильнаго конвоя, потому что горды день и ночь рыскали за добычей въ сосѣдствѣ русской границы и около дороги, служившей для прямого сообщенія съ Грузіей. Никому изъ ѣхавшихъ въ Тифлисѣ нельзя было миновать Екатеринограда, главной станціи горскаго линейскаго казачьяго полка, и пробраться отсюда до Владикавказа безъ „оказіи“.

Оказіей называли провіантскія колонны, направлявшіяся

два раза въ недѣлю съ линіи во Владикавказъ, подъ прикрытіемъ пѣхотнаго конвоя, при одномъ или двухъ орудіяхъ. Съ ними отправляли курьеровъ, почту и всѣхъ проѣзжающихъ, для которыхъ, когда не было оказіи, ни подъ какимъ предлогомъ не поднимался шлагбаумъ, стоявшій при вѣздѣ на мостъ черезъ Малку. Кому изъ старыхъ Кавказцевъ не привелось томиться скукой въ Екатериноградѣ, ожидал выступленія оказіи, и послѣ того сердиться нѣсколько сутокъ сряду, нестерпимо страдая отъ холода или отъ жары, глядя по тому зимой или лѣтомъ злая судьба приковывала его къ шествию воловьего транспорта? И я ходилъ съ оказіей много разъ. Къ счастью, въ послѣднее время моего пребыванія на Кавказѣ оказіи были уже отмѣнены; по Кабардинской плоскости стали ѣздить на перемѣнныхъ лошадяхъ съ небольшимъ числомъ казаковъ, а теперь и эта предосторожность совсѣмъ не нужна: между Екатериноградомъ и Владикавказомъ нынѣ не болѣе опасности какъ на любой столбовой дорогѣ внутри Россіи. Но въ 1832, необыкновенно тревожномъ году, на Кавказской линіи господствовалъ совершенно другой порядокъ. Начиная отъ Средняго Егорлыка, отдѣлявшаго Землю Донскихъ казаковъ отъ Кавказской области, путешественника встрѣчали и провожали на станціяхъ велерѣчивыми разказами о свирѣпости Черкесовъ и о безпрестанныхъ грабежахъ и убійствахъ, производимыхъ ими по самымъ ближайшимъ окрестностямъ. Къ счастью его, это были покамѣсть однѣ сказки; около ста верстъ онъ могъ еще проѣхать, не рискуя ни головой, ни чемоданомъ. Ближе къ Ставрополю дѣло принимало другой видъ; опасность, существовавшая до того въ одномъ напуганномъ воображеніи кавказскаго новичка, обращалась въ дѣйствительность, быстро возрастающую по мѣрѣ сближенія съ Кубанью, Малкой и Терекомъ, отдѣлявшими Линію отъ непріятельскихъ земель. Пограничные поселяне, обращенные позже въ казаковъ, и линейскіе казаки, свыкшіеся съ постоянною тревогой, менѣе говорили о ней, но за то болѣе остерегались. На ночь ѣзда по дорогамъ прекращалась для всѣхъ, кромѣ нарочныхъ, которымъ давали въ прикрытіе, сколько было нужно, казаковъ. Съ разсвѣтомъ, выѣзжать со станціи было менѣе опасно. Хищники,—офиціальныя терминъ для обозначенія горцевъ, прорывавшихся въ наши предѣлы,—рѣдко позволяли себѣ „шалить“, то-

есть убивать и грабить, въ утреннее время, когда рабочій народъ толпами выходилъ въ поле, и когда по берегамъ пограничныхъ рѣкъ и по всѣмъ дорогамъ казачьи разъѣзды отыскивали „сакму“ разбойниковъ, успѣвшихъ прокрасться въ степь подъ защитой ночи. Многолюдство грозило немедленнымъ распространеніемъ тревоги, а долгій день способствовалъ казакамъ преслѣдовать ихъ. За то послѣдніе часы предъ закатомъ солнца слыли, не безъ основанія, самыми опасными временемъ дня. Шайки хищниковъ, скрытно дневавшія въ глубокихъ балкахъ, прорѣзывающихъ линейскія степи, или въ густыхъ лѣсахъ, покрывавшихъ берега Терка и Кубани, появлялись тамъ гдѣ ихъ нѣсколько не ожидали, угоняли табуны и стада, убивали оборонявшихся, хватали въ плѣнъ беззащитныхъ и подъ покровомъ ночи ускользали отъ погони. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ они нападали на крестьянскія селенія, или пытались врываться иногда въ казачьи станицы; въ честь казакамъ будь сказано, эта послѣдняя попытка почти никогда имъ не удавалась. Вечерняя встрѣча въ полѣ съ конными людьми въ мохнатыхъ шапкахъ, когда, къ тому же, лица были укутаны башлыками, и у передоваго ружье вынуто изъ чехла, рѣдко предвѣщала добро. Сердце сжималось болѣзненно, когда въ степи неожиданно появлялась шайка подобныхъ ѣздоковъ; рука судорожно ложилась на курокъ ружья или пистолета, и тоску отводило только въ счастливомъ случаѣ, если удавалось разглядѣть у нихъ болѣе сапоговъ чѣмъ чевякъ: значить казаки, а не Чеченцы и не Закубанцы. Послѣ этого понятно, почему для Линейцевъ съ наступленіемъ ночи становалъ не покой, а начиналось настоящее бдѣніе: изъ станичныхъ воротъ выѣзжали заставные и разъѣздные казаки, резервные сѣзжались на сборное мѣсто; на улицу казакъ не выходилъ иначе какъ съ ружьемъ, вынутымъ изъ чехла, и въ свою конюшню не заглядывалъ безъ пистолета въ рукѣ. Чеченецъ, случалось, прокрадется въ станицу, заползетъ на дворъ къ казаку, спрячется подъ плетнемъ и ждетъ пока кто-нибудь выйдетъ ночью подложить корму лошади, или коровамъ. Ударъ кинжаломъ, или пули, оплачиваютъ казаку за мусульманскую кровь, пролитую невѣдомо какимъ гяуромъ, — кто станетъ разбирать виноватаго? — и Чеченецъ исчезаетъ мгновенно, какъ будто онъ тутъ и не бывалъ.

Въ такомъ положеніи я засталъ Кавказъ въ 1832 году; полагаю, старые Кавказцы еще помнятъ это время.

Вплоть до самаго Екатеринограда любопытство новопріѣзжаго болѣе возбуждалось плодородіемъ почвы и видомъ многочисленныхъ стадъ чѣмъ живописною стороною природы. Гладкая черпоземная степь, изрѣдка прорѣзанная балками, утомляла глазъ. Села попадались не часто, еще рѣже встрѣчались лѣса. Не доѣзжая Ставрополя, мѣстность измѣняла свой однообразный видъ; дорога шла въ гору, окаймленная съ обѣихъ сторонъ глубокими лѣсостыми оврагами. На значительной высотѣ раскинулся городъ, составлявшій въ то время административный центръ обширной страны, простиравшейся отъ Чернаго до Каспійскаго моря.

Наружный видъ Ставрополя, признаться, мало соответствовалъ важности политическаго значенія, которое городъ долженъ былъ имѣть въ глазахъ люда, обращавшаго къ нему свои взоры и упованія. Поднявшись на гору съ сѣверной стороны, пріѣзжіи прежде всего усматривалъ необыкновенно просторное поле, на которомъ двѣ линіи низенькихъ деревянныхъ домовъ, образуя входящій прямой уголъ, обозначали два фаса проектированной площади; съ двухъ остальныхъ сторонъ поле ограничивалось кладбищемъ да оврагомъ. Эта возникающая площадь занимала самый высокій пунктъ горы. Посреди ряда построекъ, очерчивавшихъ восточный фасъ, открывалась главная улица, фланкированная по угламъ каменными домами, справа—длиннымъ, одноэтажнымъ строеніемъ, въ которомъ жилъ командующій войсками, слева—горделиво глядѣвшими на своего приземистаго сосѣда двухъэтажными хоромами совѣтника казенной палаты Э... Спустившись подъ гору, улица упиралась въ высокія каменные ворота, не то крѣпостныя, не то триумфальныя, красовавшіяся въ чистомъ полѣ и поэтому ничего не запиравшія. Никому не удавалось разрѣшить трудную загадку, для чего поставлены эти ворота,—между тѣмъ нельзя было безъ нихъ вообразить Ставрополь. Кромѣ командующаго войсками, жили еще на площади: оберъ-квартирмейстеръ, дежурный штабъ-офицеръ, предсѣдатель казенной палаты и нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ сановниковъ военнаго и гражданскаго управленія. Начальникъ штаба, губернаторъ и комендантъ обитали въ домахъ, составлявшихъ украшеніе главной

улицы, на ряду съ театромъ, съ гостинымъ дворомъ и съ знаменитою гостиницей Найтаки. За исключеніемъ названныхъ, всѣ прочіе дома, деревянные, турлучные, или изъ сырцового кирпича, принадлежали къ числу извѣстныхъ въ провинціи домовъ „безъ архитектуры“, то-есть въ одинъ этажъ, пять оконъ во фронтѣ, дверь сбоку подъ крошечнымъ навѣсомъ, все это безъ тѣни украшенія.

Не думалъ я, проѣзжая въ первый разъ чрезъ Ставрополь, что мнѣ самому, десять лѣтъ спустя, придется въ немъ пребывать, да еще съ женой, шесть недѣль послѣ свадьбы. Жилъ я на вышесказанной площади, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ хозяину каменнаго углового дома, совѣтнику З... На противоположномъ концѣ той же линіи находился другой небольшой домикъ, бѣлый снаружи, бѣлый внутри, вмѣщавшій другое молодое хозяйство. Мы вели между собой доброе знакомство и вмѣстѣ пережили много радостныхъ минутъ и много дней исполненныхъ досады и безпокойства. Потомъ судьба развела насъ въ разные стороны. М... пошелъ путемъ постоянного труда, не сворачивая ни вправо, ни влево, и силой ума и воли побѣдилъ препятствія, возникающія предъ человѣкомъ, для котораго не разчищаютъ дороги ни дядюшки, ни тетюшки, ни бабушки. Я, съ своей стороны, не упустилъ случая пожить и въ свое собственное удовольствіе и, по этой причинѣ, далеко отсталъ отъ моего ставропольскаго сослуживца. Не горюю, впрочемъ, о томъ, чего самъ не достигъ, и ему не завидую. Охотно бы сказалъ о немъ побольше, да, говорятъ, живыхъ не только хулить, даже хвалить не позволено; поэтому снова обращаюсь къ характеристикѣ площади. Весной и осенью по ней разливалось море грязи; зимою она покрывалась снѣжною оболочкой въ полсажени глубины. Бывало, подымется вьюга, и нѣсколько сутокъ нельзя показать глазъ за двери дома; ворота занесетъ съ обѣихъ сторонъ, и люди принуждены лазить черезъ нихъ, пока употреблявшіеся на это дѣло арестанты не раскопаютъ снѣжной горы. Однажды гости собрались къ какому-то изъ счастливыхъ обитателей площади провести вечеръ; тѣмъ временемъ разыгралась непогода, воздухъ наполнился клочьями снѣга. Вечерніе посѣтители кое-какъ выбрались за ворота, но на площади потеряли направленіе, никакъ не могли попасть въ жерло большой улицы и вернулись, сколько ихъ тутъ ни

было, почевать къ принимавшему ихъ хозяину, благодарные ему за то, что онъ не поспѣвшия погасить свѣчи, позволившія имъ вторично отыскать его домъ. Въ мое время, знакомаго мнѣ доктора чуть не замело ночью на площади. Выѣхавъ около полуночи навѣстить больного, несмотря на дурную погоду, онъ увязъ съ санями въ снѣжномъ сугробѣ, долго бился стараясь высвободить лошадь съ помощію кучера, но, утопая все болѣе, принужденъ былъ послать его за помощію, а самъ остался при экипажѣ. Пока кучеръ добрался до домовъ, стучалъ въ ворота—звонковъ въ Ставрополѣ не знали, — и не могъ достучаться, доктора снѣгъ началъ покрывать, вихремъ кружась надъ его головой. Горка быстро увеличивалась, охватывала лошадь, сани и коченѣвшаго свѣдока. Случайно набрали на него офицеры, возвращавшіеся съ веселой пирушки, и высвободили его изъ этого некомфортабельнаго положенія. Въ лѣтнее время мнѣ самому не разъ случалось видѣть, и даже испытывать, какъ облака, нисколько не стѣняясь городскими воротами, гуляли по ставропольскимъ главнымъ улицамъ. Бывало, катится на встрѣчу клубъ густаго тумана, накрываетъ васъ, обдаетъ дождемъ и градомъ,—проносится вверхъ по улицѣ, и снова яркое солнце свѣтитъ надъ вашею головою. Это о паружности города. Изъ его внутреннихъ качествъ я успѣлъ въ мой первый безостановочный проѣздъ вкусить только прелести гостиницы Найтаки и не былъ ею приведенъ въ восторгъ, хотя на своемъ вѣку много уже испробовалъ русскихъ провинціальныхъ гостиницъ, заѣзжихъ домовъ и жидовскихъ „жырчмъ“. Правда, въ то время прогрессъ не успѣлъ еще проникнуть въ глубину номеровъ Найтакинской гостиницы, освѣжить корридорный запахъ, повѣять на кухню благодатнымъ ароматомъ гвоздики и лавроваго листа, и надъ длиннымъ, хотя и каменнымъ, строеніемъ „безъ архитектуры“ поднять второй этажъ съ танцевальною залой, гдѣ, семь лѣтъ спустя, отбывались балы Ставропольскаго Благороднаго Собранія. Тогда гостиница приняла дѣйствительно благородный видъ, позволявшій городскимъ красавицамъ и любезникамъ аристократическаго круга не брезгая переступать чрезъ ея порогъ, когда раздавалась бальная музыка. И куда дѣвались эти красавицы и эти любезники? Однѣ состарились, разлѣхались, поумирали другія, и сколько изъ ихъ ревностныхъ поклонниковъ покоятся вѣчнымъ сномъ за Кубанью,

за Терекѣмъ, на берегу Чернаго моря! Немногіе изъ посетителей Ставропольскаго Собранія, въ тридцатыхъ годахъ предававшихся восторгу, когда „съ водъ“ появлялась „роза кавказская“, или трудолюбиво ухаживавшихъ за дѣвицей Р. и за дѣвицей П., странствуютъ еще по бѣлому свѣту, или отдыхаютъ подъ свѣцію домашнихъ пенатовъ, ожидая своей очереди уступить мѣсто новому поколѣнію.

Отъ Ставрополя до Екатеринограда мы доѣхали на третью сутки, отправляясь съ почтовыхъ дворовъ по нѣскольку повозокъ заразъ, ради общаго казачьяго конвоя; говорю: мы, потому что отъ самаго Петербурга я ѣхалъ не одинъ, а съ родственникомъ А. Л. В., поступившимъ на службу изъ отставки, человѣкомъ умнымъ и откровенно добрымъ, но не созданнымъ для кавказской жизни. Его строгой точности больше сродны были кабинетныя занятія чѣмъ кавказское военное дѣло, безпрестанно разрушавшее своими быстрыми переворотами всѣ расчеты его методическаго порядколюбія. Кто изъ Тифлисцевъ не зналъ въ 1832 году Александра Даврентьевича, не любилъ, не уважалъ его, и совершенно дружески, слегка не подсмѣивался надъ его методизмомъ? Годъ спустя онъ избралъ благую дорогу, переѣхалъ служить въ Петербургъ, завелъ вокругъ себя примѣрный порядокъ, и не имѣя самъ семьи, съ истинно-христіанскимъ самозабвеніемъ трудился для пользы своихъ родныхъ. Во все время проѣзда дождь насъ мочилъ и весенній туманъ проникалъ до костей; по этой причинѣ мы не могли видѣть Бештау, лежащій верстъ пятьдесятъ вправо отъ Георгіевска, съ купой цѣлебныхъ источниковъ, сгруппированныхъ у его подножія.

II.

Екатериноградъ казачья станица старой, неправильной постройки на лѣвомъ, господствующемъ берегу Малки. Длинная и узкая плотина, устроенная поперекъ низменности, покрытой садами въ перемежку съ невысокимъ лѣсомъ, и чрезъ рѣку мостъ на каюкахъ, связывали станицу съ карантинѣмъ, стоявшимъ на правомъ берегу. Мостъ и карантинъ прикрывались землянымъ люнетомъ. Въ 1832 году лѣсъ и сады, лежавшіе по обѣ стороны плотины, подъ обрывомъ надъ которымъ возвышалась станица, служили любимымъ притономъ для „хищниковъ“. Безразсудно было вечеромъ

ходить туда по-одиночкѣ, или ночевать въ садахъ. Вообще фруктовые сады и виноградники, составлявшіе лучшее богатство казаковъ, жившихъ на берегу Терека, были постояннымъ театромъ разбойничьихъ нападеній со стороны горцевъ, и въ журналъ военныхъ происшествій на Линіи играли немаловажную роль.

Между Екатериноградомъ и Владикавказомъ простирается на разстояніи ста пяти верстъ открытая равнина, по которой, кромѣ множества незначительныхъ потоковъ, протекають три быстрыя и глубокія рѣки, Урухъ, Ардонъ и Архонъ. Это пространство намъ слѣдовало пройти съ „оказіей“.

Въ Екатериноградѣ намъ довелось отдохнуть не болѣе сутокъ отъ безостановочной ѣзды въ почтовой телѣгѣ, начиная отъ Воронежа, гдѣ, съ прекращеніемъ сѣвжнаго пути, мы были принуждены покинуть спокойную зимнюю кибитку. На другой день нашего пріѣзда явился десятскій съ повѣсткой, что утромъ выступаетъ „оказія“ и всѣмъ проѣзжающимъ приказано на разсвѣтѣ собираться предъ карантинномъ, по ту сторону Малки. Хозяйка квартиры, которую мы занимали безденежно, по отводу, яко слѣдовавшіе „по казенной надобности“, нанялась доставить насъ до Владикавказа. За отсутствіемъ мужа, отправленнаго „въ партію“, лошадыми долженъ былъ править „непомнящій родства“, приписанный къ ихъ семьѣ работникомъ. Въ то время Кавказская Линія была наполнена бѣглецами изъ внутреннихъ русскихъ губерній. Для пополненія убыли между казаками и для заселенія области, являвшихся на Линію бродягъ, по большей части бѣглыхъ помѣщичьихъ мужиковъ, объявлявшихъ притомъ что они не помнятъ родства, не разбирая кто и откуда, приписывали на нѣсколько лѣтъ къ казачьимъ семействамъ, потерявшимъ отцовъ или сыновей на войнѣ съ горцами. У нихъ бѣглецы работали, приучались владѣть конемъ и оружіемъ, и по прошествіи опредѣленнаго срока поступали навсегда въ казачье сословіе. И нашъ кучеръ принадлежалъ къ числу „непомнящихъ родства“, спасавшихся отъ крѣпостной благодати. Линейское положеніе о бродягахъ, случалось, порождало довольно забавныя недоумѣнія въ народныхъ понятіяхъ. Однажды прибыли на линію нѣсколько сотъ душъ, цѣлымъ селеніемъ, съ женами, дѣтьми, скотомъ и птицей, и стали просить земли, объявивъ, что не имѣютъ

ни роду, ни племени, и совершенно забыли прежнее мѣсто жительства. По правилу, ихъ слѣдовало бы обратить въ казакъ, но помѣщикъ былъ человѣкъ со вліяніемъ и настоялъ на возвращеніи бѣглецовъ, для освѣженія потерянной памяти о прежнемъ, завидномъ бытѣ.

Едва начинало свѣтать, когда мы переправились чрезъ Малку. Прибывъ на мѣсто изъ первыхъ, я имѣлъ случай видѣть очень любопытный сборъ окаян. сначала стали появляться на полѣ повозки и экипажи всевозможныхъ видовъ. Телѣги, брички, кибитки, тарантасы, между ними даже коляска, хотя и допотопнаго сооруженія, а все-таки настоящая рессорная коляска, рысцою выѣзжали за ворота предмостнаго укрѣпленія. За экипажами тянулись длинные ряды грузныхъ телѣгъ, запряженныхъ свѣтлоострыми, длиннорогими черноморскими волами; со скрипомъ двигались высокія двуколесныя татарскія „арбы“, влекомыя черными буйволами, и покачиваясь, шагали громоздно навьюченные верблюды. Всадники скакали по всѣмъ направленіямъ. Съ козелъ правили лошадьми гдѣ русскій бородатый мужикъ, гдѣ казачокъ, гдѣ отставной солдатъ въ военной шинели, на головѣ мохнатая кабардинка, а гдѣ молоденькая, краснощекая, поворотливая казачка, или солдатка въ полумужскомъ нарядѣ. Изъ экипажей и съ высоты арбы глядѣли заспанными глазами фізіономіи разноплеменныхъ путешественниковъ и путешественницъ, укутанныхъ въ военныя шинели, въ бекешы, плащи, въ бурки, въ калмыцкіе нагольные тулупы, въ чумацкія свиты, въ чухи, въ атласные салоны и во всякое иное, модное и не модное, тѣлосогрѣвающее тряпье. Повозки, шныряя во всѣ стороны, причеиъ безпрестанно путались, задѣвали одна за другую, то колесами, то дышломъ, несмотря на безконечную степь раскрывавшую широкую арену для неугомонной суетливости возницъ, кричавшихъ и перекидывавшихся бранью на десяти разныхъ нарѣчіяхъ. Много было тутъ шуму и очень мало порядку; но такъ какъ всему долженъ быть конецъ, и даже безпорядокъ имѣетъ свой положенный предѣлъ, то и наша путаница, послушная велѣнію начальника окаян, прибывшаго на мѣсто съ ротой пѣхоты, орудіемъ и командой казакъ, размоталась въ три длинныя нити. За пушкой помѣстились повозки съ почтой и экипажи, по порядку ихъ величины и іерархическаго значенія, то-есть, сперва коляски, потомъ брички, тарантасы,

кибитки и подъ конецъ открытыя телѣги; направо и налево отъ нихъ выстроились арбы и воловьы подводы. Всадникамъ, которые, по кавказскому обыкновению, имѣли при себѣ оружіе, приказано ѣхать съ казаками въ головѣ, верблюдамъ идти позади повозокъ; конвойная пѣхота размѣстилась по обѣ стороны колонны, впереди, при орудіи, и за верблюдами.

Повинуясь барабану, наши три колонны двинулись медленнымъ, воловьимъ шагомъ по необозримой равнинѣ, окаймленной съ юга свѣтлѣвшимъ на дальнемъ горизонтѣ непрерывнымъ рядомъ свѣтовыхъ вершинъ главнаго Кавказскаго хребта. Порядокъ, въ которомъ мы выступили, никогда не измѣнялся. Когда непріятель появлялся въ числѣ способномъ препятствовать движенію „оказіи“, въ такомъ разѣ останавливались, строили каре изъ воловьихъ подводъ, и отстрѣливались пока ни присылалась помощь изъ ближайшаго укрѣпленія. На Кавказѣ не помнили, чтобы горцамъ удалось разграбить оказію; поэтому часто случалось что забывали необходимую осторожность: подводы растягивались, люди отставали, уходили въ сторону охотиться за фазанами, во множествѣ водившимися въ этихъ мѣстахъ, или просто, безъ цѣли, бродили по высокой травѣ и по кустамъ, поддаваясь безпечности свойственной русскому человѣку. Горцы, не упускавшіе случая невидимо слѣдить за оказіей, подобно коршунамъ налетали на неосторожныхъ звѣакъ, убивали и захватывали ихъ въ виду конвоя, такъ скоро, такъ неожиданно, что рѣдко удавалось имъ помочь.

Нельзя было сказать, что и въ этотъ разъ шли спустя рукава. Штабсъ-капитанъ, распорядившійся оказіей, велъ ее осторожнѣе обыкновеннаго: часто останавливался, ровнялъ головы колоннъ, стягивалъ подводы, безпрестанно высылалъ разъѣзды и никому не позволялъ уходить въ сторону. На это была важная причина. Изъ-за Терека пронеслись неблагопріятныя слухи: Кази-Мегметъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Кази-Муллы—Шамиль того времени, спустился изъ Дагестана въ Чечню, набралъ многочисленную шайку и готовился атаковать Русскихъ. Не было еще извѣстно куда съ намѣреніемъ идти; поэтому его ожидали повсюду и вездѣ готовились дать отпоръ. Имѣя въ виду произвести общее возстаніе горцевъ на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ Кавказской Линіи, онъ считалъ дѣломъ первой необходимости увлечь

за собой Большую Кабарду и этимъ способомъ, если не совершенно прервать, то по крайней мѣрѣ затруднить сообщеніе по Военно-Грузинской дорогѣ. При исполненіи своего замысла, Кази-Мегметъ не могъ миновать нашего пути. Кавказское военное начальство понимало опасность, которая ему угрожала, и всѣми мѣрами старалось ее отвлечь; поэтому нечего было удивляться, если командиръ казачьихъ ротъ, капитанъ линейнаго баталіона, принималъ не всѣдневныя мѣры предосторожности. Къ нашему счастью, онъ былъ старый, опытный Кавказецъ и къ тому же принадлежалъ къ категоріи людей имѣющихъ обыкновеніе заранее не храбриться, а въ минуту дѣйствительной опасности не робѣть. Подъ его начальствомъ, какъ и при каждомъ другомъ, съ нами могла случиться бѣда, но можно было надѣяться, что онъ съ своей стороны не оплошаетъ. Я былъ хотя молодъ, но уже достаточно обстрѣленъ для того чтобы не ошибиться въ человѣкѣ. На его смѣлость и хладнокровіе можно было положиться, не рискуя себя обмануть; а о солдатахъ нечего и говорить. Въ первый разъ я увидѣлъ здѣсь кореннаго кавказскаго солдата, во всю дорогу любовался имъ, то есть имъ самимъ, а не косматою шапкой, которою онъ накрывался, вопреки формы, не потертою шинелью и не аммуниціею принадлежностью, до которой будто не прикасалась пригонка, и не долго медлилъ рѣшить, что съ этимъ солдатомъ можно покуситься на все. Далѣе увидѣть, ошибся ли я въ своемъ заключеніи.

Вслѣдствіе всего что дѣлалось на глазахъ у путешественниковъ и что доходило до слуха ихъ, между ними стало распространяться сильное безпокойство: у многихъ лица вытягивались, по мѣрѣ того какъ мы уходили въ степь и спасительный берегъ Малки исчезалъ изъ виду. Напрасно твердили робѣющимъ, что не далѣе четырнадцати верстъ до ближайшей крѣпости, и что на пути имѣются пять укрѣпленій: Пришибское, Урухское, Минаретское, Ардонское и Архонское, въ которыхъ можно почевать совершенно безопасно отъ Кази-Муллы и его Чеченцевъ. Ихъ встревоженное воображеніе упрямо отталкивало каждую успокоительную идею. Было въ нашей казачьей колоннѣ много разнохарактернаго народа: шатались тутъ люди совершенно беззаботные, думавшіе о чемъ угодно, только не объ опасности; суетились и поддѣльные храбрецы, дѣлавшіе неимоверныя усилія громкими

хвастовствомъ отвести страхъ, сжимавшій ихъ сердца. Всѣхъ смѣлье оказывались дамы, обладающія, какъ извѣстно, общепринадлежащею имъ способностью никогда не бояться настоящей опасности и всегда пугаться безъ причины. Сильно тревожились два петербургскіе чиновника, ѣхавшіе на Кавказъ за чиномъ коллежскаго ассессора и жалованьемъ по усиленному окладу; мысль подвергнуться крушенію такъ близко къ порту своихъ надеждъ, попасть въ плѣнь, или, пожалуй, и того хуже, раздирала имъ душу. Наравнѣ съ ними, если не сильнѣе еще, волновался счастливый владѣлецъ коляски, управляющій владикавказскою винно-откупною конторой. Сначала его встревоженный видъ крайне забавлялъ насъ, потому что онъ нисколько не шелъ къ его рябому, пучеглазому лицу и плечистому складу, по которымъ трудно было отнести его къ категоріи существъ слабонервныхъ; но потомъ мы поняли причину его тревоженія и признали ее совершенно законною. Легко было намъ, отбѣчавшимъ за однѣ собственныя головы, подтрунивать надъ безпокойнымъ взглядомъ „управляющаго“ и надъ огромнымъ телескопомъ, которымъ онъ ежеминутно цѣпилъ на всѣ стороны горизонта; мы не сидѣли въ оболочкѣ отца, имѣвшаго при себѣ двухъ дочекъ, только-что выпущенныхъ изъ ставропольскаго благороднаго двичьяго пансіона, гдѣ ихъ обучали такому множеству языковъ и другихъ предметовъ, что у нихъ, отъ научнаго звона въ ушахъ, въ головѣ образовалась совершенная пустота. Но говорить о воспитаніи, которое давалось въ то время дочерямъ небогатыхъ чиновниковъ въ нашихъ провинціальныхъ пансіонахъ, не идетъ къ дѣлу. Займемся отцомъ. Давнишній кавказскій жилецъ, онъ хорошо зналъ какаѣ судьба ожидала дѣвочекъ, еслибъ онѣ, къ несчастью, попались горцамъ въ руки, и поэтому не былъ спокоенъ ни на мгновеніе; барышни же, не имѣя яснаго понятія объ участи которая имъ угрожала въ такомъ случаѣ, боялись чего-то незнакомаго, и чтобъ одолѣть страхъ, пытались храбриться, какъ храбрятся дѣти, пока дѣйствительно не увидятъ трубочиста, которымъ нянька грозитъ, когда они начинаютъ капризничать.

Ничего нѣтъ легче какъ заводить путевое знакомство при подобныхъ обстоятельствахъ; была бы только охота знакомиться. Никогда я не имѣлъ привычки брезгать товарищами, которыхъ судьба посылала мнѣ въ дорогѣ, на почтовой

станціи, или въ какомъ-нибудь забытомъ уголкѣ земли; какого они чина, званія и свѣтскаго положенія, мало меня тревожило, потому что и въ молодости я не страдалъ смѣшною боязнію уронить себя чрезъ минутное знакомство съ кѣмъ бы то ни было. Другое дѣло дружитья, вступать въ тѣсную связь, — тутъ я готовъ былъ отступить на три шага отъ самаго знатнаго имени, отъ самой заманчивой наружности, если личность меня не привлекала. Побуждаемый склонностію отыскивать людей оригинальныхъ, типическихъ, безъ разбора наружной оболочки, подъ которою скрывались ихъ серьезные или забавныя качества, я познакомился уже на первомъ переходѣ съ большимъ числомъ нашихъ спутниковъ. „Управляющій“ любилъ заводить новыя знакомства несравненно болѣе меня, но какъ человѣкъ опытный и практичный, зналъ насколько въ такомъ дѣлѣ требуется осмотрительности отъ представителя семейства. Онъ подходилъ и кланялся первый, но прежде чѣмъ рѣшался всепокорнѣе пригласить къ коври, разстилавшемуся возлѣ коляски, когда оказіи давали отдыхъ, деликатно развѣдывалъ кто куда ѣдетъ, откуда, какого чина, и не значится ли за нимъ по формуляру родового или благопріобрѣтеннаго. Его любознательность заслуживала полного уваженія, потому что она проистекала изъ самаго чистаго чувства родительской заботливости; на сказанномъ коврѣ красовались не одни соленія и настойки, изъ первыхъ рукъ, но и двѣ дочки, шестнадцати и семнадцати лѣтъ. Нельзя же было упускать изъ виду существенныя достоинства, которыми могли обладать нѣкоторые изъ субъектовъ, брошенныхъ случайно на пути его дочерей при первомъ вылетѣ ихъ изъ гнѣзда. Пристроить дочерей было въ его умѣ дѣломъ первой важности; онъ понималъ, какъ трудно будетъ для него, овдовѣвшаго много лѣтъ тому назадъ, въ одно время слѣдить за кознями амура противъ юныхъ сердецъ обѣихъ барышень и за продажками откупной челяди. Въ оказіи находились, между прочимъ, и люди солидные. Кто знаетъ чѣмъ можетъ кончиться шутка? Суженаго, ряженаго и конемъ не объѣдешь, говоритъ пословица, а коли судьба, такъ, пожалуй, нагонимъ его воловьимъ шагомъ оказіи.

Съ перваго начала „управляющій“ обратилъ на меня мало вниманія: моя рогожная кибитка съ мизерною кладью,

молодость и чинъ армейскаго подпоручика внушали ему весьма посредственное уваженіе къ моей персонѣ. Иное дѣло, еслибъ я числился капитаномъ, ротнымъ командиромъ, да былъ на дорогѣ въ баталіонные, изъ которыхъ можно пагнуть и въ полковые,—тутъ позволительно поклониться лишній разъ; а то молодой егерскій подпоручикъ и ничего болѣе: какого проку отъ него ожидать? Богатъ, такъ маменька не позволить жениться, хотя за дочками и водится капиталецъ; бѣденъ, такъ, пожалуй, готовъ тотчасъ въ церковь,—значить, только придется кормить, пока до чего-нибудь дотянетъ; а не то примется дѣвочкамъ по-просту строить куры да отбивать солидныхъ жениховъ. Изъ приемовъ моего „управляющаго“ легко было замѣтить, что онъ, какъ подобало его житейскому призванію, глядѣлъ на вещи съ чисто практической точки зрѣнія. Сообразно съ этимъ душевнымъ настроеніемъ, онъ не замедлилъ сдѣлать быстрый поворотъ въ мою сторону и засыпать меня любезностями, когда дошло до его свѣдѣнія, что я, несмотря на мой армейскій мундиръ, ѣду въ Тифлисъ служить въ корпусномъ штабѣ. Знакомство со „штабнымъ“ въ его глазахъ имѣло свою выгоду. Къ сожалѣнію, онъ позабылъ заранѣе развѣдать, что я не принадлежу къ категоріи пригодныхъ штабныхъ, не касался, по роду моихъ занятій, до подрядовъ, поставокъ и прочихъ хозяйственныхъ распоряженій, иначе не тратилъ бы онъ на меня такого избытка любезности, закусокъ и настоекъ. Во время двухъ послѣднихъ переходовъ, — мы шли всего четыре дня,—онъ находилъ большое удовольствіе разсуждать со мной о кавказскихъ политическихъ дѣлахъ, бранить снисходительность начальства къ горцамъ, критиковать распоряженія командира оказіи; вслѣдствіе чего не уставая шатавъ возлѣ нашей повозки, на привалахъ приглашалъ къ завтраку, вечеромъ на чай, и нерѣдко на походѣ усаживалъ въ коляску противъ своихъ дочерей, когда это завидное мѣсто случайно не было занято ѣхавшимъ съ нами комиссіонеромъ.

Пожалуй, найдутся люди, которые прервутъ мой разказъ простодушнымъ вопросомъ: почему же комиссіонеру такой почетъ? они, значить, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего столѣтія сидѣли еще на школьной скамьѣ, и я долженъ дать имъ объясненіе. Въ тѣ времена, о которыхъ я вспоминаю, въ обширной сферѣ русскаго чиновничьяго міра комиссіонеръ провіантскаго или комиссаріатскаго

вѣдомства занималъ мѣсто привилегированнаго существа, истиннаго баловня счастья, предъ которымъ прочіе чиновники, папеньки взрослыхъ дочерей, низко кланялись, маменьки умильно улыбались, а барышни стыдливо опускали рѣсницы, выразительно перебирая пальцами уборку платья или комка носовой платочекъ. Говорю о барышняхъ пріобрѣтшихъ уже нѣкоторую долю опытности въ оцѣнкѣ жизненныхъ благъ, то-есть перестрадавшихъ первый періодъ сердечнаго влеченія къ идеаламъ, въ красныхъ, бирюзовыхъ, зеленыхъ и иного цвѣта гусарскихъ долманахъ, и появившихъ, наконецъ, какая бездна отрады гнѣздится въ глубинѣ туго набитаго кармана, какой бы мундиръ его ни прикрывалъ. Коммиссіонеръ былъ тогда не то что нынѣ, обыкновенный служащій; для его дѣятельности раскрывался въ то время необозримо широкій горизонтъ, на склонѣ котораго фортуна рисовала ему розовыми чертами не только чины, ордена и прочія награды, но и очерки домовъ, фабрикъ, съ придачей сотенъ и тысячъ ревизскихъ душъ. О ломбардныхъ билетахъ нечего и говорить, они сами собой, безъ всякаго труда, укладывались къ нему въ бумажникъ. Ступенью выше коммиссіонера стоялъ предсѣдатель казенной палаты. Выше ихъ обоихъ заноситься въ своей амбиціи имѣлъ право лишь винный откупщикъ: начавъ отъ званія цѣловальника, со сплеска, онъ могъ въ продолженіи небольшого числа лѣтъ пріобрѣсти въ свое владѣніе нѣсколько тысячъ душъ, а тамъ недалеко до предводителя и до камергерскаго ключа! Благодаря благое Провидѣніе, русскія души отошли теперь изъ-подъ крѣпости на волю Господню; ихъ нельзя болѣе ни проживать, ни наживать; откупщицкое дѣло, питавшееся разсыропливаніемъ и приправой вина разными невинными спеціями, отъ которыхъ у народа скребло въ горлѣ и жгло кишки, кануло въ омутъ изъ котораго оно выросло; полки потеряли значеніе аренды; и коммиссіонерство перестало быть золотымъ пріискомъ, на которомъ коммиссіонеры вымывали для себя золото изъ всякаго казеннаго добра попадавшаго къ нимъ въ когти.

Воспитанницы ставропольскаго пансіона благородныхъ дѣвицъ были молоды, свѣжи, повѣтому чрезвычайно привлекательны въ нашихъ глазахъ; для сравненія съ ними мы не имѣли предъ собой ни одного сколько-нибудь сноснаго женскаго существа. Ходилъ говоръ, будто съ нами ѣдетъ

еще Армянка замѣчательной красоты, но никому не удалось повѣрить справедливость этого слуха. Красавица скрывалась постоянно въ тарантасѣ, завѣшенномъ со всѣхъ сторонъ, даже ночевала въ немъ; а ея супругъ, тифлисскій торговецъ, одаренный фizioноміей леопарда, съ мотавшимся на поясъ кинжаломъ необычайной величины, бросалъ такіе свирѣпыя взгляды на любопытствовавшихъ поближе разглядѣть внутренность завѣтнаго экипажа, что у нихъ холодъ пробѣгалъ по жиламъ, и они въ смущеніи и страхѣ отъ него удалялись. Затѣмъ скипетръ красоты оставался въ безспорномъ обладаніи двухъ дѣвицъ, и мы, сколько насъ тутъ ни было на лицо: коммиссіонеръ, оба чиновника, и человѣка три офицеровъ изъ разныхъ кавказскихъ полковъ, записались къ нимъ въ поклонники на все время нашего общаго странствованія. Барышни, пользуясь своею властью надъ нами, жеманились, восторгались, обижались, гнѣвались и умилоствовались поочередно, все съ видомъ достоинства, подобавшаго дѣвицамъ хорошаго провинціального тона. Кавалеры отличались съ своей стороны, каждый по силѣ преимуществъ, которыя ему приписывало собственное самолюбіе. Коммиссіонеръ, въ сознаніи своего социальнаго значенія, позволявшаго ему церемониться менѣе другихъ, говорилъ дѣвицамъ комплименты, направленные „не въ бровь, а прямо въ глазъ“. Петербургскіе чиновники, жмуря глаза, цѣдили сквозь зубы помѣствованія объ удивительныхъ эпизодахъ своей столичной жизни: какъ они съ министрами играли въ вистъ и въ бостонъ; какъ тайкомъ передавались имъ раздушенные записочки отъ разныхъ очаровательныхъ графинь; при этомъ давалось понять, что принужденные, по причинѣ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, разстаться на время съ прелестями столичной жизни, они располагаютъ схоронить себя на Кавказѣ не на долго, пока.... Значительное наклоненіе головы довершало фразу. Кавказскіе офицеры, не облакаясь въ покровъ таинственности, въ который такъ величественно драпировались петербургскіе чиновники, занимали барышень не совсѣмъ деликатными, но за то очень правдивыми разказами о своихъ походахъ за Кубанью и за Терекъ. Послѣ этого мы, не водившемуся съ министрами, не получавшему записочекъ отъ графинь и не бывшему еще ни за Терекъ, ни

за Кубанью, оставалось только болтать разный вздоръ—дѣло, которому я предался съ самою похвальною ревностью.

Въ такомъ пріятномъ препровожденіи времени, пространство, отдѣлявшее насъ отъ Владикавказа, исчезало непримѣтнымъ образомъ. На ночь мы располагались возлѣ укрѣпленія вагенбургомъ, который окружали двойною цѣпью карауловъ и секретовъ. Офицерамъ и чиновникамъ отводили квартиры въ форштатѣ, у женатыхъ солдатъ; народъ нечиновный бивуакировалъ вокругъ пылающихъ костровъ. Всю ночь заунывное: „слушай!“ раздавалось около крѣпости и бивуака, напоминая, что мы находимся въ непріязненной сторонѣ. Еслибы не окружавшія насъ военныя предосторожности и не открытыя „летучки“, которыя по нѣскольку разъ въ сутки неслись изъ Владикавказа на встрѣчу къ командиру оказіи и протомъ, отъ поста до поста, летѣли дальше на Линію, елико терпѣли ноги замученныхъ казацкихъ лошадей, мы, пожалуй, готовы были бы совсѣмъ забыть о Казии-Муллѣ и его Чеченцахъ. Въ Ардонскомъ укрѣпленіи прибавили къ нашему конвою взводъ пѣхоты и второе орудіе. Изъ Архона мы выступили раньше обыкновеннаго и къ полудню пришли бы во Владикавказъ, еслибы не спустился такой густой туманъ, что въ десяти шагахъ нельзя было разглядѣть человѣка. Это принудило нашего штабсъ-капитана остановиться не доходя до половины дороги и выслать сильныя развѣзды впередъ и къ сторонѣ Терека. Пока мы ожидали возвращенія казаковъ, прискакалъ осетинскій старшина Магометъ-Казии, съ пятьюдесятью всадниками, задержать оказію отъ имени владикавказскаго коменданта, доколѣ не прибудетъ баталіонъ, посланный изъ крѣпости къ намъ на встрѣчу. Казии-Мулла наконецъ явился со своимъ скопищемъ предъ Назраномъ, въ двадцатипяти верстахъ отъ Владикавказа,—и кто могъ ручаться, что онъ, пользуясь туманомъ, не попытается разбить оказію. Въслѣдствіе этого извѣстія мы построились въ каре, два часа битыхъ прождали прихода обѣщаннаго баталіона, и потомъ, въ тихомолку, безъ барабаннаго боя, двинулись по дорогѣ. Одни татарскія арбы скрипѣли на всю окрестность. Сильный визгъ, вырывавшійся изъ-подъ поворотныхъ осей, къ которымъ колеса прикрѣплены наглухо, слышался издалека. Татары не имѣютъ привычки смазывать оси и оправдываютъ это скрипо-любивое обыкновеніе тѣмъ что они честные люди и не боятся, подобно ворамъ, если будетъ

слышно когда они вѣдутъ. Подъ покровительствомъ непроницаемаго тумана мы перешли по мосту черезъ Терекъ, вошли во владикавказское предмѣстье и построили вагенбургъ на площади предъ крѣпостными воротами, чрезъ которыя пропустили однихъ путешественниковъ съ ихъ поклажей. Экипажамъ не было мѣста внутри крѣпости, загроможденной стариками, женщинами, дѣтьми, товаромъ и всякимъ имуществомъ, свезеннымъ въ нее изъ обоихъ форштатовъ. Петербургскихъ чиновниковъ, одного офицера, моего родственника, и меня, помѣстили въ какомъ-то чуланѣ возлѣ комендантской канцеляріи, гдѣ мы расположились на своихъ чемоданахъ, вмѣсто постели, имѣя на всю братію одинъ деревянный табуретъ, получившій, по единогласному приговору, назначеніе исправлять должность чайнаго стола. Управляющій съ дочерью нашелъ пріютъ у самого коменданта, а комиссіонера мы потеряли изъ виду и не заботились о немъ, зная, что для особы его званія всегда готово теплое мѣстечко тамъ гдѣ существуютъ склады провіанта, которыми Владикавказъ былъ вовсе не бѣденъ.

Нельзя оставить безъ поясненія причину тревоги, возмущившей созерцательное житіе Владикавказцевъ и принудившей насъ не только помѣститься въ чуланчикѣ самъ-пятъ, но и прожить четверо сутокъ въ такомъ стѣсненномъ положеніи.

Владикавказъ, главный стратегическій пунктъ въ центрѣ Кавказской Линіи, оборонявшій Военно-Грузинскую дорогу при выходѣ ея изъ ущелья Терека на Кабардинскую равнину, долженствовавшій удерживать въ повиновеніи Большую и Малую Кабарды, Осетинъ и мелкія кистинскія общества, занимавшія сѣверную покатость хребта, слылъ повсюду сильною крѣпостью, но въ сущности не оправдывалъ своей репутаціи. Земляныя насыпи по нуждѣ только могли противиться горцамъ, не имѣвшимъ тогда еще артиллеріи и дѣйствовавшимъ безъ общей связи, послѣ рѣшительнаго удара нанесеннаго Ермоловымъ Большой Кабардѣ въ 1821 году. Но тутъ вмѣшался въ наши кавказскія дѣла новый факторъ. Гимринскій уроженецъ, Кази-Мегметъ явился въ 1830 году проповѣдникомъ мусульманскаго ученія, на которомъ Шамиль основалъ въ послѣдствіи свое продолжительное могущество, взволновалъ Дагестанъ и Чечню и съ помощію мюридовъ быстро сталъ распространять свое владычество надъ горами лѣваго фланга Кавказской

Линіи. Нѣсколько удачныхъ набѣговъ на нашу границу, въ особенности разграбленіе Кизляра, доставили ему высокое значеніе въ глазахъ воюющихъ, преимущественно бьющихся изъ-за добычи; горцы признали его „михомъ“ — святымъ, „имамомъ“ — пророкомъ, и подъ его предводительствомъ готовы были, не жалья головы, идти на „казвать“ — священную войну противъ гяуровъ. Все это не имѣло бы особой важности, еслибы въ то же время Кази-Мегметъ, равнявшійся умомъ и предприимчивостью своему преемнику Шамилю, не принялся всѣми способами направлять горцевъ къ одной общей цѣли, заключавшейся въ единодушномъ сопротивленіи русской силѣ. Этого не ожидали и къ этому не были приготовлены.

Владикавказская крѣпость, окруженная двумя форштатами, вмѣщавшими множество лавокъ наполненныхъ товаромъ, и обширными фруктовыми садами, все болѣе и болѣе стѣснявшими ея оборону, уже лѣтъ десять не находилась въ положеніи опасаться со стороны горцевъ открытаго нападенія. Мелкія происшествія, убійства, грабежи и кража людей повторялись ежедневно подъ самыми стѣнами крѣпости; но подобныя бездѣлцы никого не смущали въ то время на Кавказѣ. Однажды два Чеченца подкараулили въ саду самого коменданта, генерала Пюца, и унесли въ горы, посадивъ на палки, такъ какъ старикъ, страдавшій подагрой и всегда обутый въ высокіе валеные сапоги, за чѣмъ горцами былъ прозванъ генераль „де-вака“ — войлочный сапогъ, не могъ бѣжать съ потребною скоростію. Коменданта принуждены были выкупить у воровъ. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, разѣзды посылались очень часто, на ночь разставлялась вдоль бруствера цѣпь, и въ садахъ помѣщали секреты, а о крѣпости никто не помышлялъ: брустверь исподоволь осыпался въ ровъ, платформы подъ орудіями осѣдали и дружно гнили вмѣстѣ съ лафетами; гарнизона оставалось не болѣе одного линейнаго баталіона и сотни донскихъ казаковъ, да и изъ нихъ половина людей находилась въ командировкѣ. Поэтому нечего удивляться, если слухъ о прибытіи въ Чечню Кази-Муллы и о замыслахъ его на Военно-Грузинскую дорогу смутилъ нѣкоторымъ образомъ владикавказское начальство, которое даже очень встревожилось, когда онъ съ тремя тысячами Чеченцевъ обложилъ Назрановское укрѣпленіе, отправилъ сильную партію Лезгинъ

подчинить своей власти Галашевцевъ, Галгаевцевъ, Кистинцевъ и Хевсурцевъ, и въ то же время послалъ тайныхъ переговорщиковъ къ Кабардинцамъ, съ порученіемъ убѣдить ихъ присоединиться къ возстанію.

По первому слуху, владикавказскій гарнизонъ былъ усиленъ однимъ баталіономъ изъ Грузіи. Крѣпость принялись чинить напоследкахъ, и не малаго труда стоило привести въ порядокъ тяжелую артиллерію, давно брошенную на произволъ судьбы. Изъ форштатовъ переселили въ крѣпостную ограду дѣтей и женщинъ съ имуществомъ, какое онѣ успѣли захватить на скорую руку, а мужчинъ, способныхъ носить оружіе, заставили оборонять оставленные дома и сады, вмѣстѣ съ осетинскими и кабардинскими милиціонерами, на преданность которыхъ полагались слишкомъ мало, чтобы поручить имъ, наравнѣ съ солдатами, защиту самой крѣпости. Осетинскія и ингушевскія семейства, укрывавшіяся во Владикавказъ изъ окрестныхъ селеній, помѣщали въ вагенбургъ, построенномъ изъ повозокъ нашей оказіи. Въ крѣпость вводили, однако, дѣтей и женъ людей имѣвшихъ вѣсъ въ народѣ, чтобы помощью этого залога уберечь ихъ отъ измѣны.

Кази-Мерметъ, какъ выше было упомянуто, обложилъ Назрановское укрѣпленіе наканунѣ нашего прихода во Владикавказъ; поэтому мы попали въ самый разгаръ тревоги. Слухъ и зрѣніе всѣхъ Владикавказцевъ были обращены къ оторонѣ осажденнаго русскаго укрѣпленія, обороняемаго двумя слабыми ротами; каждый думалъ только объ одномъ—объ участи ихъ и о послѣдствіяхъ, если имъ не удастся устоять противъ непріятеля. Съ первою удачей Кази-Мермета подъ Назраномъ, все бы поднялось вокругъ Владикавказа, сообщеніе съ Грузіей было бы прервано, и положеніе самой крѣпости сдѣлалось бы весьма затруднительнымъ. Изъ Назрана не имѣли никакого извѣдомленія; непріятель прервалъ всякое сообщеніе съ нимъ. Комендантъ, офицеры и даже солдаты, свободные отъ службы, не сходили съ бруствера, напрасно стараясь что-нибудь разглядѣть или разслушать. Туманъ не позволялъ видѣть далѣе гласиса, а до слуха долеталъ лишь слабый гулъ отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ—и ничего не объяснялъ. Осетины и казаки, посылаемые въ развѣздъ, возвращались безъ положительныхъ извѣстій; однажды они столкнулись въ упоръ съ сильною непріятельскою партіей

и, вмѣсто новостей, привезли обратно нѣсколько тѣлъ своихъ убитыхъ товарищей. Тотчасъ по пріѣздѣ, Александръ Лаврентьевичъ и я отправились къ коменданту явиться, какъ слѣдовало по порядку службы, и предложить ему наши услуги въ случаѣ появленія Кази-Муллы предъ крѣпостью. Узнавъ, что мы оба принадлежимъ къ тифлисскому штабу, онъ не рѣшился взять на себя отвѣтственность нами распорядиться, но просилъ насъ въ минуту тревоги находиться при немъ, а покамѣстъ оглядѣться во Владикавказѣ и познакомиться поближе съ мѣрами, которыя онъ принимаетъ къ отраженію непріятеля. Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, я обошелъ сады, форштаты и излазилъ всѣ закоулки крѣпости, надъ которою работали днемъ и ночью, раскладывая на гласисѣ огромные костры, во первыхъ, для освѣщенія работъ, во вторыхъ, на случай неожиданнаго ночнаго нападенія. Совершенный новичокъ на Кавказѣ, я любопытствовалъ познакомиться со всѣми подробностями военныхъ привычекъ страны, въ которой мнѣ приходилось служить. Противъ комендантскихъ распоряженій нечего было сказать; они соответствовали обстоятельствамъ, и только недостатокъ рукъ и времени не допускали приготовиться какъ слѣдуетъ. Однако, можно было спросить: почему же до того времени жили спустя рукава, предаваясь гордому убѣжденію, что никто не посмѣетъ напасть на Владикавказъ?

На другой день пушечные выстрѣлы продолжали раздаваться; на третій день сильная канонада слышалась съ разсвѣтомъ, потомъ повторилась часу во второмъ пополудни, и къ вечеру совершенно умолкла. Всѣ испугались; не взято ли укрѣпленіе? Комендантъ послалъ немедленно значительную партію Осетинъ къ сторонѣ Назрана и въ то же время, за большія деньги, отправилъ тайкомъ двухъ лазутчиковъ развѣдать въ чемъ дѣло. До свѣту еще лазутчики прискакали обратно съ радостною вѣстью: укрѣпленіе цѣло, русскія роты отбили два приступа, послѣ втораго штурма назрановскіе Ингуши бросились неожиданно на бѣгущихъ Чеченцевъ и принялись ихъ добивать, передъ вечеромъ Кази-Мулла ушелъ за Сунжу; поэтому и перестали палить изъ пушекъ.

Въ то же утро все въ крѣпости зашевелилось, обрадованные жители стали перебираться въ свои покинутые дома, насъ отпустили въ дорогу. До Дарьяла намъ слѣдовало еще, противъ обыкновенія, ѣхать шагомъ, въ сопровожденіи

пѣхотнаго конволя, потому что Галгаевцы и Кистинцы отказались въ повиновеніи. Хевсурцы, напротивъ того, со стыдомъ прогнали отъ себя Казі-Мегметовыхъ Лезгинъ.

Въ день нашего отѣзда туманъ, пятеро сутокъ застилавшій окрестности Владикавказа, превратился въ проливной дождь на равнинѣ, а въ горахъ за Балтой въ мокрый снѣгъ, хлеставшій намъ въ глаза съ ослѣпляющею силой. Мокрые, забрызганные грязью, полузамерзшіе, избитые толчками телегъ, судорожно прыгавшей чрезъ камни, устилавшіе всю дорогу, мы были мало расположены удивляться поразительной картинѣ горнаго величія, постепенно развивавшейся предъ нашими глазами. Въ Ларсѣ, двадцать пять верстъ за Владикавказомъ, настъ застигла темная ночь; продолжать дорогу было невозможно; мы переночевали въ станціонной саклѣ сидя, потому что некуда было лечь. На другое утро та же дурная погода, намѣво, направо, впереди тѣ же пасмурныя скалы, все выше и выше воздымавшіяся къ облакамъ, суживая дорогу и становясь поперекъ извилистатаго ущелья. Иногда, казалось, мы приближались къ высокой зубчатой стѣнѣ, далѣе которой нѣтъ пути; неожиданный поворотъ, и впереди мелькнувшій уголокъ сѣраго неба снова указывалъ направленіе, въ которомъ дорога извивалась надъ Тереккомъ, кипѣвшимъ глубоко подъ ногами непрерывнымъ, бѣшенымъ, оглушающимъ водопадомъ. Предъ Дарьяломъ ущелье приняло характеръ расщелины, какой, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ кромѣ Кавказа не существуетъ въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ. Отгѣсеныя гранитныя скалы, громоздившіяся одна надъ другою, вышиной въ нѣсколько тысячъ футовъ, висѣли огромными выступами у насъ надъ головами. Среди лѣта подножіе ихъ освѣщается солнцемъ не долѣе трехъ или четырехъ часовъ; все остальное время оно покоится въ тѣни. Подъ напоромъ непреодолимой внутренней силы поднялась земная кора; гранитный поясъ Кавказскихъ горъ, простирающійся отъ одного моря до другаго, не устоялъ, раздвоился, и съ высоты Казбека воды хлынули въ отверстіе, ворочая камни и отрывая скалы. Въ продолженіе многихъ тысячъ вѣковъ неукротимая быстрина размывала узкую тѣснину; наконецъ Терекъ улегся въ свое русло; надъ его крутымъ берегомъ образовалась стезя, и для человѣка раскрылись Дарьяльскія ворота. Съ того времени много народныхъ громадъ проходили чрезъ эти ворота, всѣ онѣ

шли на гибель себѣ и своихъ собратій по человечеству; одни Русскіе прошли здѣсь не съ мыслию истребленія, не за добычей, а на защиту христіанскаго царства, истекавшего кровью подъ ударами своихъ лютыхъ мусульманскихъ сосѣдей.

Около моста чрезъ Терекъ, — дорога переходила въ этомъ мѣстѣ съ лѣваго на правый берегъ рѣки, — стоялъ небольшой каменный редутъ, вмѣщавшій всего два строенія: казарму на одну роту и офицерскій флигель. Часовой нашъ остановилъ; слѣдовало прописать подорожные листы, въ удостовѣреніе дня и часа, въ который мы благополучно проѣхали чрезъ пограничную черту Линіи съ Закавказьемъ. Отсюда начинался административный районъ Грузіи. Конвойные солдаты пошли въ казарму отдохнуть, а мы поѣхали рысцой по направленію къ Казбекской почтовой станціи.... Направо отъ дороги возвышался Казбекъ. Вершина великана хоронилась въ густыхъ облакахъ, открывавшихъ взгляду одинъ нижній край снѣжнаго покрыва дѣвственной бѣлизны, опускающагося съ крутыхъ боковъ на остро-ребрые хребты изъ порфира и гранита, подпирающіе его подножіе. И того, что было видно, достаточно было для внушенія намъ полнаго уваженія къ его исполинской вышнѣ.

Деревня, одного имени съ горой, какъ и проживавшіе въ ней грузинскіе князья Казбеки, лежала на почтовой дорогѣ и, подобно всѣмъ горнымъ селеніямъ, состояла изъ сборища крытыхъ шиферомъ, бѣдныхъ каменныхъ сакель самой первобытной постройки. Одна новая, небольшая церковь, изъ разноцвѣтнаго камня, придавала селенію издали видъ обитаемости, исчезавшій при вѣздѣ въ единственную тѣсную улицу, образованную грудой маленькихъ жилищъ одного цвѣта съ каменистою почвой и съ окрестными скалами. Пока перепрягали лошадей, я отправился въ „духанъ“, въ надеждѣ отыскать что-либо свѣстное — и нашелъ одну водку да балыкъ, отъ которыхъ принужденъ былъ отказаться, питая къ нимъ сильное отвращеніе. Неудачный поискъ за жизненными припасами доставилъ мнѣ, однако, случай увидѣть такой феноменальный носъ, какой самое пылокое воображеніе не можетъ себѣ представить принадлежащимъ лицу живаго человѣка, а не маскѣ. Владѣлецъ его, князь Казбекъ, дядя того поручика Казбека, который во время послѣдующей экспедиціи командовалъ въ нашемъ отрядѣ осетинскими

милиціонерами, сдѣлался по такому обстоятельству человѣкомъ извѣстнымъ на всемъ Кавказѣ. Эта нежеланная слава, сказывали мнѣ, была для него такъ тягостна, что онъ никуда не выѣзжалъ изъ своей деревни, прятался дома, и чужой могъ видѣть его только случайно. Носъ былъ такъ непомерно великъ, что онъ даже въ Грузіи, богатой носами почтенныхъ размѣровъ, слылъ чудовищнымъ явленіемъ. Два года спустя похоронили бѣднаго князя, и мало-по-малу на Кавказѣ изгладилась память о дивномъ носѣ, составлявшемъ главное несчастье въ его жизни.

Отъ Казбека до Коби, деревушки у подошвы Крестовой горы, въ которой находилась почтовая станція,—всего пятнадцать верстъ,—мы ѣхали часа четыре, съ трудомъ пробираясь на колесахъ чрезъ глубокій, свѣжевыпавшій снѣгъ. На этомъ пространствѣ горы будто сложились въ часъ гнѣва Божія, человѣку на страхъ, рисуя каменными горами безотрадную картину предвѣчнаго хаоса. Дыханіе природы остановилось, жизнь исчезла: нигдѣ ни зелени, ни дерева, ни куста, ни живой твари; вездѣ, куда ни обратишь глаза, одинъ камень, одѣвъ остроконечныя скалы безжизненнаго, темнобураго цвѣта. Нигдѣ послѣ того я не встрѣчалъ въ Кавказскихъ горахъ мѣста наводившаго такую глубокую тоску, какъ окрестности Коби. Подъ впечатлѣніемъ овладѣвавшего нами нерадостнаго чувства, мы разчитывали провести въ этой скучной глуши только ночь и съ разсвѣтомъ переправиться чрезъ Крестовую гору по снѣгу, покрывающему ее съ октября до іюня, а иногда и до іюля. Горько ошиблись мы въ своемъ разчетѣ: наканунѣ нашего пріѣзда на горѣ разыгралась непогода, около Байдары свалился снѣжный заваль и засыпалъ ѣхавшихъ изъ Грузіи съ почтой трехъ почтарей, двухъ казаковъ и семь лошадей. Жители, собранные по приказанію кобинскаго постоваго начальника, отрывали ихъ тѣла, и намъ было объявлено наотрѣзъ, что пока снѣгъ не будетъ разчищенъ и погода на горѣ не переменится, нечего и думать о переѣздѣ въ Грузію.

Казенные заѣзжіе дома не были еще достроены ни въ Ларсѣ, ни въ Казбекѣ, ни въ Коби; поэтому намъ довелось поселиться въ грязной, дымной и холодной саклѣ и, скрѣпя сердце, прожить въ ней четверо сутокъ, пока разгребали заваль. Укутанные въ шубы, обвязанные платками, пятеро насъ, злосчастныхъ странниковъ, Александръ

Лаврентьевичъ, оба петербургскіе чиновника, я, да военный докторъ изъ Владикавказа, тѣснились около очага, на которомъ вспыхивалъ съ трескомъ и потомъ мгновенно потухалъ хворостъ, доставленный по приказанію постоваго начальника, имѣвшаго обязанность снабжать проезжихъ топливомъ отъ казны, съѣстными припасами съ рынка, за умѣренную цѣну, и заботиться о цѣлости ихъ, не позволяя въ метель, или когда, по извѣстнымъ примѣтамъ, предвидѣлось паденіе завала, ѣхать чрезъ гору. Грѣшно было бы винить въ нашей нуждѣ бѣднаго кобинскаго труженика, поручика линейнаго баталіона, терпѣвшаго годъ изъ году то, что мы находили труднымъ перенести въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ Коби существовала бѣдность во всемъ и преимущественно въ дровахъ; Гудашаурцы издалека приносили на плечахъ вязанки тощаго хвороста, который имъ приходилось набирать по разсѣлинамъ смежныхъ, совершенно безлѣсныхъ горъ. Бога слѣдовало благодарить, когда, чрезъ посредство того же воинскаго начальника, намъ удалось добыть пару куръ, десятка три яицъ и нѣсколько фунтовъ пшеничной муки, причемъ насъ предупредили бережливо расходовать припасы, потому что жители не приходятъ на базаръ изъ-за глубокаго снѣга, и мы ничего не получимъ, сколько бы денегъ ни сулили. Что, однако, дѣлать съ этимъ богатствомъ? Я не взявъ человѣка въ дорогу, предпочитая выбрать деньщика изъ кавказскихъ служивыхъ, а слуга моего родственника былъ городской лакей, ловкій драить платье щеткой и курить барскій табакъ, но совершенно неспособный къ кухонному дѣлу. Петербургскіе чиновники были знакомы съ приемами хорошаго тона и съ министерскимъ порядкомъ, отъ кулинарныхъ же познаній отрекались, или просто считали ниже своего чиновничьяго достоинства марать руки объ очагъ и сковороду. Докторъ, Кавказецъ, къ тому же практичный Малороссіянинъ, выручилъ насъ изъ затрудненія, объявивъ, что сумѣетъ совладать съ курами, съ мукой и яйцами, засучилъ рукава и, не жеманясь, принялся за дѣло. Питая убѣжденіе, что и мои руки созданы не для одного сбереженія ихъ бѣлизны, и что сажа, сколько ни чернить на первыхъ порахъ, однако, менѣе липнетъ къ человѣку чѣмъ иное невидное пятнышко, я не отказался поступить къ доктору въ помощники. Безъ промѣшки явились на столъ супъ, яичница и голушки, чего было очень достаточно для поддержки нашего

лѣниваго прозябанія. Съ чубукомъ въ рукѣ, слушая весьма интересные для меня разказы доктора о его кавказскомъ житѣ-бытѣ, я скучалъ въ Коби менѣ чѣмъ показалось съ перваго раза; но все-таки чрезвычайно обрадовался, когда, на пятый сутки, насъ разбудили до свѣта, объявивъ, что казачьи лошади осѣдланы и надо спѣшить въ дорогу.

Весной лучшее время для переѣзда чрезъ Крестовую гору, названную этимъ именемъ по кресту, воздвигнутому на перевалѣ, есть раннее утро, пока солнце не разогрѣло еще свѣта. Завалы обрушиваются обыкновенно послѣ полудня и подъ вечеръ. Не мѣшкая, мы сѣли на лошадей, приказали навьючить вещи и одинъ за другимъ, имѣя впереди и сзади по два казака, поѣхали въ гору. За нами звенѣлъ колокольчикъ; это были запряженные гужомъ салазки съ почтовыми тюками. Почти до креста проѣхали мы подъ яснымъ, прозрачнымъ небомъ, постепенно проникавшимся изъ-за горъ свѣтомъ восходящаго солнца; потомъ, почти мгновенно, его заволокло сѣренькимъ туманомъ, дунулъ рѣзкій вѣтеръ, свѣтъ закрутился, наполнилъ воздухъ, и дорога, окрестныя вершины, ѣхавшіе впереди казаки, скрылись въ вихрѣ метели. По свѣту, въ сажень и болѣе глубины, пролегла узкая дорога въ одну лошадь; по ней можно было проѣхать въ салазкахъ, употреблявшихся между Коби и Кайшауромъ, но ни въ какомъ другомъ экипажѣ. Шагъ въ сторону, и лошадь тонула по уши въ свѣту. Наме положеніе становилось болѣе чѣмъ непріятнымъ. Назадъ—слишкомъ далеко; на горѣ переждать метель—невозможно, пожалуй, замететъ; впередъ ѣхать—не видно дороги. Не прошло десяти минутъ, и передовые казаки, потерявъ направление, стали какъ вкопанные. Тогда ямщикъ съ почтой выпросился впередъ; съ нимъ бѣжала мохнатая, невидная собаченка. „Завалъ можетъ насъ задавить, коли Богу угодно“, говорилъ ямщикъ, „а съ дороги не собьемся; мы съ Волчкомъ третій годъ гоняемъ почту чрезъ Крестовую гору, Волчокъ и въ метель дорогу знаетъ“. Ямщика пропустили впередъ, онъ свистнулъ, и Волчокъ, таякая, побѣжалъ предъ санями, за которыми потянулась вся ватага разнокалиберныхъ вѣдоковъ. Благодаря даровитости разумнаго Волчка, мы поднялись на Крестовую гору и проѣхали, не сбиваясь съ пути ни на шагъ, вдоль страшной пропасти, надъ которою дорога извивается около Гудъ-горы.

За этимъ опаснымъ мѣстомъ она дѣлаетъ крутой поворотъ и начинается спускаться къ Кайшауру. Сто шаговъ ниже снѣгъ пересталъ порошить въ глаза, вѣтеръ затихъ, на небѣ проглянули темно-голубые просвѣты, изъ-за послѣднихъ клубовъ тумана блестнуло солнце, ясное солнце Грузіи, и далеко подъ нами открылась живописная долина Арагвы, облеченная во всю красу весенняго убора южной природы. Рѣка извивалась серебряною лентой между волнистыми грядами горъ, пестрѣвшихъ лѣсами, деревнями, башнями грузинскихъ помѣщичьихъ домовъ, садами и полями, на которыхъ ярко-зеленые всходы радовали обѣщаніемъ богатой жатвы. Съ каждымъ шагомъ воздухъ становился теплѣе, душистѣе; еще ниже, и звонкіе голоса птичекъ, распѣвавшихъ на всѣ лады, напомнили намъ, что мы находимся среди южной весны, исполненной животворной нѣги, которую не суждено вдыхать у себя жителю строгаго сѣвера. Кто не проѣзжалъ по Военно-Грузинской дорогѣ весной, осенью и даже зимой, не можетъ себя представить быстрого перехода отъ тепла къ холоду, отъ зимняго, удручающаго однообразія къ весенней роскоши, ожидающей путника на поворотѣ между Гудъ-горой и Кайшауромъ. Въ продолженіе моей двѣнадцати-лѣтней службы на Кавказѣ, я проѣзжалъ по этой дорогѣ восемнадцать разъ, во всякое время года и во всякую погоду. Нѣтъ мѣста на ней, которое бы не ознаменовалось для меня какимъ-нибудь особеннымъ воспоминаніемъ. Всего припомнить нельзя, столько годовъ прошло съ тѣхъ поръ, да и не обо всемъ стоить вспоминать. Довольно замѣчательное путешествіе я совершилъ по Военно-Грузинской дорогѣ съ женой, въ 1844 году, когда казенные заѣзжіе дома, которыхъ фундаментъ только выросталъ изъ земли въ мой первый проѣздъ, уже были отстроены, что, впрочемъ, не мѣшало намъ голодать и мерзнуть по-прежнему.

Въ 1844 году готовилась рѣшительная экспедиція противъ Шамилы, для чего былъ придвинутъ на Кавказъ и 5-й пѣхотный корпусъ, подъ командой генерала Лидерса. Я былъ женатъ не болѣе полугода. Мнѣ разрѣшили, на всякій случай, перевести сперва жену изъ Ставрополя въ Тифлисъ, въ домъ къ дядѣ, и освободившись отъ этой заботы, пріѣхать послѣ того въ отрядъ. Было весеннее время, и въ каретѣ перебраться чрезъ Крестовую гору нелегкая задача. Командующій войсками на Линіи,

В. О. Гурко, при которомъ я имѣлъ счастье состоять, упростилъ ее, приказавъ приготовить въ Коби для моего проѣзда воловъ и рабочій народъ. До Казбека мы доѣхали скоро и безъ всякаго приключенія. Переночевавъ въ теплой и чистенькой комнаткѣ заѣзжаго дома, мы отправились въ дорогу около десяти часовъ утра; отсюда начался для насъ рядъ бѣдствій, забавныхъ, когда вспомнишь, до-нельзя бѣсившихъ въ минуту ихъ неожиданной встрѣчи. На второй верстѣ отъ Казбека начинался снѣгъ. Къ шести сильнымъ лошадямъ, запряженнымъ въ небольшую двумѣстную карету оказалось необходимымъ добавить еще пару лошадей. Посланнаго за ними конвойнаго казака мы прождали болѣе часа, потомъ двинулись медленнымъ шагомъ; колеса все болѣе и болѣе вѣзывались въ глубокій снѣгъ; карета колыхалась во всѣ стороны; шедшіе возлѣ ямщики и казаки подпирали ее то плечомъ, то рычагомъ, едва успѣвая удерживать ее на вѣсу. На восьмой верстѣ она увязла по ступицы; сдѣлали отчаянную попытку ее вытащить, и опрокинули на бокъ. Поднять не достало силы у людей; я отправилъ двухъ казаковъ въ Коби за волами и за народомъ. Вокругъ разливалось море растопленнаго снѣга, въ каретѣ также нельзя было оставаться въ лежачемъ положеніи. Чтò тутъ дѣлать? Замѣтивъ шагахъ въ двадцати отъ дороги широкій камень, незалитый водой, мы добрались до него, усѣлись и принялись ожидать казаковъ посланныхъ на станцію, которымъ я приказалъ привести также почтовую телѣгу для отвоза жены и горничной. Часъ проходилъ за часомъ, солнце стало склоняться къ горизонту, надоѣло ожидать сидя на камнѣ, какъ на островѣ, и мы рѣшились идти въ Коби пѣшкомъ, но колѣно въ снѣгу, въ бродѣ чрезъ Байдару, до пояса въ водѣ. Человѣкъ съ казакомъ остались при экипажѣ. Надо замѣтить, что погода стояла отличная, солнце невыносимо пекло голову и плечи, а снѣгъ и вода студили ноги; по докторскому сказанію, это не совсѣмъ здорово, однако мы хорошо выдержали, кромѣ дѣвушки, заболѣвшей горячкою вслѣдствіе нашего пѣшеходнаго странствія. За часъ предъ закатомъ солнца мы приплелись въ Коби, встрѣтивъ въ полуверстѣ телѣгу и людей шедшихъ выручать экипажъ. Въ казенномъ домѣ ожидали насъ большія, высокія комнаты, холодныя, бѣдныя мебелью, грязныя; и, въ довершеніе бѣды, ничего чѣмъ бы можно было согрѣться, ни чаю, ни кофею, ни вина, а

коробка со съѣстными припасами осталась въ каретѣ. Жена, освободившись отъ мокраго платья, укутанная шалью, сидѣла на доскахъ безтюфлячной и къ тому же единственной кровати, горничная лежала на грязномъ полу, въ припадкѣ лихорадочнаго бреда. Около огромной печи, распространявшей по комнатѣ не тепло, а зловонный чадъ, были развѣшены мокрыя принадлежности женскаго одѣянія. Обросивъ все что на мнѣ было мокраго и помѣстившись возлѣ окна, драпированный въ бурку, я задалъ себѣ трудную задачу логическимъ выводомъ опредѣлить, почему въ Казбекѣ казенный домъ устроенъ такъ хорошо, такъ удобно, а въ Коби, гдѣ, кажется, было бы нужнѣе, такъ нестерпимо дурно.

Мои размышленія были прерваны неожиданнымъ стукомъ въ дверь.

— Кто тамъ?

Нѣтъ отвѣта; стукъ усилился.

Сильно раздосадованный, я бросился къ двери, растворилъ немного и выглянулъ.

За дверью стоялъ постовый начальникъ, при шарфѣ. Увидавъ щель, онъ просунулъ ногу и всею тяжестью своего туловища налегъ на дверь, усиливаясь проникнуть въ комнату.

Я уперся.

— Что прикажете?

— Имѣю честь....

Должность, которую я занималъ при командующемъ войсками на Линіи, и заботливость мѣстныхъ властей облегчить мнѣ перевязъ чрезъ горы въ тяжеломъ экипажѣ, произвели свое дѣйствіе. Военскій начальникъ счелъ полезнымъ мнѣ явиться. Я не далъ ему договорить.

— Тысячу разъ прошу извинить, господинъ поручикъ. Какъ я емь, я не смѣю васъ принять. Извините!

Я нажалъ плечомъ, дверь подалась, и крючокъ упалъ въ петлю.

Чрезъ четверть часа тотъ же стукъ, та же сцена.

— Что угодно?

— Прикажете поставить часового, когда привезутъ экипажъ?—и поручикъ усиливался стать твердою ногой внутри комнаты.

— Часового не слѣдуетъ; распорядитесь поставить караульщика безъ ружья,—и дверь закрылась.

„Наконецъ избавился отъ поручика, подумалъ я,—въ третій разъ не попробуетъ.“ Разчетъ былъ сдѣланъ безъ хозяина.

Не прошло десяти минутъ, опять стучать въ дверь.

Ожидая извѣстій объ экипажѣ и отнюдь не предполагая снова увидѣть моего мучителя, я отперъ, не упуская, однако, изъ пальцевъ дверной ручки.

Въ щель проникъ довольно хриплый голосъ поручика.

— Какой прикажете отзывъ?...

— Чадъ, угаръ, голодъ, холодъ! что хотите, только оставьте меня въ покоѣ! крикнулъ я и захлопнулъ дверь.

Послѣ того поручикъ болѣе не являлся.

Предъ разсвѣтомъ приволокли экипажъ. Жену съ горничной перевезли на однихъ, каретные сундуки на другихъ салазкахъ; я предпочелъ ѣхать верхомъ. Въ Квишетѣ, четыре версты ниже Кайшаура, мы имѣли время отдохнуть двое сутокъ у добраго и гостепріимнаго князя Авалова, начальника горскихъ народовъ, пока перетаскивали карету съ помощію восьми паръ воловъ и человекъ пятидесяти Гудашаурцевъ, вооруженныхъ шестами, веревками, лопатами и кирками, которымъ я заплатилъ за это дѣло болѣе ста рублей серебромъ.

Такъ случилось со мной въ 1844 году, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ моего перваго переезда чрезъ горы. Тогда мой багажъ былъ не великъ, почтовая телега приняла его безъ труда, и мы поскакали, не останавливаясь, въ Тифлисъ. Безпрерывно мѣнявшіеся виды, одинъ лучше другаго, мелькали предъ нами подъ разнымъ освѣщеніемъ, солнце грѣло, и весело мчался я навстрѣчу моей невѣдомой будущности, въ ожиданіи отъ нея всякаго добра: въ то время я былъ такъ расположенъ вѣрить во все хорошее. Незамѣтно исчезало разстояніе. Пасанауръ, Анауръ, Душетъ, Гашискаръ, развалины Мухета, древней столицы Грузіи, уцѣлѣвшій въ немъ соборъ, римскій мостъ чрезъ Куру, пролетѣли подобно быстро мѣняющимся декораціямъ, и въ одно прекрасное утро издали обрисовались предъ нами тифлисскія горы, старая крѣпость Метехъ, потомъ мы спустились въ оврагъ рѣчки Вѣры, поднялись, и чрезъ четверть часа отобрали у насъ подорожныя на Гарцискарской заставѣ. Мы пріѣхали въ Тифлисъ.

(До слѣд. №.)

Т.

ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗИИ

III.

Тифлиса, каковъ онъ теперь, я не знаю. Въ 1844 году я распростился съ нимъ навсегда. Уже и тогда городъ, увеличенный порядочнымъ числомъ домовъ европейской постройки, много утратилъ изъ оригинальности своего первобытнаго вида. Въ 1832 году Тифлисъ, не только по наружности, но и по характеру народной жизни, принадлежалъ къ числу городовъ самороднаго азіятскаго типа, если не считать нѣсколько зданій новой постройки и нѣкоторыя русскія привычки и понятія, успѣвшія проникнуть въ верхній слой грузинскаго общества. Народъ оставался чѣмъ былъ при царяхъ, городъ только начиналъ мѣнять физіономію.

Отъ Гарцискарской заставы, далеко выдвинутой въ поле въ ожиданіи будущихъ построекъ, до первой правильной улицы, начинавшейся за домомъ главноуправляющаго, дорога извивалась по пустому мѣсту, мимо обрывистаго возвышенія направо и овраговъ, съ лѣвой стороны упиравшихся въ берегъ Куры. Овраги были испещрены мазанками и домиками Солдатской слободки. Далѣе открывались прѣѣзжему, съ одной стороны, сѣвздъ къ Мадатовской площади, съ другой — подъемъ къ арсеналу и къ Артиллерійской слободкѣ, построеннымъ у подошвы горы Св. Давида. Большой двухъ-этажный домъ, снабженный рядомъ арокъ и колоннадой надъ ними во всю длину главнаго фронта, съ боковымъ фасомъ, поднимавшимся въ гору уступами, и обширнымъ садомъ,

давалъ начало настоящему городу. Въ стѣнахъ этого дома помѣщались всѣ генералы командовавшіе на Кавказѣ, начиная съ основателя его, князя Циціанова: Гудовичъ, Тормасовъ, Паулучи, Ртищевъ, Ермоловъ, Паскевичъ, Розенъ, Головинъ, Нейдгартъ, Воронцовъ, Реалъ, Муравьевъ, Бярутинскій, теперь Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Всѣ они строили и пристраивали, мѣняли и охорашивали въ немъ такъ много, что и слѣдовъ первой Циціановской постройки нельзя примѣтить. Предъ домомъ раскрывалась необстроенная площадка, на которой бывали скачки, народные праздники и фейерверки. За домомъ начиналась улица, выходившая на Эриванскую площадь — центр новаго города; на ней красовались штабъ, гимназія, полиція и домовъ пять новѣйшей архитектуры. Крутоберегалъ, широко размытая, водоточная рывина прорѣзывала площадь во всю ея длину, отъ юга на сѣверъ, послѣ чѣго, поворотивъ на востокъ, по направленію къ Курѣ, она пролегла вдоль подошвы старой крѣпостной стѣны, оборонявшей городъ съ сѣвера и съ запада. Съ восточной стороны протекала Кура, а съ юга возвышалась гора, на которой видѣлись еще развалины верхней крѣпости, служившей цитаделью въ прежнія времена. Все чтѣ лежало по сю сторону стѣны было новой, русской постройки. Черезъ площадь, въ лѣвомъ углу, открывалась тѣсная и кривая улица, носившая названіе Армянскаго базара и упиравшаяся въ мостъ чрезъ Курѣ. И дѣйствительно, вся улица представляла видъ нескончаемаго рынка: по обѣ стороны спланивались одна возлѣ другой открытыя лавки, въ которыхъ, какъ водится на Востокѣ, на глазахъ у прохожихъ тили платье и сапоги, чеканили серебро, оправляли оружіе, брили головы и бороды, варили пловъ, жарили баранину, ковали лошадей, пекли лаваша и чуреки, однимъ словомъ, занимались всѣми промыслами, безъ которыхъ не обходится городская жизнь. Дома на Армянскомъ базарѣ, равно какъ и во всѣхъ прочихъ улицахъ стараго города, были прежней, восточной постройки, въ одинъ, много въ два этажа, съ плоскими крышами, съ невообразимымъ количествомъ оконъ и дверей и крытыми галлерейми для защиты отъ солнца. Въ городѣ существовала только одна еврейская гостиница Соломона, подъ вывѣскою льва терзающаго змѣю огромной величины, съ надписью: „Справедливая Россія“. Всѣ

нумера были заняты; поэтому намъ не оставалось другого выбора, какъ, переѣхавъ за рѣку, отыскивать квартиру на Пескахъ, у нѣмецкихъ колонистовъ.

Пять или шесть колонистскихъ домовъ стояли на самомъ берегу рѣки, подъ Авлабарскою горой, на которой три большія казармы Ермоловской постройки господствовали надъ лабиринтомъ сакель и землянокъ, составлявшихъ часть города обитаемую рабочимъ народомъ. Нѣмцы не содержали гостиницы, но имѣя дома построенные на двѣ половины, въ одной помѣщались сами, а въ другую пускали наемщиковъ поденно и попедѣльно, если кому было угодно, съ полнымъ продовольствіемъ. Комнаты были у нихъ свѣтлыя, чище, постели несравненно опрятнѣе, и незатѣйливый обѣдъ удобосваримѣе чѣмъ въ „Справедливой Россіи“, пропитанной еврейскимъ спекулятивнымъ духомъ, въ одинакой мѣрѣ посягавшимъ на обоняніе и на кошелекъ посятителей. Соломонъ былъ человѣкъ не безъ хитрости, какъ доказывало придуманное имъ толкованіе нѣсколько загадочнаго смысла вывѣски, подъ которою красовалось его заведеніе: левъ представлялъ его самого, змѣя изображала конкуррировавшихъ съ нимъ колонистовъ, а надпись „Справедливая Россія“ выражала твердое убѣжденіе въ томъ, что русская публика, побуждаемая чувствомъ свойственнаго ей безпристрастія, непременно отдастъ преимущество его гостиницѣ, устроенной на благодородную ногу, предъ нѣмецкими мужицкими домами. Вполнѣ признавая солидарность долженствовавшую существовать между Соломономъ и каждымъ Русскимъ, умѣвшимъ оцѣнить глубокое значеніе подобной фирмы, я не менѣе того очень обрадовался, отыскавъ на первое время покойный и дешевый пріютъ у колониста. Германскіе колонисты были вызваны въ Закавказскій край А. П. Ермоловымъ. Онъ поселилъ ихъ въ окрестностяхъ Тифлиса, на рѣкѣ Іорѣ, и около Елизаветполя въ колоніяхъ: Александердорфъ, Елизабетталь, Петерсдорфъ, Маріенфельдъ, Анненфельдъ, Геленендорфъ, и десятку семействъ позволилъ устроить свои хозяйства на берегу Куры, возлѣ самаго города. Чтобъ обезпечить свободное развитіе колонизаціи, сверхъ обыкновенныхъ податныхъ льготъ, онъ устранилъ вліяніе на выходцевъ мѣстной администраціи, допустилъ между ними общинное управленіе и главный надзоръ за порядкомъ и за ихъ безобиднымъ существованіемъ, поручилъ особому комитету, подъ предѣтельствомъ

чиновника нѣмецкаго происхожденія. Въ самое короткое время трудолюбивые Швабы устроили свои хозяйства примѣрнымъ образомъ, развели сады и огороды, и въ Тифлисѣ,—гдѣ до того времени населеніе нуждалось въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ и за тѣ предметы, которые можно было приобрести, платило дорогія деньги Армянамъ, овладѣвшимъ всею торговлей, — стали получать изъ первыхъ рукъ овощи, хорошую живность, молоко, масло, сливки, кромѣ того, картофель и сдобный бѣлый хлѣбъ, о которыхъ, до прибытія ихъ, за Кавказомъ знали по одному преданію. Одинъ изъ Нѣмцевъ, Зальцманъ по имени, завелъ въ Грузіи первую пивоварню, и Алексѣй Петровичъ, чтобы поднять его заведеніе, ввелъ между служащими обычай ходить къ нему пить пиво, вслѣдствіе чего Зальцманъ сдѣлался очень достаточнымъ человѣкомъ. Въ 1832 году существовалъ въ Тифлисѣ на весь городъ одинъ русскій булочникъ, не посмѣвавшій изготавлять сколько требовалось такъ-называемаго французскаго хлѣба. Ближайшая колонія пополняла чего недоставало. Каждое утро, съ разсвѣтомъ, молодые Нѣмки разносили по домамъ хлѣбы и сливки, не брезгая заходить и къ намъ, холостымъ людямъ. Къ сожалѣнію, а вѣрнѣе сказать, къ ихъ собственному счастью, всѣ онѣ безъ исключенія были такъ дурны, что ихъ появленіе никого не вводило въ соблазнъ. Некрасивый народный костюмъ, котораго ни онѣ, ни братья ихъ не хотѣли покидать и въ чужой сторонѣ, увеличивалъ натуральную безобразность неловкаго склада. Несмотря на красоту Грузинокъ, Нѣмки постоянно отказывались жениться на нихъ, что конечно повело бы къ улучшенію породы, имѣя въ предметъ сохранить безъ примѣси языкъ, обычай и вѣру, вывезенные ими изъ своего прежняго отечества.

Слѣдующій день прошелъ въ разтѣздахъ по начальству. Надо было представиться коменданту, оберъ-квартирмейстеру, начальнику штаба и корпусному командиру. Комендантъ, гусарскій полковникъ Ѳ. С. Кочетовъ, былъ мнѣ знакомъ въ европейской Турціи, гдѣ онъ, будучи старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ главной арміи, снабжалъ меня курьерскою экспедиціей въ Варну. Добрый старикъ не забылъ этого мимолетнаго свиданія, за что я ему душевно былъ благодаренъ, потому что кромѣ него во всей Грузіи не зналъ живой души. А какъ пріятно встрѣтить между совершенно чужими людьми хоть одного знакомаго! Владиміръ Дмитриевичъ Вольховскій

соединилъ въ своемъ лицѣ двѣ должности, начальника штаба и оберъ-квартирмейстера, потому что баронъ фонъ-деръ-Ховенъ, получившій назначеніе замѣстить его въ послѣднемъ изъ этихъ званій, еще не прибылъ. Корпусомъ командовалъ баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ, замѣнявшій на Кавказѣ графа Паскевича-Эриванскаго, назначеннаго по окончаніи войны 1831 года намѣстникомъ въ Царство Польское.

Генерала Вольховскаго я засталъ въ канцеляріи генеральнаго штаба, занимавшей длинную залу въ первомъ этажѣ штабнаго дома, на Эриванской площади; въ смежной залѣ помѣщалась чертежная; далѣе этихъ двухъ комнатъ генеральный штабъ не распространялся. Въ концѣ залы сидѣлъ за письменнымъ столомъ сухощавый, сутуловатый, средняго роста, черноволосый генералъ, котораго умные черные глаза вопросительно слѣдили за мной, пока я къ нему подходилъ; потомъ они быстро опустились: это была его всегдашняя привычка. Вольховскій во всю жизнь не могъ избавиться отъ врожденной застычивости и рѣзко смотрѣлъ въ глаза только человѣку, имѣвшему несчастье его разсердить.

По лѣвую руку, вдоль стѣны, были разставлены писарскіе столы; по правую, возлѣ оконъ, сидѣли начальники двухъ отдѣленій генеральнаго штаба и третьяго инженернаго отдѣленія, входившаго въ составъ квартирмейстерской части, потому что въ то время не было еще учреждено за Кавказомъ особое инженерное управленіе. Проходя мимо средняго стола, я замѣтилъ, что сидѣвшій за нимъ артиллерійскій офицеръ при видѣ моемъ поднялся, захвативъ какую-то бумагу, медленно пошелъ за мной и остановился позади меня.

Генералъ вѣжливо приподнялся.

— Вашему превосходительству имѣю честь явиться! и т. д.

Въ нѣсколькихъ словахъ, тихимъ голосомъ и слерка краснѣя отъ застычивости, Вольховскій разспросилъ меня гдѣ я прежде служилъ, какія порученія исполнялъ, бывалъ ли на съемкѣ и занимался ли въ канцеляріи.

Получивъ отрицательный отвѣтъ на послѣдній изъ своихъ вопросовъ, онъ пожелалъ узнать гдѣ я воспитывался.

— Въ Царскосельскомъ лицейскомъ пансіонѣ, выпущенъ въ 1828 году.

— А! произнесъ Вольховскій:—такъ мы товарищи по заведенію, хотя вы уже застали нашего выпуска.

Онъ былъ выпущенъ вмѣстѣ съ Александромъ Пушкинымъ, Дельвигомъ, государственнымъ канцлеромъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Горчаковымъ, Модестомъ Корфомъ и другими воспитанниками перваго лицейскаго курса. Протянувъ мнѣ руку, онъ прибавилъ:

— Надѣюсь, мы сойдемся, и вы не откажетесь отъ должности, для которой я васъ назначаю, хотя ею никогда не занимались. Въ Царскомъ Селѣ насъ приготавливали къ военной и къ гражданской службѣ, поэтому вы должны уметь свободно писать по-русски....

Тутъ Вольховскій сдѣлалъ знакъ стоявшему за мной артиллеристу, который, улыбнувшись, съ довольнымъ видомъ пошелъ на свое мѣсто.

Несдержанное любопытство офицера, подошедшаго съ явнымъ намѣреніемъ подслушать какъ я стану являться, потому разнѣмъ взглядовъ между нимъ и начальникомъ штаба, меня нѣсколько смущали; я не зналъ какъ мнѣ понять эту сцену. Въ скоромъ времени загадка объяснилась мнѣ самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

На Кавказѣ существовалъ до тридцатыхъ годовъ замѣчательный недостатокъ въ офицерахъ генеральнаго штаба, особенно въ такихъ, которые, достаточно владѣя перомъ и русскимъ языкомъ, могли бы успѣшно заниматься письменными дѣлами. По этой причинѣ, съ Персидскою войною, вторымъ отдѣленіемъ генеральнаго штаба заведывали артиллерійскіе офицеры, сперва Ушаковъ, исправлявшій въ послѣднюю войну должность дежурнаго генерала при князѣ М. Д. Горчаковѣ, а потомъ капитанъ Пикаловъ, мой любопытный артиллеристъ, бывший помощникомъ у Ушакова до отъѣзда его въ армію, дѣйствовавшую противъ Полковъ, вслѣдствіе за графомъ Паскевичемъ. Пятилѣтнія письменныя занятія уменьшили Пикалова, не разчитывавшаго посвятить имъ всю жизнь; онъ желалъ продолжать службу въ строю, имѣя надежду въ скоромъ времени получить начальство надъ батареей, и потому настоятельно просилъ уволить его изъ корпуса генеральнаго штаба. Вольховскій, имѣя двѣ должности на рукахъ, рѣшительно не могъ обойтись безъ Пикалова, убѣждалъ его оставаться и, наконецъ, вынудилъ у него обѣщаніе не покинуть своего мѣста, пока не будетъ присланъ офицеръ, годный его замѣнить. Послѣ того прибывали въ Тифлисъ одинъ за другимъ офицеры за другими, но какъ на зло Пикалову, все не Русскіе, отличные

служаки, способные на все, только не на письменное дѣло, какъ его понималъ Вольховскій. Изъ Петербурга получили уведомленіе о моемъ назначеніи. „Т...., опять Нѣмецъ“, подумалъ Пикаловъ, и надежда отбыть готовившуюся экспедицію послѣ орудія, а не за канцелярскимъ столомъ, совсѣмъ было его покинула. Непреодолимое любопытство потянуло его послушать какимъ произношеніемъ я заговорю являясь начальнику штаба, когда, по семнадцатому номеру моихъ егерскихъ эполетъ, ему удалось догадаться кто я таковъ. Послѣ того, ближе познакомившись, онъ часто повторялъ со смѣхомъ, какъ при первомъ „имѣю честь“, произнесенномъ не ломанымъ русскимъ языкомъ, у него камень свалился съ плечъ, а знакъ Вольховскаго такъ обрадовалъ, что онъ готовъ былъ обнять меня на мѣстѣ. Въ то время находилось въ Тифлисѣ нѣсколько свободныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ Вольховскій прочилъ въ разныя другія должности, хотя между ними былъ офицеръ, совершенно способный занять любое канцелярское мѣсто. Въ послѣдствіи онъ былъ принужденъ, на основаніи штата установленнаго для генеральнаго штаба при генераль-квартирмейстерѣ А. Н. Нейдгардтѣ, замѣстить меня этимъ офицеромъ, обнаружившимъ по части письменной службы такія отличныя качества, какихъ я вовсе не имѣлъ, и которыя открыли ему широкую дорогу къ высшимъ должностямъ. Вольховскій, обладавшій въ другихъ случаяхъ даромъ оцѣнивать людей довольно вѣрно, о немъ, кажется, имѣлъ слишкомъ одностороннее понятіе. Поступивъ гораздо позже подъ начальство этого офицера, я замѣтилъ въ немъ одну только слабость, если это позволено назвать слабостію. Хотя не Русскій по происхожденію и по воспитанію, онъ былъ твердо увѣренъ въ непреложности своего знанія правилъ русской грамматики и очень любилъ поправлять слогъ, отыскивать грамматическія ошибки и переставлять запятыя. Не разъ его рука посягала на слогъ нашего лучшаго военнаго писателя, разумѣется въ однихъ служебныхъ бумагахъ, а что касается до меня, то нечего и говорить. Мнѣ онъ маралъ цѣлыя страницы, и ни одной запятой не оставлялъ на своемъ мѣстѣ. Какъ я доволенъ, что наконецъ и для меня настала свобода, помимо начальнической цензуры, грѣшить противъ грамматики, отвѣчая за то предъ однимъ корректоромъ, да если проскользнетъ ошибка, предъ снисходительною публикой, готовою

прощать все прочее, не грѣшилъ бы я только противъ русскаго ума и чувства!

Вольховскій имѣлъ свой собственный взглядъ на вещи и подчасъ умѣлъ настоять на своей волѣ. Напрасно я отказывался, въ сознаниіи моей неопытности и дѣйствительно не чувствуя расположенія къ канцелярской службѣ, хотя очень хорошо понималъ, что путемъ ея всего легче подняться въ гору, то-есть составить себѣ карьеру, сдѣлавшись для начальника необходимымъ по привычкѣ. Пикалову было приказано познакомить меня сначала съ дѣлами и потомъ сдать мнѣ отдѣленіе формальнымъ порядкомъ. Отъ этого зависѣлъ его отъѣздъ въ батарею, стоявшую въ Гамборахъ, пятьдесятъ верстъ отъ Тифлиса. Для облегченія дѣла, Пикаловъ предложилъ мнѣ переехать къ нему на квартиру, гдѣ мы могли безъ потери времени работать поутру и вечеромъ, и кромѣ того, для меня открывалась возможность, въ разговорѣ съ нимъ, скорѣе познакомиться со всѣми обстоятельствами края и Кавказской войны. Охотно принявъ его приглашеніе, я распростился съ добрымъ колонистомъ и съ моимъ спутникомъ, Александромъ Лаврентьевичемъ, который, въ свою очередь, переселился къ отысканному имъ корпусному товарищу, служившему секретаремъ въ гражданской канцеляріи барона Розена.

Кстати скажу нѣсколько словъ о баронѣ, которому Вольховскій лично меня представилъ. Не могу ясно припомнить первое впечатлѣніе, которое онъ на меня произвелъ; во всякомъ случаѣ, оно не заключало въ себѣ ничего тревожнаго. Его наружность располагала къ довѣрію, приемы были натуральны, безъ разчета импонировать подчиненному. Нѣсколько выше средняго роста, плотный, сѣдой, большоголовый, краснолицый, старикъ глядѣлъ своими голубыми глазами умно и добродушно. Говорилъ онъ протяжно, налегая на каждое слово, съ особенною свойственною ему интонаціей. На немъ были: генераль-адъютантскій сюртукъ безъ заполей, Георгіевскій крестъ на шеѣ и Владимірская лента подъ жилетомъ. Упоминаю объ этихъ туалетныхъ подробностяхъ, потому что онѣ составляли его всегдашнюю домашнюю форму, въ которой его можно было видѣть съ ранняго утра до поздней ночи. Никто не видалъ его въ халатѣ, который у него замѣняла форменная шинель, да и то только во время похода.

Квартира Пикалова находилась на углу Армянскаго базара и Эриванской или, какъ ее чаще называли, Штабной площади, во второмъ этажѣ дома, принадлежавшаго купцу-Армянину; входили въ нее чрезъ небольшой дворъ, огороженный каменною стѣною, по которой извивались виноградныя лозы. Посреди двора стояло высокое гранатовое дерево, сплошь покрытое ярко-краснымъ дѣвтомъ. Уходя и возвращаясь домой, мы каждый разъ любовались роскошнымъ деревомъ, но еще охотнѣе наши взгляды останавливались на другомъ, живомъ украшеніи квартиры. Хозяйка, семнадцатилѣтняя красавица, какія между Армянками встрѣчаются только въ эти годы, сидѣла съ ранняго утра за работой на открытой галлерей, подъ надзоромъ сѣкрови, не покидавшей ее, какъ водилось у Армянъ, ни на одно мгновеніе. Старуха, была необычайно уродлива; зла, бранлива и ревновала каждый взглядъ, который мы бросали на ея невѣстку; даже нашъ обыкновенный поклонъ приводилъ ее въ тревожное состояніе, а еслибы намъ вздумалось заговорить съ молодою красавицей, то это произвело бы такую бурю, что хоть изъ дому бѣги. Предпочитая домашнее согласіе такому мимолетному удовольствію, мы ни въ какомъ случаѣ не обращались къ молодой хозяйкѣ, а если была надобность, вели чрезъ деньщика переговоры со старухой, за чѣмъ она насъ очень жаловала, и когда мы уходили, берегла нашу квартиру не хуже своей невѣстки. Въ этомъ отношеніи она заслуживала нашу полную благодарность, потому что ни одна дверь не запиралась на замокъ, и въ комнатахъ не имѣлось ни одного шкафа, сундука или стола съ ключомъ, хотя давно миновало то время, въ которое, несмотря на процвѣтаніе грабежа, у Грузинъ домашнее воровство слыло дѣломъ несбыточнымъ. Двѣ принадлежавшія намъ весьма небольшія комнаты, признаться, не отличались удобствомъ, и напрасно стали бы въ нихъ отыскивать нѣмецкую опрятность, за то жилось какъ въ фонарѣ въ стѣнахъ продыравленныхъ несмѣтнымъ числомъ отверстій. Въ одной угловой комнатѣ, имѣвшей два свѣта, существовали три двери и десять оконъ; каминъ, выдавшійся полусводомъ за стѣну, скорѣе способствовалъ нагрѣванію улицы чѣмъ комнатнаго пространства, а жильцамъ дымилъ только въ глаза. Къ моему счастью, я переселился къ Пикалову въ теплую погоду и повтому не имѣлъ случая испытать всю привлекательность зимнихъ выгодъ его жилья, бесспорно

принадлежавшаго къ числу лучшихъ помѣщеній въ старомъ городѣ. Въ лѣтнее время зарождалась въ немъ другая пріятность. Домъ входилъ въ категорию ветхихъ строеній, пользующихся лестнымъ предпочтеніемъ со стороны скорпіоновъ. Ночью они бѣгали по полу, пристукивая хвостомъ такъ рѣзко, что я иногда просыпался, а поутру, принимаясь за дѣло, мнѣ случалось нерѣдко выбрасывать ихъ изъ бумагъ, въ которые они залегали для дневнаго отдыха. Долго я не могъ привыкнуть къ сообществу этаго неблагоприятнаго звѣрка, внушавшаго мнѣ непреодолимое отвращеніе, усиленное еще болѣзнію его зловредныхъ качествъ. Пикаловъ, кавказскій старожилъ, успѣлъ меня примирить, если не съ наружностію, то по крайней мѣрѣ съ его правомъ, доказавъ многими примѣрами сколько онъ безвреденъ. Скорпіону, какъ бываетъ и съ людьми, составили совершенно незаслуженную репутацію злости: онъ жалитъ, повинуюсь чувству самосохраненія, только въ такомъ случаѣ, когда самъ считаетъ себя въ опасности, будучи придавленъ или остановленъ на бѣгу. Тогда онъ хвостомъ бьетъ черезъ голову. Въ Грузіи весьма не опасно для человѣка попасть подъ жало скорпіона. Ужаленное мѣсто, правда, горитъ и пухнетъ, но стоитъ только натереть его теплымъ деревяннымъ масломъ, и боль прекращается, не оставляя послѣдствій. Народное повѣрье, будто для успѣха операціи слѣдуетъ употреблять масло съ опущеннымъ въ него скорпіономъ, есть пустой предрассудокъ: оно помогаетъ и безъ симпатической приправы.

Раздѣливъ квартиру, намъ слѣдовало раздѣлить и расходы на наше общее продовольствіе, потому что клуба, гдѣ бы можно было обѣдать, еще не существовало, а трактирная жизнь не имѣла ходу между офицерами; каждый старался, хорошо или дурно, заводить свое собственное хозяйство. Содержаніе обходилось невѣроятно дешево. Въ Грузіи была въ то время благодать для людей небогатыхъ. Съ головы по четвертаку въ сутки, мы жили привольнѣе, чѣмъ десять лѣтъ спустя можно было жить за два цѣлковыхъ. Фазанъ стоилъ двугривенный, за „тунгу“ (пять двойныхъ бутылокъ) лучшаго кахетинскаго вина платили сорокъ копѣекъ, за фунтъ турецкаго табаку—пятнадцать копѣекъ серебромъ; а плова и фруктовъ добывали вдоволь за нѣсколько мѣдныхъ грошей. При такихъ обстоятельствахъ, мнѣ было очень выгодно поселиться у товарища имѣвшаго готовое хозяйство и сверхъ того

хорошаго русскаго повара изъ отцовской деревни; но лучшую пользу я извлекъ для себя изъ самого Пикалова.

Вопервыхъ, онъ былъ человекъ откровенной души, уменъ, скромнъ и уживчивъ, значить, рѣдкій комнатный товарищъ; во вторыхъ, онъ узналъ основательно край и людей. Такъ какъ онъ болѣе пяти лѣтъ занимался въ диспозиціонномъ отдѣленіи генеральнаго штаба, то не было дѣла, которое бы не проходило чрезъ его руки, и онъ, обладая необыкновенною памятью, служилъ живою справкой во всѣхъ бывалыхъ случаяхъ, которые твердо помнилъ. По этой причинѣ, Вольховскій имъ очень дорожилъ и не разъ упрасивалъ его остаться на своемъ мѣстѣ; но онъ дѣйствительно не могъ продолжать работы, совершенно истощившей его здоровье. Два года спустя, мой бѣдный пріятель померъ на Линіи отъ грудной болѣзни, развившейся послѣ раны, которую онъ получилъ во время Ичкеринской экспедиціи 1832 года, о чемъ разкажу въ своемъ мѣстѣ. Замѣнить его было не легко, особенно для меня, новичка на Кавказѣ и совершенно неопытнаго въ служебномъ письмоводствѣ, потому что въ предыдущія кампаніи я исправлялъ однѣ полевыя обязанности офицера генеральнаго штаба. Примѣтивъ однако, что съ Вольховскимъ, мягкимъ и вѣжливымъ въ обращеніи съ подчиненными, снисходительнымъ къ увлеченіямъ молодости, но весьма взыскательнымъ въ дѣлахъ чести и существенной службы, надо держать себя чрезвычайно осторожно, да и самъ не желая на первыхъ же порахъ оказаться нерадивымъ по службѣ, я принялся прилежно разспрашивать Пикалова обо всемъ, просматривать съ нимъ дѣла и подъ его руководствомъ знакомиться съ порядкомъ и съ формой военнаго письмоводства. Теперь, когда служебная переписка, благодаря возрѣнію военнаго министра, введена наконецъ въ рамку настоящаго здраваго смысла, трудно вообразить какъ хитро была сплетена ея прежняя фразеологія, какіе тонкіе отбѣски слѣдовало соблюдать въ сношеніяхъ съ равными, съ зависимыми и независимыми вѣдомствами, съ младшими, высокими и высшими лицами, и какія разнообразныя формы были установлены, на основаніи этихъ отношеній, для вступленія, изложенія, и заключенія въ каждой бумагѣ. Отъ безпрестаннаго повторенія титуловъ и отъ выраженій преданности и подчиненности рябило въ глазахъ; настоящій смыслъ дѣла утопалъ въ потокѣ исковерканныхъ фразъ. Помню,

какъ для приготовленія доклада приходилось прочитывать нескончаемыя донесенія, сущность которыхъ посылалась тремя или четырьмя подчеркнутыми словами; но выборка этихъ словъ требовала немалого труда и самаго напряженного вниманія. Сколько тутъ попустому терялось бумаги, чернилъ и времени! Способности правильно понимать дѣло и ясно излагать свои мысли было недостаточно для совладанія съ тогдашнимъ письмоводствомъ; легче всего оно одолевалось форменнымъ педантизмомъ. У Пикалова хранилось еще въ свѣжей памяти, какъ однажды графъ Паскевичъ былъ приведенъ въ страшный гнѣвъ донесеніемъ, попавшимъ въ его руки прежде чѣмъ оно успѣло пройти чрезъ цензуру привычнаго докладчика, который бы съ перваго взгляда увидалъ какъ его слѣдуетъ читать и понимать. Разкажу какъ это было.

Ахалцихъ въ стратегическомъ отношеніи бесспорно занималъ первое мѣсто между крѣпостями завоеванными въ азіатской Турціи нашими войсками въ удачную кампанію 1828 года. Несмотря на значеніе этой крѣпости, обстоятельства не позволили отдѣлить болѣе 1.500 человекъ для ея обороны, когда половина дѣйствующаго корпуса вернулась въ Грузію на зимовку. Это не покажется удивительнымъ, ежели припомнимъ, что князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, оставленный защищать Ахалцихскій пашалыкъ, всего имѣлъ въ своемъ распоряженіи 2.700 пѣхоты и конницы, занимавшихъ кромѣ Ахалциха еще отнятыя у Турокъ укрѣпленія Ардаганъ, Адхуръ и Ахалкалаки. Въ Карсскомъ и въ Баязетскомъ пашалыкахъ русскія войска зимовали не въ большей силѣ: въ первомъ изъ нихъ г. Берхманъ имѣлъ подъ ружьемъ 2.650 человекъ, а во второмъ г. Панкратьевъ командовалъ 2.800 пѣхоты и 370 конницы. Турки хотя и получили въ лѣто 1828 года нѣсколько весьма назидательныхъ уроковъ, но ихъ военная сила въ Малой Азіи не была еще окончательно уничтожена. Вновь назначенный сераскиръ, Хаджи-Салехъ, и начальникъ дѣйствующихъ турецкихъ войскъ, Гаки-паша, имѣлъ повелѣніе Порты не только положить преграду дальнѣйшимъ успѣхамъ Русскихъ, но и отнять у нихъ прежде завоеванныя провинціи, хвалились для исполненія этого предпріятія собрать къ веснѣ около 200.000 воиновъ. Хотя такой громадный расчетъ, кажется, не имѣлъ другаго основанія кромѣ пламенной ревности двухъ турецкихъ сановниковъ къ святому мусульманскому дѣлу, распалывшей ихъ воображеніе,

однако и половины этой силы было бы достаточно для того чтобы зимовавшую за границей горсть русскихъ войскъ поставить въ весьма опасное положеніе. Главное вниманіе Турокъ было обращено на Ахалцихъ, который они рѣшились отнять у Русскихъ еще до начала весны. Ахметъ-беку аджарскому поручалось исполнить это предпріятіе, и уже въ январѣ стали носиться слухи, будто онъ для того собираетъ своихъ подвластныхъ. На основаніи этихъ слуховъ крѣпость привели, сколько позволяли скудныя средства, въ такое состояніе, чтобъ она могла противиться непріятелю. Можно было надѣяться на стойкость солдатъ и на распорядительность ихъ начальника, но все-таки малочисленность ахалцихскаго гарнизона и крайняя затруднительность при наступленіи опасности въ время подоспѣть къ нему на выручку по неудобопроходимымъ, снѣгомъ заваленнымъ горнымъ дорогамъ, сильно озабочивали главнокомандующаго и служили предметомъ частыхъ совѣщаній съ начальникомъ штаба и съ оберъ-квартирмейстеромъ. Въ половинѣ февраля извѣстія о сборахъ Ахметъ-бека возобновились съ новой силой; сдѣлали распоряженіе, ежели они подтвердятся, направить въ помощь къ ахалцихскому гарнизону Н. Н. Муравьева съ пятью баталіонами, тринадцатымъ орудіями и небольшимъ сборнымъ отрядомъ Бурцова. Въ то время случилось, что полковника Вольховскаго потребовали однажды ночью къ графу Паскевичу. Явившись на зовъ его съ привычною скоростію и не зная за собой вины, онъ въ первое мгновеніе совершенно растерялся отъ приѣма главнокомандующаго. Вольховскому нѣвѣдо случилось заставить Паскевича въ раздраженномъ состояніи духа, но никогда, до сей поры, онъ не видалъ его въ такомъ бѣшенствѣ. Со сжатыми кулаками бросился онъ къ нему на встрѣчу, и задыхаясь отъ гнѣва, произнесъ: „Ахалцихъ!“ Измѣривъ кабинетъ быстрыми шагами, онъ снова подскокилъ, и сдѣлавъ надъ собой усиліе, докончилъ начатую фразу словами: „взять Турками!“

— Не можетъ быть! вырвалось у Вольховскаго.

— Какъ это: не можетъ быть? крикнулъ главнокомандующій.—Я имѣю офиціальныя рапорты.... вотъ онъ!—И въ шарѣ скомканная бумага полетѣла на полъ изъ его руки.

Въ это время вошелъ начальникъ штаба, баронъ Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, котораго также успѣли поднять съ постели. Паскевичъ обратился къ нему.

Вольховскій воспользовался этою минутой, поднялъ смятую бумагу, разгладилъ ее и сталъ читать про себя. Прочитавъ отъ кого рапортъ, онъ тотчасъ подумалъ, не вкрадась ли въ него неслось, ввергнувшая Паскевича въ заблужденіе; доносилъ хертивскій воинскій начальникъ, майоръ Педяшъ, храбрый офицеръ, но страстный охотникъ писать много и краснорѣчиво, употребляя слогъ своего собственнаго изобрѣтенія.

Въ началѣ донесенія стояло: „февраля, 20-го дня; Ахалцихъ Турками взятъ“,—запятая,—фактъ выраженный такъ ясно, такъ положительно, что Паскевичъ, не продолжалъ читать, въ порывѣ досады смялъ рапортъ и тотчасъ послалъ будить оберъ-квартирмейстера и начальника штаба. Послѣ запятой слѣдовало: „арміею подъ начальствомъ Ахметъ-бека аджарскаго, состоящею изъ такого-то числа пѣхоты, конницы и артиллеріи“—за тѣмъ исчисленіе начальниковъ частей, потомъ изложеніе распоряженій сдѣланныхъ княземъ Бебутовымъ для защиты крѣпости. Вольховскій перевернулъ страницу, въ концѣ которой отыскалъ вторую запятую, и послѣ нея утѣшительныя слова: „во блокаду.“ „О чемъ Вашему Сіятельству всепочтительнѣйше имѣю честь донести.“

Тѣмъ временемъ, въ разговорѣ главнокомандующаго съ начальникомъ штаба безпрестанно слышались слова: „все потеряно“. Съ паденіемъ Ахалциха безспорно должна была рушиться надежда на успѣшный ходъ будущей, такъ хорошо подготовленной кампаніи.

— Не все еще потеряно, позволилъ себѣ произнести Вольховскій, скромнымъ голосомъ.

— Это что еще! крикнулъ Паскевичъ.

— Извольте, ваше сіятельство, взглянуть на конецъ рапорта. Ахалцихъ не взятъ Турками, онъ ими только брокированъ, и смѣло можно полагать; что князь Бебутовъ устоитъ противъ непріятели, пока Муравьевъ и Бурцовъ подойдутъ къ нему на выручку.

Для Паскевича наступила очередь смутиться отъ напрасно надѣланной имъ тревоги.

Ахметъ-бекъ аджарскій 20-го февраля 1829 года дѣйствительно подступилъ къ Ахалциху, потомъ штурмовалъ крѣпость, былъ отбитъ и, по прибытіи Муравьевскаго отряда, обращенъ въ бѣгство, несмотря на его пятнадцати-тысячное сборище.

Служебныя бумаги, писанныя педлшевскимъ слогомъ, бывали нерѣдкою по военному, вѣдомству; и въ палатахъ, и особенно въ уѣздныхъ и земскимъ судахъ, писать иначе считалось тогда противнымъ завѣтнымъ изворотамъ таинственности, въ которую облакалось гражданское дѣлопроизводство. Да и не для чего было выражаться болѣе понятнымъ слогомъ: вѣдь бумаги писались въ то время по присутственнымъ мѣстамъ не для уясненія, а для искаженія правды, изъ чего для дѣльцовъ благодатной старины процѣкала немалая польза, которую умницы старались хранить про себя, воздерживаясь между прочимъ въ дѣлоизложеніи, если возможно было, отъ траты смыслоразъясняющихъ точекъ и запятыхъ. Даже въ министерствахъ, въ которыхъ служили дѣйствительно способные люди, чиновникъ обладавшій плодовитымъ перомъ, т.-е. умѣвшій наизывать слова и растягивать фразы, не придавая имъ положительнаго смысла, высоко цѣнился въ служебномъ кругу. Прошло то блаженное время, когда, ратуя противъ правды и противъ здраваго смысла путемъ безграмотности, еще можно было зарабатывать деньги да почетъ; въ настоящую зловредную эпоху прогресса съ такимъ искусствомъ, не зналъ другого ремесла, пожалуй, придется голодать.

Изъ разказовъ Пикалова, очевидца умнаго и безпристрастнаго, судившаго о вещахъ и людяхъ основываясь на оригинальныхъ документахъ и на самыхъ положительныхъ данныхъ, я познакомился съ разными фактами, совершившимися на Кавказѣ въ послѣдніе года, совершенно съ другой стороны чѣмъ они были извѣстны публикѣ. Вообще, благодаря его объясненіямъ, мой взглядъ на вещи получилъ болѣе раціональное направленіе; о людяхъ онъ научилъ меня судить менѣе опрометчиво какъ съ дурной, такъ и съ хорошей стороны, не ослѣпляясь ихъ удачами по службѣ и не увлекаясь молвой, весьма часто расточающею наугадъ хулу и похвалу, и принимая за мѣрило ихъ существеннаго достоинства одиѣ неотъемлемо имъ принадлежаціи дѣла и мысли. А для этого мнѣ надо было много слушать и много прочитывать. Ничто не характеризуетъ лучше уметвенчялы способности человѣка какъ собственноручно имъ изложенныя идеи касательно какого-нибудь важнаго вопроса. При этомъ изученіи Кавказа, какъ много громко прозвучавшихъ дѣлъ, и какъ много прославленныхъ личностей понизились

въ моихъ глазахъ до уровня самой обыкновенной всеневности, и сколько другихъ малоизвѣстныхъ фактовъ и скромныхъ, въ тѣни поставленныхъ людей выросли до размѣровъ истиннаго величія.

Наслытавшись петербургскихъ и московскихъ общественныхъ сужденій насчетъ многихъ лицъ занимавшихъ на Кавказѣ видное положеніе, я привезъ съ собой готовое мнѣніе о ихъ геройствѣ и высокихъ умственныхъ достоинствахъ и, признаться, приходилъ въ сомнѣніе, когда Пикаловъ начиналъ того или другаго изъ ихъ среды разоблачать предъ моими глазами. О Циціановѣ, Ермоловѣ, Котляревскомъ, Вельяминовѣ, Сакенѣ, Вольховскомъ и о многихъ другихъ, даже менѣе замѣчательныхъ людяхъ, онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ. И прочимъ знаменитостямъ онъ отдавалъ, въ чемъ слѣдовало, полную справедливость, но говорилъ о нихъ безъ восторга и охлаждалъ мой собственный жаръ удивленія, раскрывая существенное значеніе ихъ подвиговъ и ихъ истинный характеръ. На мои возраженія онъ отвѣчалъ обыкновенно разказомъ одного или нѣсколькихъ происшествій, называя живыхъ свидѣтелей, или, не говоря ни слова, раскрывалъ дѣло и просилъ прочесть переписку, мысли о покореніи горцевъ, или административный проектъ такого-то г. N. N. Случалось, глубоко разочарованный, я узнавалъ въ моемъ героѣ челоѣка весьма обыкновенныхъ способностей, или еще хуже, открывалъ на немъ личину псддѣльной гениальности, которая нерѣдко успѣваетъ поработить общественное мнѣніе въ ущербъ государственной и народной пользѣ. И не удивительно: хитрость—вмѣсто ума, тупое упрямство — на мѣсто твердой воли, сердечная пустота—вмѣсто силы душевной, слишкомъ часто принимаются за проявленіе генія, если личность, одаренная этими отрицательными качествами, умѣетъ дѣйствовать обаятельно на самолюбіе людей, или поражать ихъ своею самонадѣянностію. Вспомнить мои слова кто станетъ рыться въ пыли тифлискаго и ставропольскаго военныхъ архивовъ и извлечь изъ нихъ правду для обнародованія—не теперь, а позже, когда ее можно будетъ высказать безъ обиняковъ, не опасаясь задѣтъ чье-либо самолюбіе или противъ воли впутаться въ бесполезную борьбу противъ современныхъ предубѣжденій. Особенно поручаю его вниманію проекты о покореніи Кавказа; въ

этихъ проектахъ онѣ найдеть не только много любопытныхъ, но и очень много забавныхъ идей. Одно время, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, наше военное министерство засыпало подобнаго рода проектами,—и кто ихъ не писалъ, и чего въ нихъ не писалось! Министерство, не давая себѣ труда разбирать, препровождало рукописи въ Тифлисъ на разсмотрѣніе и требовало отвѣта. Отъ корпуснаго командира онѣ поступали въ генеральный штабъ, и многія изъ нихъ прошли чрезъ мои руки. Предлагали дѣйствовать противъ горцевъ, подвигаясь не съ равнины къ горамъ, а съ горъ къ ровнымъ мѣстамъ; строить крѣпости на хребтахъ, и; наблюдательные посты на горныхъ шпильяхъ; рвать горы порохомъ; противъ хищниковъ растягивать проволочныя сѣти по берегамъ Терека и Кубани. Мирнымъ путемъ совѣтовали ихъ усмирять: торговлею, водвореніемъ между ними роскоши, пьянства—должно-быть предлагалъ откупщикъ—и наконецъ музыкой, посредствомъ заведенія у горцевъ музыкальных школъ. Этотъ послѣдній проектъ, начинавшійся словами: „длѣ глубокой древности уже было извѣстно, что музыка, производя пріятное впечатлѣніе на слухъ, смягчаетъ человѣческіе нравы, и т. д.“—былъ написанъ какимъ-то коллежскимъ совѣтникомъ, въ Петербургѣ, и присланъ къ намъ на обсужденіе въ началѣ 1832 года. Не считаю нужнымъ прописывать судьбу каждаго изъ этихъ проектовъ; послѣ короткаго отрицательнаго отвѣта, его укладывали въ архивную пропасть, на изученіе мышамъ и бумаготочивымъ наѣвкомымъ....

IV.

Между дѣломъ, у насъ доставало еще довольно времени ходить по городу и по садамъ, которые въ то время не надо было далеко отыскивать. Противъ полиціи, за уголовнымъ домомъ, въ которомъ два года спустя была открыта памятная всѣмъ прежнимъ Тифлисцамъ ресторація Матасси, начинались сады, заслонявшіе все Салалакское ущелье. Посреди живой зелени ихъ, вправо отъ тѣсной дороги, извивавшейся между каменными садовыми стѣнками, одиноко стоялъ домъ князя Бебутова, окруженный высокою оградой, съ крѣпкими, всегда затворенными воротами, ревниво укрывавшими домашній бытъ жильцовъ отъ чужаго любопытства. Тогда не

легко было для Русскаго проникнуть въ кругъ грузинскаго, а тѣмъ болѣе армянскаго семейства, и сдѣлаться у него домашнимъ человѣкомъ, если не представлялась выгода съ нимъ породниться. Улица ведущая отъ Эриванской площади на югъ, къ подошвѣ горы на которой находились развалины старой крѣпости, окончательно обстроилась послѣ моего прѣзда; въ 1832 году дома существовали только по лѣвую руку; вся ея правая сторона, исключая углавого дома, принадлежала къ пространному винограднику, доходившему до самой горы. Правый берегъ Куры, за Елисаветпольскою рогаткой, представлялъ одну сплошную массу садовъ, гдѣ, надъ тѣнистыми сводами широколистой лозы, гранатъ, персикъ и миндаль раскидывали роскошь своей блестящей зелени, ластясь вокругъ вѣковыхъ, объемистыхъ орѣховъ и пирамидальныхъ тополей, высоко къ облакамъ возносившихъ гордыя вершины. Не знаю, потому ли только что въ тогдашнее время я смотрѣлъ на предметы глазами молодости, или потому что тифлисская природа дѣйствительно такъ хороша, но Тифлисъ, посреди окружающихъ его горъ, окаймленный садами, съ его быстрою рѣкой, съ грядой снѣжныхъ вершинъ на дальнемъ горизонтѣ, съ темноголубымъ небомъ надъ головой, несмотря на палящее солнце, казался мнѣ мѣстомъ краше котораго я ничего не зналъ, да и узнать не желалъ. Даже тѣ городскія неудобства которыя въ другихъ возбуждали неудовольствіе, имѣли для меня свою привлекательную сторону, обнаруживая оригинальность, доставлявшую моему любопытству всегда новую пищу.

Въ новомъ городѣ не существовало мостовой. Отсутствіе ея было нечувствительно въ сухую погоду, но послѣ легкаго дождя улицы мгновенно покрывались непроходимой грязью: тогда экипажъ, или верховая лошадь становились необходимыми. Во всемъ Тифлисѣ были въ тѣ года восемь, много десять каретъ и колясокъ, принадлежавшихъ высшимъ властямъ и двумъ или тремъ богатымъ грузинскимъ семействамъ. Внутри края, грузинскіе дворяне, мушкетеры и женщины, путешествовали преимущественно верхомъ, рѣже на воловьихъ арбахъ, и въ трахтараванахъ — крытыхъ носилкахъ, повѣшенныхъ между двумя гусемъ идущими лошадьми, или лошадьми; городскіе жители, и за ними русскіе офицеры, предпочитали ѣздить верхомъ, и только въ особенныхъ случаяхъ прибѣгали къ извозничьимъ дрожкамъ въ двѣ

лошади, для которыхъ были устроены столы на Армянскомъ базарѣ и на площадяхъ Эриванской и Мадатовской. Тифлисскіе извозчики ѣздили шибко, но ихъ дрожки, извѣстныя въ Москвѣ и въ Петербургѣ подъ именемъ „гитаръ“, не отличались ни удобствомъ, ни безопасностію сидѣнія: на нихъ можно было удержаться только верхомъ; сидѣвшій бокомъ рисковалъ, при скорой ѣздѣ, на первомъ крутомъ поворотѣ ринуться лицомъ въ грязь, или, что хуже, полетѣть назадъ черезъ голову, погами вверхъ. Это метательное свойство, казалось бы, должно было противиться употребленію ихъ прекраснымъ поломъ, однако Грузинки и Армянки, которыя, слѣдуетъ замѣтить, не покидали народнаго костюма и, подъ юпкой, прикрывались красными шальварами персидскаго покроя, избобрѣли весьма остроумный способъ ѣздить по четыре на дрожкахъ, считавшихся не довольно просторными для одного Русскаго. Двѣ садились верхомъ одна противъ другой, двѣ помѣщались справа и слѣва на колѣни къ своимъ подругамъ, оплетавшимъ ихъ талію скрещенными руками, и такимъ образомъ составляли четырехголовую женскую пирамиду, сверху до низу покрытую бѣлыми чадрами, которая мчалась по тифлисскимъ улицамъ въ назиданіе всѣмъ прихотливцамъ, брезгавшимъ извозничьимъ экипажемъ. Случалось, что на задней дрожечной оси, уцѣпившись руками за рессоры, висѣлъ еще „бичо“—мальчикъ, безъ котораго для порядочной Грузинки считалось неприличнымъ показываться на улицѣ.

Объ освѣщеніи города нечего и говорить; на главной улицѣ, вправо и влево отъ дома главноуправляющаго, горѣли по два тусклыхъ фонаря, да на Эриванской площади свѣтилъ фонарь возлѣ полиціи, а всѣ остальные улицы стараго и новаго города оставались погруженными въ непроницаемый мракъ южныхъ почей, когда луна не разливала по нимъ своего чуднаго свѣта. Хорошее знаніе мѣстности требовалось для того, чтобы въ безлунную ночь уберечься отъ ямъ, овраговъ и буераковъ, испещрявшихъ самыя жилыя части новаго города. Экипажный спускъ къ Мадатовской площади былъ открытъ съ лѣвой стороны,—домъ для начальника штаба построили только въ сороковомъ году,—и упирался хотя въ неглубокіе, но очень крутые овражки, отдѣлявшіе ѣздовую дорогу отъ Солдатской слободки. Тутъ легко было сбиться съ пути, и въ темныя, дождливыя ночи мнѣ самому не разъ

случалось, и съ дрожками, и пѣшему, лежать въ этихъ овражкахъ. Благо они были не глубоки, и рыхлая, дождемъ размягченная почва сберегала отъ опаснаго ушиба,—весь изъездъ ограничивался замарашию шинелью, да развѣ еще потерянною фуражкой. Только съ трехъ сторонъ обстроенная Мадатовская площадь вмѣщала слѣдующія сооруженія: длинный, одноэтажный инженерный домъ занималъ сѣверный фасъ; на углу восточнаго фаса стоялъ одноэтажный же домъ, съ мезониномъ подпертымъ четырьмя толстыми, неуклюжими колоннами, въ которомъ жилъ тогда дивизіонный командиръ баронъ Романъ Федоровичъ Розень; отъ этого дома до противоположнаго угла тянулась невысокая стѣна изъ дикаго камня, съ двумя безворотными проѣздами, отдѣлявшая отъ площади цѣлый кварталъ, занятый жилищами нѣсколькихъ семействъ изъ рода Орбеліани. На южномъ фасѣ красовались три дома, изъ коихъ одинъ, угловой, принадлежалъ князю Туманову, о которомъ нечего было бы упомянуть, еслибъ онъ не пользовался счастьемъ имѣть красивую жену и хорошенькую дочку. На западъ площадь упиралась въ обрывистое возвышеніе, съ котораго спускалось нѣсколько тропинокъ, удобопроходимыхъ днемъ, но весьма небезопасныхъ въ ночное время; поэтому она могла считаться загороженною и съ этой стороны, хотя тутъ не было ни одной постройки.

Старый городъ составлялъ безспорно самую живописную и истинно любопытную часть Тифлиса, несмотря на нечистоту, неудобства и очень некрасивыя вещи, ежеминутно попадавшіяся на глаза человѣку проникавшему въ его извилистую внутренность. Тѣсныя и кривыя улицы мѣстами были устланы такого рода головоломною мостовой, что безъ грѣха позволялось включить въ ежедневную молитву: и избави насъ Господь отъ такой напасти. Въ цѣлой Россіи, извѣстной многими плохими мостовыми, одинъ Арзамасъ стоялъ выше Тифлиса въ достоинствѣ всеразрушительныхъ свойствъ своего знаменитаго мощенія. Мѣстами улицы, поднимаясь на гору, не требовали мостовой по причинѣ каменистаго грунта. Это были самые покойные и безопасные участки. Съ утра до поздняго вечера народъ толпился на этой ухабистой мостовой, промежъ лавокъ, открытых мастерскихъ и духововъ, покупая, продавая и перекрикиваясь на множествѣ разноречивыхъ нарѣчій, которыми Кавказъ

такъ изобильно надѣлены. Грузины, Армяне, Татары, Лезгинны, Персіане, Имеретинны, Кабардинцы, Русскіе, Нѣмцы, каждый въ своемъ народномъ платьѣ, составляли мѣшаную толпу, привлекавшую вниманіе своею яркою пестротой. Несмотря на кинжалъ, неизмѣнный товарищъ каждого кавказскаго уроженца, — на шашки, сабли и ружья, которыми народъ былъ обвѣшанъ, воровство и убійство на базарѣ считались неслыханнымъ дѣломъ. Можетъ статься, не въ одной бритой головѣ тутъ же бродила мысль какъ бы хорошо было того или другаго нечистаго свиноѣда встрѣтить подалеже отъ города, идѣ не имѣлось на лицо ни солдата, ни казака, и тамъ его отправить къ праотцамъ, да обобрать; но на городской мостовой эта самая голова только пріятно ухмылялась предмету своихъ тайныхъ помысловъ и смиренно преклоняла выю подъ стѣснительный законъ московскаго тягюра.

Къ Армянскому базару примыкали нѣсколько небольшихъ площадокъ; каждая изъ нихъ имѣла свое особенное назначеніе; на одной покоились развѣшанные верблюды, оглядававшіе проходящихъ съ выраженіемъ неудовольствія, исполненнаго горечи; другая была заперужена сотнями енаковъ навьюченныхъ корзинами съ углемъ для мангаловъ — компанато-нагрѣвательныхъ жаровень — и для оружейныхъ мастеровъ, которыми былъ набитъ Тифлисъ; третья была заставлена буйволами бурдюками наполненными виномъ... Въ Грузіи, какъ извѣстно, вино хранится не въ бочкахъ. Для перевозки его съ мѣста на мѣсто употребляются бурдюки разныхъ величинъ, дѣлающіеся изъ цѣльной кожи животнаго, начиная съ козленка до буйвола, съ внутри обращенною шерстью, намазанною нефтью. Новые бурдюки передаютъ вину духъ и вкусъ нефти, непріятные для человѣка непривыкшаго пить вино съ этою приправой, почти нечувствительною, если оно хранилось въ старомъ бурдюкѣ;

Во всѣхъ закавказскихъ провинціяхъ виноградъ растетъ въ изобиліи, но ни одна изъ нихъ не равняется добротой вина съ Кахетіей, покрытою вдоль алазанской долины, на протяженіи ста двадцати верстъ, отъ Алаверды до Алмалы, непрерывнымъ рядомъ виноградниковъ, посреди которыхъ многочисленныя селенія покоятся въ тѣни громадныхъ орѣховыхъ деревьевъ. По высотамъ, ограничивающимъ долину съ сѣвера и съ юга, грузинскіе помѣщичьи дома, фланкированные крѣпкими башнями старинной постройки, красиво

отдѣляются отъ темной зелени густыхъ лѣсовъ. Засѣянныхъ полей не много; все земля отдана винодѣлію; зерна въ Кахетіи не достаетъ, она покупаетъ его на деньги вырученныя за вино. По богатству почвы, по климату и по красотѣ природы Кахетію можно, не предаваясь метафорѣ, назвать земнымъ раемъ. Въ Швейцаріи и въ южной Италіи многіе пункты пользуются всемірною славой неподражаемой красоты, и эти мѣста дѣйствительно хороши. Однако, не наслаждался видомъ одной изъ самыхъ очаровательныхъ картинъ, созданныхъ Творцомъ на радость человѣку, кто не видѣлъ Кахетіи, кому не удалось съ высоты, на которой уступами рисуется городъ Сигнахъ, любоваться восходомъ солнца изъ-за снѣговаго хребта заслоняющаго алазанскую долину съ сѣверо-востока, когда облака, мѣняя освѣщеніе, одѣваются во всѣ цвѣта радуги, постепенно ясняющее небо проникается прозрачностью голубоватаго хрустала, вершины противоположныхъ, снѣгомъ покрытыхъ горъ начинаютъ пламенѣть, наконецъ огненный дискъ солнца выкатывается изъ-за зубчатой стѣны Кавказа, туманъ, заслонявшій низъ долины, распахивается какъ занавѣсъ, и глубоко подъ ногами раскрывается, нсящій названіе Кахетіи, нескончаемый цвѣтущій садъ, опоясанный серебряною лентой Алазани. Разъ въ жизни, мнѣ случилось съ террасы одного изъ сигнахскихъ домовъ глядѣть на восходъ солнца надъ алазанскою долиною; съ тѣхъ поръ прошелъ для меня длинный рядъ годовъ, много я видѣлъ новыхъ странъ, много прекрасныхъ мѣстъ, но нигдѣ не встрѣчалъ картины, вѣзавшейся мнѣ въ память такими глубокими чертами.

Кахетинское вино пользуется на Кавказѣ славой, которую оно вполне заслуживаетъ. Внутри Россіи его не цѣнятъ по достоинству, въ Европѣ о немъ почти не знаютъ; но это отнюдь не мѣшаетъ ему равняться съ лучшими бургонскими сортами. Въ мое время (полагаю и теперь еще не бросили стариннаго обычая) грузинскія вина хранились не въ бочкахъ и не въ бутылкахъ, а въ огромныхъ глиняныхъ кувшинахъ, формы древнихъ амфоръ, зарытыхъ въ землю по горло. Нѣкоторые кувшины вмѣщали до трехъ тысячъ тунгъ (пятнадцать-тысячъ бутылокъ). Мѣсто, гдѣ подъ крышей, подпертою каменными столбами, покоились въ землѣ кувшины съ виномъ, называлось „маранью“. Для перевозки вина, какъ я прежде сказалъ, употреблялись бурдюки, и неудивительно, ежели

длинные нити аромѣ, нагруженныхъ бурдюками съ виномъ, тянулись по всѣмъ дорогамъ къ Тифлису, и ими загромаждались цѣлыя площади, потому что въ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи не было бѣдняка-попеньщика, который бы сѣлъ обѣдать не имѣя предъ собою кружки вина, хотя бы вся его пища состояла изъ одного чурека и изъ щепотки черемши, джонжолы, или другой зелени. Грузины охотники до вина и пьютъ не мало; несмотря однако на хорошее качество роднаго вина, на его дешевизну и на ихъ трудно-утолимую жажду, рѣдко я встрѣчалъ между ними пьяницъ. За то часа въ три послѣ полудня, когда проходило обычное время обѣда, можно было считать навеселѣ все Грузинское царство, о чемъ позволялось судить по яркому цвѣту носовъ, по усиленному блеску глазъ и по добродушно-веселому выраженію лицъ у всѣхъ встрѣчныхъ. Въ это время народный характеръ выказывался въ его настоящемъ видѣ. Грузины народъ добрый, откровенный, общежительный, храбрый и крайне беззаботный; любятъ они разгулъ и военные походы. Разчитывая жизнь, хозяйственныя заботы, промыселъ и торговля не ихъ дѣло. На это существуютъ въ Грузіи Армяне, отлично умѣвшіе воспользоваться непрактичною стороною грузинскаго характера и овладѣть торговлей, промышленностью и всѣми источниками этой богатой страны.

Въ 1832 году въ Тифлисѣ не было и помысла о театрѣ. Русскіе и Грузины проводили время въ тѣсномъ семейномъ кругу, не часто сообщаясь между собой; общественныя удовольствія ограничивались: для первыхъ—прогулками за городъ, холостыми вечерами за виномъ и картами, да пріемными днями у корпуснаго командира; для вторыхъ—обѣдами въ садахъ, которыми и русская молодежь не пренебрегала, и скачками. Грузинки высшего общества, примѣнялись къ русскимъ обычаямъ, безъ дальнихъ затѣй скучили дома, или чинно красовались на рѣдкихъ официальныхъ вечерахъ, а принадлежавшіе къ средѣ небогатаго дворянства и городского среднего сословія, слѣдуя старинной привычкѣ, по вечерамъ забавлялись пляскою на плоскихъ крышахъ, обществомъ ходили въ тифлисскія теплыя бани, а по четвергамъ все женское городское населеніе съ ранняго утра отправлялось на поклоненіе Св. Давиду.

Маленькая церковь, построенная надъ могилой Св. Давида, къ которому Грузинки питаютъ особенное благого-

вѣнне, какъ извѣстно каждому кто бывалъ въ Тифлисѣ, стоитъ на половинѣ отвѣсной горы возвышающейся надъ арсеналомъ. Крутая каменистая тропинка змѣиными извилинами ведетъ къ святилищу, господствующему съ высоты своей надъ всѣмъ городомъ и надъ самыми сокровенными помыслами красивѣйшей половины его жителей. Грузинки, по обѣту снявъ обувь, шли въ гору просить у святаго: дѣвицы—суженаго по сердцу, женщины бездѣтныя—плода, беременныя—счастливаго разрѣшенія, покинутыя—новаго счастья. Въра въ святаго не имѣла предѣла, и что всего лучше, просительницамъ не надо было томиться долго неизвѣстностію, достигнуть ли онѣ своего желанія, или нѣтъ. Слѣдовало только, по окончаніи молитвы, приложить къ сырому фундаменту церкви камешекъ поднятый на горной тропинкѣ: прилипнетъ онъ, значитъ, желаніе исполнится; упадетъ—нечего и надѣяться. Часто я ходилъ глядѣть, какъ, по четвергамъ, до свѣту еще, на пустыхъ улицахъ начинали со всѣхъ сторонъ собираться чадроносицы, какъ число ихъ, умножаясь, сливалось въ непрерывную бѣлую ленту, извивавшуюся по крутой дорогѣ пролегавшей къ Св. Давиду, какъ онѣ, поклонившись чудотворнымъ мощамъ, одобно безчисленной стаѣ лебедей рассыпались по горѣ для отдыха и будто взмахами бѣлоснѣжныхъ крыльевъ манили къ себѣ на высоту праздновать появленіе молодого дня. Сколько томныхъ черныхъ глазъ, сколько нѣжно обрисованныхъ личекъ случалось мнѣ тутъ видѣть на одно мгновеніе, едва успѣвая окинуть бѣглымъ взглядомъ очеркъ гибкаго стана, быстро мелькнувшаго изъ-подъ нечаянно распахнувшейся чадры. Всѣ Грузинки, молодыя и старыя, ловко умѣютъ драпироваться въ чадру, закрываясь ею до глазъ; у молодыхъ и хорошенъкихъ она однако не держалась такъ плотно какъ у старухъ и перѣдко слерка раскрывалась при встрѣчѣ съ мужчиной, не надолго, на одно мгновеніе, но его было достаточно для удостовѣренія что ею прикрывались не старость и не уродливость. И послѣ этого, съ воображеніемъ наполненнымъ заманчивыми призраками лучшихъ благъ, какія въ молодости намъ сулитъ жизнь, не охлажденная еще долгимъ опытомъ, мнѣ приходилось прямо идти въ канцелярію, готовить докладъ, прочитывать весьма незамысловатыя бумаги и поправлять писарскія ошибки. Скучная, сухая, но неустрашимая работа не позволяла мнѣ тратить

много времени на мечтанія. И на существенный отдыхъ я имѣлъ мало досуга. Пикаловъ, сдавъ мнѣ отдѣленіе, въ началѣ іюня уѣхалъ въ Гамборы, и по части генеральнаго штаба я одинъ остался при Вольховскомъ, выписавшемъ на своихъ плечахъ всѣ приготовления къ рѣшительной экспедиціи противъ Кази-Мегмета. Несмотря на то что на немъ лежали двѣ должности, начальника штаба и оберъ-квартирмейстера, и несмотря на мою слабую опытность, дѣло шло не останавливаясь. Его неутомимое трудолюбіе, его добросовѣстность и его неизмѣнно-настоятельное терпѣніе служили для меня живымъ примѣромъ и не допускали съ моей стороны ни ошибокъ, ни упущеній. Вникая самъ во все, онъ предпочиталъ, вмѣсто укора, собственнымъ трудомъ исправить невольную ошибку подчиненнаго и ни въ какомъ случаѣ не позволялъ себѣ рѣзкихъ выраженій. Между тѣмъ самое легкое, можно сказать дружеское, замѣчаніе съ его стороны смущало меня болѣе крикливыхъ и оскорбительныхъ „распеканій“, которыми многіе начальники того, да и позднѣйшаго времени имѣли привычку надѣлать своихъ подчиненныхъ, полагая этимъ способомъ внушить къ себѣ страхъ и уваженіе. А происходило это оттого что Вольховскій, въ сознаніи своего достоинства, не чувствовалъ надобности отпугивать отъ себя людей, чтобы не подсмотрѣли чего, и проповѣдуя строгое исполненіе служебныхъ обязанностей не обиднымъ словомъ, а честнымъ примѣромъ, внушалъ каждому человѣку глубокое уваженіе къ своему характеру.

Не въ видѣ анекдота, а въ смыслѣ дѣйствительнаго факта, подтвержденнаго мнѣ многими его товарищами, привожу слѣдующую черту, доказывающую въ какой степени онъ былъ требователенъ къ самому себѣ, когда дѣло касалось службы. Не имѣя довольно времени на исполненіе обязанностей, лежавшихъ на немъ въ Малоазійскую кампанію тысяча восемьсотъ двадцать девятого года, онъ рѣшился тратить на сонъ не болѣе шести часовъ въ сутки, и потому каждый разъ когда его одолѣвала усталость, отмѣчалъ минуты проведенныя въ дремотѣ для вычета ихъ общаго итога изъ ночнаго сна. Подобнаго рода точность было бы позволено отнести къ излишнему педантизму или къ желанію отличить себя чѣмъ-нибудь особеннымъ, еслибы цѣль и побужденіе руководившія Вольховскимъ въ этомъ случаѣ не были лишены всякаго личнаго разчета. Онъ зналъ заранѣе какое спасибо ему

готовилось за всѣ его труды. Многотерпѣливый страдалецъ чужаго, неизмѣнно раздражительнаго самолюбія, онъ кончилъ тѣмъ что былъ удаленъ изъ арміи, когда имъ же подготовленные успѣхи позволили обойтись безъ него.

И мнѣ случалось въ Тифлисѣ нерѣдко отнимать дорогіе часы у сна, только не для работы, подобно Вольховскому, а для того чтобъ освѣжить голову на чистомъ воздухѣ и освободить легкія отъ пыли, которую я въ продолженіе жаркаго дня глоталъ въ канцеляріи, пересматривая старыя дѣла.

Въ іюнѣ становилось такъ жарко, что съ удовольствіемъ можно было жить только ночью. Температура доходила послѣ полудня до + 28° Реом. За то послѣ заката солнца, когда свѣжіи, душистыи вѣтерокъ съ горъ проникалъ въ сгустившуюся надъ городомъ, жаромъ пропитанную атмосферу, наступали часы въ которые было легко и весело жить. Улицы, опустѣлыя до того времени, наполнялись народомъ, на крыши и на террасы высыпали ожившіе жильцы, повсюду слышались протяжныя ноты голосистыхъ татарскихъ и грузинскихъ пѣсенъ, мѣрно звучали бубны, и на высотѣ домовъ мелькали въ переливахъ полусвѣта, распространяемаго цвѣтными персидскими фонарями, яркія женскія платья и заманчивыя силуэты пляшущихъ дѣвушекъ. Далеко за полночь кипѣла веселая жизнь на крышахъ и на улицахъ, усыпанныхъ народомъ жадно вдыхавшимъ ночную прохладу. Въ то время дома стараго города были устроены такъ, что не касаясь мостовой, а поднимаясь только и опускаясь съ одной крыши на другую, можно было обойти цѣлый кварталъ и открыть себѣ входъ въ любой домъ. Съ Пикаловымъ, котораго въ околоткѣ всѣ знали и очень любили за его общительность, мы раза два предпринимали по нашему кварталу такого рода прогулку, избѣгая однако заходить на тѣ крыши гдѣ находились однѣ женщины: молодыя разбѣжались бы, а старухи разбранили бы насъ безъ всякой церемоніи за нашу нескромность. Туда же гдѣ присутствовало мужское существо смѣло можно было идти, зная навѣрное что веселый и добродушный Грузинъ нисколько не обидится посѣщеніемъ незнакомцевъ, а гостей, которыхъ ему Богъ послалъ, хотя и не совсѣмъ обычнымъ путемъ, приметъ съ открытымъ сердцемъ, познакомитъ со своимъ семействомъ, дочерей или сестеръ заставитъ плясать лезгинку, а самъ, распѣвая

подъ звукъ чунгура, станетъ пить и до-нельзя поить своихъ новыхъ друзей.

Ночной видъ Тифлиса, послѣ жаркаго лѣтнаго дня, заключалъ въ себѣ столько заманчиваго разнообразія, что каждый разъ можно было имъ наслаждаться съ новымъ удовольствіемъ, не замѣчая какъ уходили часы. Но всего краше являлся городъ при лунномъ свѣтѣ. Тогда развѣ слѣпому, или совершенному цѣлоту, было простиительно не любоваться чудною картиною которая рисовалась предъ глазами. Въ такія ночи позволено ли было думать о снѣ и объ усталости! Нерѣдко утрення заря заставляла насъ на улицѣ или гдѣ-нибудь далеко за городомъ.

Къ числу болѣе осязательныхъ и каждому душевному настроенію доступныхъ удовольствій принадлежали тифлисскія бани, построенныя на сѣрныхъ горячихъ источникахъ, по-грузински „типлицъ“, давшихъ начало названію города. Онѣ занимали немаловажное мѣсто въ быту туземнаго населенія, посѣщавшаго ихъ не по одной надобности, но и въ смыслѣ пріятнаго препровожденія времени. Четыре бани, между которыми лучше считалась баня носившая названіе „архіерейской“, потому что доходы съ нея поступали въ пользу тифлискаго архіерея, никогда не оставались пустыми. Лѣтомъ онѣ посѣщались преимущественно отъ заката до восхода солнца. Поочередно двѣ бани отводились для женщинъ, а двѣ оставались въ распоряженіи мужчинъ. Наружнымъ видомъ тифлисскія бани мало отличались отъ другихъ восточныхъ купальныхъ заведеній, построенныхъ на одинъ общій образецъ. За длиннымъ, темнымъ входомъ просторная ротонда, получающая свѣтъ чрезъ окна пробитыя въ куполѣ, посреди ротонды бассейны студеной воды съ фонтаномъ, по сторонамъ глубокія ниши для раздѣванія примыкающія къ одной общей и къ двумъ или тремъ отдѣльнымъ купальнямъ, въ которыхъ изъ стѣны билъ горячій ключъ. Широкія каменные скамьи, застланныя циновками и тюфяками, были расположены въ нишахъ для отдыха послѣ бани. Въ Турціи мнѣ случалось видѣть публичныя бани красивѣе и богаче, но что касается до искусства мыть, растирать и переминать составы такъ пріятно, что купающійся погружался въ какое-то неопредѣливо-сладостное изнеможеніе, тифлисскіе баньщики не находили равныхъ себѣ. Лучшіе изъ нихъ набирались

въ Персіи, откуда они охотно переходили въ Грузію, дороже цѣнившую ихъ талантъ. Баныццы, носилъ слухъ, не уступали имъ въ искусствѣ костюмной манипуляціи, и поэтому неудивительно, если тифлисскія красавицы, не имѣя большаго выбора въ удовольствіяхъ, любили нѣжиться въ баняхъ и проводить въ нихъ цѣлые вечера въ обществѣ своихъ пріятельницъ. При тогдашней строгости грузинскихъ обычаевъ, мушкетъ не позволялось даже близко подойти къ банѣ отдаленной въ распоряженіе женщинъ, и всякая попытка нарушить запрещеніе повлекла бы за собой весьма непріятныя послѣдствія для нескромнаго искателя приключеній. Но одна отдѣльная купальня не отнималась по четвергамъ у посѣтителей мужскаго пола, несмотря на присутствіе женщинъ во всѣхъ прочихъ отдѣленіяхъ. Къ тому же ниша для раздѣванія, принадлежавшая къ этой купальнѣ, отдѣлялась отъ ротонды, занятой женщинами, одною темнозеленою саржевою занавѣсью. И странное дѣло: женщины, отнюдь не изъ категоріи легкомысленныхъ, недоступно стыдливыя во всякое другое время, на улицѣ закутанныя въ чадру до бровей, нисколько не смущались чужа за колеблющеюся занавѣсью нескромный глазъ незнакомаго пришельца и мелькали по ротондѣ въ томъ разоблаченномъ видѣ діаниныхъ нимфъ, изъ-за котораго Актеонъ такъ горько пострадалъ. А изъ молодыхъ Грузинокъ и Армянокъ, могу поручиться, весьма немногія по наружности не годились прямо въ свиту къ цѣломудренной богинѣ. Мало кому изъ Русскихъ былъ извѣстенъ этотъ непонятный четверговой обычай, туземцы про него не разказывали, и поэтому онъ укрывался отъ вниманія большинства тифлисской публики. Въ другой женскій день, въ субботу или понедѣльникъ, не пропустили бы мужчину чрезъ порогъ этой бани, а въ четвергъ ничего не значило. „Такой законъ“, объявлялъ смотритель бани; „такой законъ“, утѣшали себя молодыя купальщицы; и этимъ мудрымъ словомъ, рѣшающимъ на Востокѣ каждый запутанный вопросъ, устранялись всѣ дальнѣйшія сомнѣнія.

На первыхъ порахъ я не имѣлъ времени участвовать въ холостыхъ пикникахъ, которые устраивались по загороднымъ садамъ, потому что эти обѣды обыкновенно продолжались очень долго и не обходились безъ попойки, а мнѣ слѣдовало всегда держать наготовѣ свѣжую голову, не зная заранее когда Вольховскому вздумается потребовать меня къ себѣ для дѣла. До выступленія въ походъ я не имѣлъ даже

удобнаго случая короче познакомиться съ товарищами, число коихъ было весьма ограничено, потому что баронъ Розенъ, недавно прѣхавъ въ Грузію, не успѣлъ еще сформировать свой штабъ, а офицеры служившіе при лицѣ князя Варшавскаго, за исключеніемъ немногихъ, уѣхали вслѣдъ за нимъ въ Царство Польское.

Дружескія отношенія въ которыхъ одна близкая мнѣ родственница находилась съ баронессой, доставили мнѣ весьма ласковый пріемъ съ ея стороны. На домашнихъ обѣдахъ, къ которымъ корпусный командиръ имѣлъ обыкновеніе приглашать поочередно всѣхъ служившихъ при немъ офицеровъ, я познакомился съ его дочерью и младшимъ сыномъ, носившимъ еще пажескій мундиръ, а на баронессиныхъ приемныхъ вечерахъ имѣлъ случай бросить хотя поверхностный взглядъ на тифлисское общество, въ которомъ кругъ моего знакомства расширился позже, когда мы вернулись изъ экспедиціи.

V.

Баронесса Елизавета Дмитріевна во дни молодости, посылъ слухъ, была очень хороша и имѣла въ свѣтѣ много успѣха. Въ 1832 году ей было далеко за сорокъ лѣтъ, и слѣды прежней красоты едва проглядывали сквозь полную, которая, увеличиваясь съ годами, подъ старость стала для нея тяжелымъ бременемъ, но въ то время придавала ей только видъ осанистой дамы, болѣе почтенной чѣмъ молодежью наружности. Она очень любила репрезентацію и настойчиво ласкала эту, впрочемъ, довольно невинную страсть, находившую полную пищу въ служебномъ положеніи ея супруга. Въ общественномъ отношеніи, при множествѣ ея хорошихъ качествъ, все бы пошло наилучшимъ порядкомъ, еслибъ она съ меньшею важностію принимала тифлисскихъ дамъ, которыя не въ силахъ были простить ей тонъ, непріятнымъ образомъ задѣвавшій ихъ щекотливое самолюбіе. Не влюбивъ ея, онѣ не замедлили составить сильную оппозицію, въ которую мало-по-малу втянули своихъ покорныхъ супруговъ и къ повиновенію пріучаемыхъ угодниковъ. Все это, разумѣется, происходило за кулисами, и баронесса продолжала жить въ

увѣренности что ее всѣ обожаютъ. Тутъ разыгрывалась слишкомъ обыкновенная свѣтская комедія: всѣ въ ней нуждались и всѣ ей кланялись, льстили ей въ глаза, а заочно взводили на нее всякую бль и небылицу. Весьма немногія личности умѣли хранить должную независимость чувствъ и поведенія. Люди пресмыкавшіеся предъ нею когда баронъ былъ въ силѣ, пользовавшіеся ея особеннымъ покровительствомъ и во многомъ ей обязанные, случалось, въ послѣдствіи, укоряли ее громче другихъ, не совѣщаясь къ зерну правды подбавлять грузы лжи. Не пойду по ихъ слѣдамъ, хотя самъ никогда не принадлежалъ къ числу ея безусловныхъ поклонниковъ; съ благодарностію стану вспоминать о тѣхъ пріятныхъ минутахъ которыя я проводилъ у нея въ домѣ, когда мнѣ удавалось вступать въ полосу милостиваго отъ нея расположенія. А что касается до падавшего на нее укора въ гордости и повелительности, то спрошу только, многія ли дамы, поставленныя въ ея положеніе, держали бы себя иначе?

Каждый вечеръ гостиная баронессы была открыта для небольшого числа избранныхъ посѣтителей, обыкновенно адъютантовъ и другихъ штабныхъ офицеровъ, получавшихъ именное приглашеніе или имѣвшихъ право бывать безъ зова; а два раза въ недѣлю, въ четвергъ и въ воскресенье, она принимала по вечерамъ все тифлисское общество. Въ обыкновенные дни рѣдко можно было встрѣтить у нея кого-либо изъ городскихъ дамъ; мы проводили эти вечера въ тѣсномъ семейномъ кругу, состоявшемъ изъ баронессы и ея двухъ старшихъ дочерей. Двѣ младшія дочери тогда были еще дѣти, которыхъ гувернантка вводила при появленіи первыхъ гостей. Иногда, освободившись отъ занятій, приходилъ баронъ Григорій Владиміровичъ и садился за большой круглый столъ, возлѣ своихъ дочерей, слушать болтовню молодежи, которую онъ нисколько не стѣснялъ своимъ присутствіемъ, а напротивъ того вызывалъ къ полной откровенности серіозною добротой, просвѣчивавшею во всемъ что онъ говорилъ и дѣлалъ.

Простота семейныхъ вечеровъ, облегчавшая, благодаря уму и добродушію барона, общественныя отношенія скромныхъ подчиненныхъ ко всемогущему начальнику, съ лихвой искупалась чопорностію офиціальныхъ собраній, которыя, правду говоря, на наши глаза имѣли мало привлекательнаго, несмотря на примажку грузинской красоты являвшей тутъ свои

лучшіе образцы. Не знаю въ какой мѣрѣ необходимо было доводить требованія этикета до такой степени, знаю только что отъ этого было скучно и неловко. Собирались на вечера не поздно, къ восьми часамъ. Пока было свѣтло, баронесса принимала гостей на террасѣ, окаймленной зеленью и кустами и украшенной фонтаномъ, съ которой открывался видъ на часть ниже лежавшаго города и на дальнія горы. Тутъ было хорошо, свѣжо, и еще довольно свободно можно было прохаживаться, подходить и разговаривать съ кѣмъ казалось поинтереснѣе, не опасаясь нарушить іерархическаго порядка и требуемаго безмолвія. По вступленіи въ комнату сцена измѣнялась. Старіки и дамы почтенныхъ лѣтъ размѣщались за карточными столами, въ большомъ салонѣ, оклеенномъ, какъ помню, красными французскими обоями, что въ то время въ Тифлисѣ считалось завидною роскошью. Въ этой комнатѣ тѣснились густою толпой кавалеры, не имѣвшіе смѣлости проникнуть во второй, завѣтный салонъ, гдѣ сидѣла баронесса Елизавета Дмитриевна съ дамами не игравшими въ карты. Она сама любила бостонъ, но не позволяла себѣ садиться за игру съ начала вечера, заканчивая его этимъ удовольствіемъ. Покинувъ террасу, она помѣщалась съ дочерьми въ глубинѣ салона, и на право и налѣво отъ нихъ нанизывались вдоль стѣны, по старшинству чина и происхожденія, дамы и дѣвицы, осужденныя перешептываться между собой, потому что изъ кавалеровъ весьма немногіе смѣлѣе рѣшались проникнуть въ средину этого очарованнаго круга на испытаніе своего счастья въ игрѣ остроумія и свѣтской ловкости. Напрасно баронесса старалась оживить общество, придумывая всякаго рода „jeux d'esprit“ и устраивая музыкальныя занятія, въ которыхъ участвовала сама съ дочерьми. Дѣло не шло наладъ по весьма естественной причинѣ: два главные элемента, коренной грузинскій и русскій, совершенно измѣнившійся по причинѣ отъѣзда старыхъ и прибытія множества новыхъ лицъ, какъ всегда случалось при перемѣнѣ главнокомандующаго, не успѣли еще сблизиться, и каждый съ своей стороны хранилъ наблюдательное положеніе. Въ мужскомъ кругу господствовали военный мундиръ и грузинская чуха, а фракъ являлся въ видѣ рѣдкаго исключенія; дамское общество дѣлилось на два лагеря, на Русскихъ и нѣкоторое число Грузинокъ одѣтыхъ по французской модѣ и на большинство грузинскихъ

дамъ, не измѣнившихъ еще своему національному костюму. О кавалерахъ не стану говорить, хотя между ними были чело-
вѣка два, три весьма замѣчательные и въ свѣтскомъ отно-
шеніи; но такъ какъ они въ полѣ выказались еще съ дуч-
шей стороны чѣмъ на паркетѣ, то поберегаю упомянуть
о нихъ позже, а теперь брошу взглядъ на дамъ принадле-
жавшихъ къ кругу высшаго тифлисскаго общества.

Русскихъ дамъ занимавшихъ въ немъ видное мѣсто бы-
ло тогда въ Тифлисѣ очень мало. Напрасно припоминаю ка-
кая изъ нихъ имѣла бы право навсегда поселиться въ памя-
ти молодого офицера, который могъ судить о достоинствахъ
ихъ по одной наружности, а не по скрытымъ душевнымъ
качествамъ, оставшимся для него вѣчною загадкою по при-
чинѣ недостатка времени, случая, да и потребной опытности
на такое трудное изслѣдованіе. Но особымъ причинамъ, толь-
ко двѣ русскія дамы того времени остались въ моей памя-
ти: Катерина Николаевна Д., начальница тифлисскаго пан-
сіона благородныхъ дѣвицъ и задумчивая пріятельница ба-
ронессы Елизаветы Дмитріевны, потому что она природою
была награждена такими голіаѳскими размѣрами роста и тол-
щины, что отъ нихъ не только ея воспитанницы, но и по-
сторонніе приходили въ невольный трепетъ, и всему Тиф-
лису извѣстная старушка Катерина Акакіевна, первая ма-
стерница играть въ бостонъ. Катерина Акакіевна, при-
бывшая въ Тифлисъ едвали не въ концѣ прошедшаго
столѣтія съ первыми русскими войсками, была почтенная,
всѣмъ уважаемая дама, во всѣхъ случаяхъ, кромѣ босто-
на, умѣвшая хранить съ приличіемъ требуемое спокойствіе
духа. Предавшись бостону, она забывала весь остальной
міръ и, бывало, приходила въ такой нестарческой восторгъ,
что ея смущенные партнеры не знали чѣмъ унять расхо-
дившуюся старушку, безъ пощады бранившую ихъ за каж-
дый выходъ не имѣвшій счастія ей понравиться. Низко при-
сѣдая предъ баронессой во всякое другое время, за босто-
номъ она рѣшительно не признавала ея первенства и спо-
рила съ нею какъ бы съ обыкновенною, равною ей дамою,
забывая даже величать ее вашимъ превосходительствомъ.
Эта бостонная раздражительность почтенной Катерины Ака-
кіевны происходила не отъ скупости или врожденнаго при-
страстія къ картамъ; бостонъ составлялъ для нея жизнен-
ный вопросъ. Дать тридцать тому назадъ, оставшись вдовой

послѣ мужа, полковника, убитаго въ войнѣ съ горцами, она увидѣла себя осужденною прозябать на чужой сторонѣ съ пансіономъ, отъ котораго бы просто пришлось голодать ей и сыну, еслибы не выручилъ бостонный талантъ. Бостономъ она зарабатывала ежедневное пропитаніе, бостономъ воспитала своего сына, опредѣлила на службу, пустила его въ чины и по смерти даже оставила ему капиталецъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей ассигнаціями. При всей скудости своихъ средствъ, она умѣла составить себѣ въ тифлисскомъ обществѣ весьма недурное положеніе. Первою обязанностію для каждаго новоприбывшаго молодого человѣка считалось представиться Катеринѣ Акакіевнѣ, иначе онъ рисковалъ попасть къ ней на язычокъ; а матушки взрослыхъ дочерей ласкали ее и отдавали ей всякое почтеніе, одинаково опасаясь язычка; да, говорятъ, и потому что она умѣла съ легкой руки устраивать не только бостонныя, но и матримоніальныя партіи. Мнѣ она осталась въ памяти по одной довольно забавной сценѣ, разыгравшейся у баронессы за карточнымъ столомъ. Катерина Акакіевна, по нуждѣ ставшая образцомъ разчетливости, взяла привычку платить за картами не иначе какъ старыми, обтертыми, или обрѣзанными червонцами. Баронесса Елизавета Дмитріевна, въ равной степени не любившая нести потери, замѣтила эту уловку, и откладывая въ сторону получаемые отъ нея червонцы, не упустила случая при первомъ проигрышѣ вернуть ихъ Катеринѣ Акакіевнѣ. Но почтенная дама не замедлила узнать своихъ старыхъ питомцевъ и самымъ рѣшительнымъ тономъ отказалась снова пріютить ихъ въ своемъ кошелькѣ. Дребезжащій голосъ старушки раздавался по всей комнатѣ и созвалъ толпу любопытныхъ къ карточному столу. „Не беру, не беру обрѣзанныхъ червонцевъ“, кричала она, отталкивая неполновѣсныя деньги. Напрасно Елизавета Дмитріевна защищала свое право платить ей тѣми же червонцами которые, выигравъ, брала отъ нея. „Не знаю, отъ меня или отъ кого другаго вы получили эти деньги, а коли отъ меня, такъ ваша добрая воля была ихъ брать, а я, баронесса, прежде чѣмъ взять, разглядываю каждый червонецъ. Армяне скидываютъ съ нихъ по цѣлому абазу,“ повторила Катерина Акакіевна взволнованнымъ голосомъ. И баронесса не превозмогла ея упрямства, а была принуждена,

для прекращенія спора, вручить ей расплату блестящими, ново-отчеканенными золотыми кружками.

Ежели, случайнымъ образомъ, между русскими дамами не существовало въ то время болѣе привлекательныхъ личностей, за то грузинскій кругъ заключалъ цѣлый рядъ такихъ представительницъ прекраснаго пола, которыхъ забыть было бы грѣшно. Что до меня касается, то я помню ихъ всѣхъ, помню молодыхъ и помню старыхъ, и воспоминаніе о нихъ, подобно радугѣ послѣ дождя и бури, проясняютъ мысли мои, когда онѣ невольнo останавливаются на темныхъ точкахъ моей кавказской жизни.

Кто перечесть всѣхъ красавицъ-Грузинокъ того времени? Бывало, не знаешь на которой изъ нихъ остановить глаза, когда онѣ, въ пріемный день, чинно разсядутся въ баронессиной гостиной. Хороша была графиня Симонычъ, и не хуже ея была княгиня Мана, у которой томные каріе глаза свѣтили душу согрѣвающимъ лучомъ ничѣмъ невозмутимой кротости—и кто ее знавалъ, тотъ можетъ поручиться какъ не обманчиво было выраженіе ея прекраснаго взгляда. Въ числѣ дамъ отличались еще замѣчательною красотою А., милостивая Армячка, жена богатаго и ревниваго мужа, неразлучно при ней выставлявшаго на показъ свою несимпатичную физиономію испуганнаго леопарда, и княгиня Туманова, которая такъ побѣдоносно выдерживала сравненіе съ своею дочерью, считавшеюся одною изъ самыхъ хорошенькихъ тифлискихъ дѣвушекъ. А рой дѣвицъ какъ богато былъ надѣленъ разцвѣтавшими красотками! Кто не любовался стройною княжной Еленой и ея смуглою тонколицею сестрой Майко, живою какъ порохъ Соней, дочерью графини Симонычъ, идеально-прекрасною Майко Кайхофо и княжною Амиловаровой, носившею прозваніе Минервы за величаво-правильный очеркъ лица и стана? Кто не помнитъ Марью Ивановну, довольно полную, необыкновенно-свѣжую дѣвушку, съ черными исполненными ума глазами, смиренно возсѣдавшую возлѣ доброй, краснолицой тетюшки Тини, эту Марью Ивановну, которая, вышедъ замужъ за своего однофамильца, князя Дмитрія Орбелиани, въ послѣдствіи сумѣла такъ хорошо устроить свою собственную жизнь и судьбу своей дочери? Пропускаю еще многихъ другихъ, съ которыми я познакомился позже, или которыя не принадлежали къ обществу собирающемуся у баронессы. Тифлискій жилецъ того

времени, читая такъ много знакомыхъ ему именъ, имѣть полное право спросить, почему же я ни слова не говорю о двухъ лучшихъ перлахъ тогдашняго круга грузинскихъ красавицъ, о солнцѣ Грузіи, о знаменитой Катенькѣ, и о старшей сестрѣ ея, Нинѣ Александровнѣ, которую, за ея ангельскую доброту, не вдаваясь въ метафору, можно было назвать существомъ истинно-неземнымъ. Въ Тифлисѣ ихъ не было въ началѣ 1832 года; я познакомился съ ними послѣ экспедиціи и въ своемъ мѣстѣ навѣрное не забуду высказать все что у меня осталось на душѣ отъ счастливыхъ минутъ прожитыхъ въ гостепріимномъ домѣ ихъ отца, князя Александра Гарсевановича Чавчавадзе.

Я уже замѣтилъ, что тифлисское общество дѣлилось по платью на два лагеря. Въ 1832 году не болѣе четырехъ или пяти первоклассныхъ грузинскихъ семействъ одѣли своихъ дочерей въ модное французское платье и дали имъ отгѣнокъ европейскаго воспитанія. Сами Грузины хранили національный костюмъ, мѣняя его только на русскій мундиръ, когда поступали въ военную службу. Фракомъ и безобразною круглою шляпой они пренебрегали, какъ снадобьемъ рѣшительно не соответствующимъ военной жизни, на которую въ то время были обречены всѣ Кавказцы. Въ этомъ случаѣ Грузины, полагаю, поступали по законамъ вкуса и здраваго смысла. Чуха съ откидными рукавами, украшенная галупомъ, цвѣтные шаравары, высокіе, нечсрные сапоги и персидская баранья шапка лучше шли къ ружью за спиной и къ саблѣ при бедрѣ чѣмъ цилиндръ и пальто, хотя бы самаго вычурнаго покроя. Грузинки средняго сословія, всѣ безъ изыятія, и многія изъ высшаго круга также предпочитали народное платье, дѣлая отступленіе касательно одной обуви. Женщины народнаго класса обували босую ногу въ желтые сафьянные носки—мѣсты, сверху которыхъ, для улицы, надѣвались туфли на высокихъ каблукахъ. Въ купеческихъ и въ дворянскихъ семействахъ первый шагъ къ цивилизаціи и къ сближенію съ Русскими начинался у прекраснаго пола съ ногъ, на которыхъ въ такомъ случаѣ надѣвались чулки и башмаки. За перемѣной обуви неминуемо слѣдовало изученіе французской кадрили и русскаго лзыка, на чемъ, бывало, и останавливалась цивилизаціонная реформа. Грузинка, вступившая этимъ путемъ на поприще модныхъ затѣй, замѣняла чадру мантилей, сохраняя впрочемъ

всѣ остальные части стариннаго убора: тавсакрави, вуаль, гулиспири и платы прежняго покроя. И хорошо она дѣлала не разставаясь безъ нужды съ національнымъ платьемъ: на хорошенькой женщинѣ оно красовалось не хуже французскаго, не подлежало модѣ и, повтому, при всей нарядности своей, отдамъ и мужьямъ обходилось несравненно дешевле. Длинный остромысый лифъ и безъ корсета ловко охватывалъ складную талию Грузинки, не стѣсняя ея натуральной гибкости; длинная и широкая юбка живописно застилая формы достойныя рѣзца; широкій поясъ, съ концами опущенными спереди до земли, обвивалъ тонкій станъ. Спина и плечи были закрыты, но вырѣзанный ниже груди лифъ совершенно бы ее обнажилъ, есaubъ она не прикрывалась полосой шелковой матеріи, другаго цвѣта чѣмъ платы, носившей названіе „гулиспири“ — покровъ сердца. Щекотливая стыдливость нѣкоторыхъ нашихъ дамъ не находила примирительнаго оправданія для этой части грузинскаго женскаго костюма, недостаточно прикрывавшаго проявленіе формъ, которыя, по мнѣнію ихъ, надлежало тщательно скрывать. Позволяю себѣ въ этомъ случаѣ вступить за Грузинокъ и за ихъ вполне стыдливое гулиспири, грѣшившее противъ скромности отнюдь не болѣе каждаго, французской моды, бальнаго платья. Головной уборъ у Грузинокъ, „тавсакрави“, признаться, мнѣ не нравился. Узкая матерчатая повязка, надвинутая на самыя брови, некрасивымъ образомъ закрывала лобъ; за то легкій газовый вуаль и распущенные по плечамъ прѣкрасные волосы, заплетенные въ множество тонкихъ косъ, служили украшеніемъ, довершавшимъ общую гармонію наряда. Въ холодное время Грузинки надѣвали сверхъ ярко-цвѣтнаго платья „катеби“, шубку изъ краснаго или зеленаго бархата, съ откидными рукавами, вышитую спереди золотомъ, жемчугомъ, а иногда и цвѣтными камнями. Чадрой, про которую я говорилъ уже не разъ, называлось бѣлое полотняное покрывало, безъ котораго Грузинка, въ прежнее время, не смѣла выйти на улицу. Она накидывала его на голову и окутывала имъ станъ, оставляя встрѣчному любоваться одними глазами да узкою маленькою ручкой, придерживавшею чадру на высотѣ алыхъ губокъ.

Къ описанію грузинскаго женскаго костюма мнѣ остается прибавить, что я подѣ этимъ нарядомъ, выключая старухъ,

почти не встрѣчалъ положительно дурныхъ женщинъ. Жаль что красота ихъ такъ скоротечна: разцвѣтая въ двѣнадцать лѣтъ, въ тридцать Грузинка уже дѣлается старушкой. Но и въ этомъ отношеніи встрѣчались замѣчательныя исключенія: стоить только вспомнить графиню Симонъ, Марью Ивановну, Нину Александровну, княгиню Ману и Туманову.

Во второй половинѣ іюня, когда перевалъ чрезъ Крестовую гору очистился отъ снѣга, войска, долженствовавшія участвовать въ предполагаемой экспедиціи, стали переходить на сѣверную сторону горъ и собираться около Владикавказа. Кромѣ четырехъ пѣхотныхъ баталіоновъ, роты саперъ и одной батареи, на Линію были еще направлены; пѣшая грузинская милиція и три пѣхотные полка конницы, набранной за Кавказомъ изъ Грузинъ, изъ Армянъ и изъ разноплеменнаго населенія мусульманскихъ провинцій. Командиромъ грузинскаго коннаго полка былъ назначенъ князь Ясси Андрониковъ; мусульманскими полками командовали: первымъ—князь Давыдъ Осиповичъ Бебутовъ, вторымъ,—Мирза-Джанъ Мадатовъ. Проходя чрезъ Тифлисъ, милиціонеры отдыхали въ немъ по нѣскольку сутокъ, въ продолженіи которыхъ новоприбывшій корпусный командиръ знакомился съ этимъ новымъ для него войскомъ, дѣлая смотры и приглашая къ столу бековъ, хановъ и князей, поступившихъ въ ряды его не только начальниками частей, но и простыми всадниками. Послѣ каждаго офиціального обѣда открывалась на площади предъ домомъ барона Розена блистательная „тамаша“, въ которой принимали участіе, кромѣ милиціонеровъ, и городскіе жители, линейскіе казаки и гайда-конной корпуснаго командира, сформированный при князѣ Паскевичѣ изъ турецкихъ выходцевъ. Съ Турками, Сербами, Болгарами, Албанцами и прочими обитателями европейской Турціи я былъ давно знакомъ, но чисто восточныя племена составляли для меня совершенную новизну, и я не пропускалъ ни одной тамашы, ни другаго удобнаго случая съ ними знакомиться.

Тамаша по-грузински, джигитовка на языкѣ линейскихъ казаковъ, фантазія на алжирскомъ діалектѣ, какъ многимъ должно быть извѣстно, имѣютъ одинакій смыслъ, означающій конную скачку, ристаніе, сопровождаемая трескомъ выстрѣловъ и облаками дыма и пыли. Въ отношеніи разнообразія народныхъ типовъ, блеска оружія и конской сбруи,

богатства разноцвѣтныхъ костюмовъ, доброты лошадей, да и самой ловкости наѣздниковъ, едва ли въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Тифлиса, можно было на Востокѣ видѣть подобнаго рода фантазіи. Не впутываясь въ этнографическое исчисленіе всѣхъ представителей кавказскаго населенія, выказывавшихъ на тифлисской площади свое умѣніе владѣть конемъ и оружіемъ, укажу на одиѣ главныя народности, рѣзко отличавшіяся между собой видомъ, происхожденіемъ, вѣрой, одеждой, вооруженіемъ, даже породой и самою наѣздкой своихъ лошадей. Тутъ гарцовали линейскіе казаки, Черкесы, Грузины, Имеретины и Мингрельцы, Армяне, Татары казахскіе и шамшадильскіе, Карабахцы и Шемахинцы, Турки, Курды, и между ними христіане, мусульмане, Іезиды, поклонники духа тьмы, и Курды отличавшіеся смѣсью повѣрій, близко подходящею къ совершенному безвѣрію.

Казаки и Черкесы, въ длиннополыхъ черкескахъ съ патронами на груди, обутые въ сукошныя ноговицы и красные сафьянныя чевяки, въ лохматыхъ бараньихъ шапкахъ, съ винтовкой, въ бурочномъ чехлѣ, перекинутою за спину чрезъ правое плечо, при шашкѣ и широкомъ кинжалѣ, сидѣли на нестатъистыхъ, но крѣпкихъ, неутомимыхъ лошадяхъ кабардинской породы. Маленькое черкесское сѣдло и легкая тонко-ременная уздечка видимо были приспособлены къ дальнему походу, къ жизни на конѣ. Не порывистъ ихъ налетъ, но стойко встрѣчаютъ они противника, мѣтко бьютъ изъ винтовки и рубятъ шашкой на убой. Лошади пріѣзжены къ покойному ходу, къ быстрымъ поворотамъ, но не къ прыжкамъ и дыбкамъ, только мѣшающимъ упорной, хладнокровной дракѣ. Карабахцы, въ высокихъ персидскихъ шапкахъ изъ черной мерлушки, въ чухахъ съ закидными рукавами обшитыхъ галуномъ по всѣмъ швамъ, въ высокихъ коричневыхъ сапогахъ и шелковыхъ, зеленыхъ или красныхъ шараварахъ, съ перекрещенными на груди ремнями покрытыми серебряными или золотыми бляхами, вооруженные длинными ружьями, безъ чехла, перекинутыми чрезъ лѣвое плечо и кривыми персидскими саблями, казались неотразимыми наѣздниками. Персидскіе и карабахскіе рослые жеребцы, на которыхъ высоколукія персидскія сѣдла и строгія узды свѣтили серебромъ, золотомъ и дорогими камнями, нетерпѣливо грызли удила и прыгали подъ сѣдоками. Карабахцы бросались въ атаку съ быстротою урагана. Казалось, никакая

сила не могла устоять противъ такого налета, а въ сущности дѣло было далеко не такъ опасно. Казаки и Черкесы выжидали атаку на мѣстѣ, встрѣчали Карабахцевъ залпомъ изъ винтовокъ, и выхвативъ шашки, съ рикомъ неслись въ погоню за ними, потому что они никогда не выдерживали дружнаго огня и давали тылъ при одномъ видѣ опущенныхъ стволовъ. На площади повторялось только то что бывало въ настоящемъ дѣлѣ; каждый сохранялъ свойственную ему методу драться. Татаринъ налегаетъ вихремъ и также скоро уходитъ; „кашты“—бѣжать, по понятіямъ его, есть своего рода молодечество. Казаки и Черкесы, не имѣвшие обычая бросаться на непріятеля очертя голову, за то дрались упорно, и обративъ его въ бѣгство, гнали за нимъ далеко и рубили безъ пощады. Турки, на своихъ тяжелыхъ, креслообразныхъ сѣдлахъ, подъ которыми исчезали ихъ лошади, обращали на себя вниманіе одними красными куртками да огромными чалмами, но какъ кавалеристы ни въ какомъ отношеніи не могли равняться съ своими родичами Татарами и Персіянами. Курдовъ, одеждой и вооруженіемъ схожихъ съ Турками, несмотря на ихъ необыкновенно красивыхъ лошадей арабской крови, нельзя было признать за воиновъ; это воры и разбойники, способные только на ночной грабежъ. Сто Курдовъ не стоили десяти линейцевъ или Черкесовъ.

Остается указать на Грузинъ, и я припоминаю о нихъ не безъ удовольствія. Одѣтые и вооруженные подобно Карабахцамъ, съ такимъ малымъ отличіемъ что непривычный глазъ его и не замѣтитъ, они несравненно храбрѣе всѣхъ Татаръ и даже лучшіе кавалеристы. Въ аванпостной службѣ и въ изворотахъ малой войны они уступаютъ Черкесамъ и нашимъ казакамъ, но какъ храбрыхъ и ловкихъ наѣздниковъ ихъ можно назвать лучшими кавалеристами въ мірѣ, и, по моему мнѣнію, Грузинъ на конѣ, съ саблею въ рукахъ, стоитъ двухъ Венгерцевъ. Кто скакалъ смѣлѣе, кто бросалъ джерида ловчѣе грузинскихъ князей? Не разъ мнѣ приходилось любоваться молодымъ Тархановымъ, какъ онъ, на всемъ скаку своего золотистаго жеребца, извиваясь змѣей, ловилъ джерида пущенный ему въ догонку, и продолжая скакать, посылалъ его обратно прямо въ грудь своего противника. Кто сидѣлъ на лошади, знаетъ, что на это пужна вѣрность руки и глаза которою немного ѣздоковъ могутъ похвалиться. А кто, въ наѣздничествѣ, могъ равняться съ Ясси

Андрониковымъ? На всемъ скаку чрезъ площадь, имѣвшую не болѣе двухъ сотъ шаговъ длины, онъ вынималъ изъ-подъ себя сѣдло, поднималъ его надъ головой, и круто поворотивъ коня, накладывалъ его снова, подтягивалъ подпруги и усаживался прежде чѣмъ достигалъ до другаго конца. О пѣшихъ Грузинахъ скажу позже, при случаѣ; теперь упомяну только, что въ полку ихъ имѣлась также сотня одноплеменныхъ съ ними Тушинъ, живущихъ на южномъ скатѣ горъ, у подошвы Барбалло, высоко выдвинувшагося изъ ряда смежныхъ вершинъ, въ сосѣдствѣ съ Лезгинами, ихъ родовыми врагами. Не безъ повода считали Тушинъ самымъ храбрымъ народомъ въ Кавказскихъ горахъ. Въ одеждѣ они отличались отъ Грузинъ только плоскою войлочною шапкой, которую они носили вмѣсто персидской „папахи“, и тѣмъ что берегли винтовку въ чехлѣ изъ волчьей шкуры. Тушинъ, находившійся въ непрерывной войнѣ съ Лезгинами, войнѣ засадъ, грабежа и убійства, не любилъ драться издали и имѣлъ обыкновеніе, послѣ перваго выстрѣла, броситься на непріятеля съ саблей или кинжаломъ въ рукѣ. Онъ имѣлъ привычку отрѣзать правую руку убитаго противника и выставлять ее надъ воротами дома, въ знакъ побѣды и въ угрозу своимъ живымъ врагамъ. Въ глазахъ Европейца этотъ обычай можетъ показаться нѣсколько неделикатнымъ, но на Кавказѣ, гдѣ намъ не разъ приходилось видѣть не только руки, но и отрѣзанныя головы, о немъ судили менѣе взыскательно.

Въ послѣднихъ числахъ іюня обозъ корпусной квартиры выступилъ изъ Тифлиса на Линію. На волю штабныхъ офицеровъ было отдано слѣдовать съ обозомъ, ѣхать на почтовыхъ, или каждому идти отдѣльно малыми переходами, только бы не опоздать на сборномъ мѣстѣ ко дню прибытія корпуснаго командира. Непреодолимое желаніе на свободѣ осмотрѣть чудную Военно-Грузинскую дорогу, по которой я въ первый разъ промчался на почтовыхъ и не въ лучшее время года, побудило меня пуститься въ дорогу верхомъ, имѣя при себѣ одного казака и денщика съ вьюкомъ и съ заводною лошадыю. При полной свободѣ располагать временемъ по собственной волѣ, останавливаться и дневать гдѣ захочу, безъ писаря, безъ канцеляріи, безъ бумажнаго дѣла, я не помню веселѣе путешествія. Безоблачное небо надъ головой, вокругъ яркая зелень полей и живописныя горы располагали какъ можно болѣе не разставаться съ долиной

Арагвы. Я ѣхалъ не прямою дорогою и безпрестанно отыскивалъ обѣздныя тропинки чрезъ лѣсъ и по горамъ, дѣлалъ привалы гдѣ оказывался хорошій видъ, останавливался ночевать въ деревнѣ, въ которой меня заставлялъ закатъ солнца или привлекало мѣстоположеніе. Такимъ образомъ, пожалуй, я путешествовалъ бы гораздо долѣе чѣмъ слѣдовало, ежели бы въ Пассанаурѣ не нагналъ меня Мирза-Джанъ Мадатовъ со своимъ полкомъ и не напомнилъ мнѣ что мѣшкать не время. Настигъ онъ меня въ то время, когда я, выбравъ тѣнистый лѣсокъ на берегу Арагвы, устроилъ въ немъ свой полуденный привалъ. Мѣсто ему понравилось, онъ остановилъ полкъ отдохнуть, пригласилъ меня къ завтраку и потомъ уговорилъ продолжать съ нимъ дорогу, предложивъ раздѣлить со мною свою собственную палатку.

Маіоръ Мадатовъ, служившій въ прежнія времена переводчикомъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ, былъ чело-вѣкъ честный, весьма неглупый и отъявленный весельчакъ. Ермоловъ его любилъ, вѣрилъ ему и, во время своихъ походовъ и поѣздокъ, не разставаясь съ нимъ ни днемъ ни ночью и даже укладывалъ спать возлѣ себя, для того чтобы всегда имѣть его подъ рукою. Крайняя разсѣянность была однимъ изъ его отличительныхъ свойствъ. Самъ Алексѣй Петровичъ разказывалъ, что однажды ночью, во время сна, онъ запустилъ ему въ густые волосы свои пять пальцевъ и усердно сталъ чесать голову. Ермоловъ встрепнулся. „Мирза-Джанъ! что ты дѣлаешь?“ — „А что? Ничего!“ — „Какъ ничего?“ — „Только свою голову чешу“, и довольный дѣломъ и откровенностью своего отвѣта, Мирза-Джанъ повернулся на другой бокъ и снова заснулъ. При Паскевичѣ онъ поплатился за Ермоловскую милость: четыре года его продержали, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ, и онъ, бѣдный, дѣйствительно высохъ и очень пожелтѣлъ, но, къ счастью, не утратилъ веселаго нрава. Въ управленіе Розена Мирза-Джанъ опять сталъ всплывать на поверхность служебной пучины. Походъ съ его полкомъ былъ нескончаемый праздникъ. Въ немъ служили милиціонеры изъ такъ-называемыхъ татарскихъ дистанцій, Армяне изъ Эриванской провинціи, Курды и Іезиды. Безъ всякаго замѣтнаго порядка тянулись по горной дорогѣ толпы всадниковъ, одѣтыхъ въ самые яркіе цвѣта; пошатываясь, плелись за ними сотни тяжело нагруженныхъ

катеровъ и вьючныхъ лошадей. Серебромъ и золотомъ оправленное оружіе, сѣдла и сбруа, какъ жаръ горѣли на яркомъ солнцѣ. Музыка гудѣла, стучали маленькіе барабаны, и по воздуху разносились гортанные звуки татарскихъ напѣвовъ; горное эхо вторило переливамъ нескончаемыхъ, томительныхъ трелей, составляющихъ верхъ искусства для азіятскаго пѣвца. Эта музыка, служившая въ дѣлѣ сигналомъ къ атакѣ, заставила меня понять отчего Азіятцы съ такимъ бѣшенствомъ несутся на непріятеля; пронзительные звуки ея, раздражая нервы въ высшей степени, меня самого приводили въ такое непреодолимое волненіе, что я былъ готовъ, очертя голову, скакать куда угодно, только бы уйти подальше отъ этого оглушающаго визга и стука.

Чуть расширялась дорога, или встрѣчалась поляна, и всадники, не мѣшая, пускали во всю прыть своихъ лошадей, ружья начинали трещать безъ умолку, сколько Мирза-Джанъ ни запрещалъ жечь порохъ на воздухъ, приказывая беречь его для дѣла; но удержать людей не было возможности. Азіятцу нужны для веселія скачка, гулъ и пороховой дымъ. Ночной бивакъ представлялъ не менѣе любопытную картину. Кто не видалъ азіятскаго коннаго лагеря, не можетъ себѣ вообразить безпорядка и шума, составляющихъ его непремѣнную принадлежность, въ отличіе отъ лагеря европейскихъ регулярныхъ войскъ. Палатки различныхъ величинъ, цвѣтовъ и формъ, располагаются на лугу какъ нравится ихъ хозяевамъ; около нихъ пасутся жеребцы на длинныхъ чумбурахъ, привязанныхъ однимъ концомъ къ задней ногѣ животнаго, а другимъ къ колышку, воткнутому въ землю. Ни на мгновеніе не умолкаютъ ржаніе и взвизги жеребцовъ, сдѣлавшихся въ драку; крики озабоченныхъ хозяевъ вторятъ имъ. Большую зеленую палатку Мирзы-Джана, подбитую пестрою шелковою матеріей, разбивали, какъ сѣдуетъ для начальника, на самомъ видномъ мѣстѣ, въ центрѣ бивака, полъ устилали коврами и подушками; подъ потолок привѣшивали разноцвѣтные персидскіе фонари; кукеры принимались за котлы и кастрюли, разставляли походныя печи для печенія „лаваша“, тонкихъ прѣсныхъ блиновъ изъ пшеничной муки, замѣняющихъ у Персіанъ и у Татаръ хлѣбъ, скатерть, тарелку и салфетку, и часа два спустя начинался пиръ, продолжавшійся почти до разсвѣта. Тогда только мы засыпали на нѣсколько часовъ. До сей поры не

понимаю откуда у насъ брались силы для такой гульбы. Всю ночь разносили пловъ, шашлыкъ, сладости, кофей, и азарнешъ, до края наполненная душистымъ кахетинскимъ, не останавливаясь обходила многолюдный кругъ гостей. Только и слышалось: „Алла-верди“—Богъ далъ—обращаемое отъ сосѣда къ пьющему сосѣду, и обычный отвѣтъ: „Якши-іолъ“—добрый путь ему, то-есть выпиваемому вину. Мирза-Джанъ не только былъ воинъ и драгоманъ, онъ хранилъ въ глубинѣ души огонь повзіи и, подобно Гафизу, сочинялъ персидскіе стихи и пѣсни въ честь вина и красоты. Неразлучно при немъ находившійся хорошенькій мальчикъ-пѣвецъ, по имени Бадамъ, имѣлъ обязанностью улаживать слухъ гостей, распѣвая стихи сложенные его господиномъ. А послѣ того, едва успѣвали сомкнуть глаза, какъ звукъ зурны подымалъ насъ на новый походъ. Протирая глаза, полусонные, дрожа отъ утренняго холода, мы сѣли на лошадей и шли дальше.

Четверо сутокъ я провелъ такимъ образомъ въ обществѣ Мадатова, его полковаго адъютанта, Нижегородскаго драгунскаго полка поручика князя Чегодаева, и разныхъ хановъ и бековъ, пившихъ и гулявшихъ, вопреки закону Магомета, нисколько не хуже каждаго гяура-випноійды и свиноѣда. Не доходя пяти верстъ до Владикавказа, второй мусульманскій полкъ сталъ лагеремъ возлѣ перваго полка, на широкомъ и привольномъ лугу, избранномъ для нихъ на берегу Терека, а я поѣхалъ въ крѣпость, гдѣ меня уже ожидали квартира и канцелярія генеральнаго штаба, съ длинными столами, скамьями и кипами бумагъ.

Т.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗИИ*

VI.

Во Владикавказѣ я засталъ уже въ сборѣ всѣхъ офицеровъ составлявшихъ въ то время весьма немногочисленную свиту барона Розена, его личныхъ адъютантовъ: барона Александра Евстаѣевича Врангеля, Александра Ивановича Попова, ординарца графа Цукато и двухъ братьевъ Поляковъ, князей П*, которые оба, къ сожалѣнію, не оказались подходящими къ духу и понятіямъ господствовавшимъ въ нашемъ кругу и, къ общей радости, скоро послѣ экспедиціи исчезли безъ слѣда. Должность отряднаго дежурнаго штабъ-офицера занималъ ротмистръ Дмитрій Алексѣевичъ Всеволожскій, всѣми любимый и почитаемый за его уживчивый характеръ, за доброту и за храбрость, которую онъ, отъ избытка скромности, какъ бы стыдился выказывать. Кромѣ того, находились при штабѣ еще нѣсколько очень хорошихъ, но менѣе замѣтныхъ офицеровъ, о которыхъ не могу припомнить въ настоящую минуту. Генеральнаго штаба штабъ-капитанъ Норденстамъ, заболѣвшій въ Тифлисѣ, и адъютанты корпуснаго командира Милицкій и Языковъ, сколько помнится, пріѣхали во Владикавказъ не прежде начала августа.

Недолго пользовался я во Владикавказѣ свободною жизнію и бездѣліемъ, позволявшими отлучаться въ лагерь къ Мирза-Джану и къ князю Бебутову, у которыхъ мнѣ очень понравилось проводить время посреди совершенно для меня новаго азійскаго разгула. На третій день пріѣхалъ начальникъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1 и 2.

штаба, и меня потребовали къ нему прямо съ веселаго обѣда въ татарскомъ лагерѣ. Освѣживъ голову холодною водою, я пошелъ къ докладу, сколько помню, ничего не спуталъ, и вернулся на свою квартиру съ туго набитымъ портфелемъ. Съ той поры отъ ранняго утра до поздней ночи мнѣ приходилось сидѣть за бумагами, прислушиваясь къ скрипу писарскихъ перьевъ, вмѣсто голосистыхъ пѣсень такъ сладостно ласкавшихъ мой непривычный слухъ. Окончательныя приготовления къ экспедиціи, которою баронъ Розенъ намѣревался лично командовать, требовали ускореннаго исполненія, и Вольховскій не имѣлъ привычки давать въ подобномъ случаѣ отдыхъ себѣ или другимъ. Вечеромъ 9-го іюля корпусный командиръ прибылъ во Владикавказъ, нашелъ все въ желаемомъ порядкѣ, и одиннадцатаго, рано поутру, въ сопровожденіи всего штаба и сотни линейскихъ казаковъ Моздокскаго полка, поѣхалъ обратно по Военно-Грузинской дорогѣ.

Въ ясное лѣтнее утро, когда на небѣ нѣтъ ни облака, предъ жителями Владикавказской крѣпости раскрывается одно изъ тѣхъ живописныхъ зрѣлищъ для которыхъ туристы въ жаждѣ новыхъ впечатлѣній переплываютъ моря, чтобы разъ взглянуть и помѣтитъ въ путевыхъ запискахъ что они собственными глазами убѣдились въ неподражаемой красотѣ поразительно величаваго вида, исключительно принадлежащаго такой-то точкѣ земнаго шара.

И дѣйствительно, не легко вообразить картину болѣе величественныхъ и громадныхъ размѣровъ какъ видъ Кавказскихъ горъ изъ Владикавказа.

Почти отвѣсная стѣна неизмѣримой вышины рисуется свѣтло-синими оттѣнками на прозрачномъ полотнѣ недалежнаго горизонта, подпирая небо фантастически вырѣзанными зубцами; это гранитный хребетъ Гай. Отъ подножія его лѣсистыя горы темно-зелеными волнами спускаются къ берегамъ Терека и ко Владикавказу. Надъ зубчатымъ вѣщомъ воздымаются, блистая дѣвственною бѣлизной вѣчныхъ снѣговъ, великаны главной цѣпи, отдѣленной отъ параллельнаго съ нею Гайскаго хребта глубокими ущельями, образующими ложе верховыхъ притоковъ Ассы и Фартанги. Въ этихъ ущельяхъ и на высотѣ крутыхъ отроговъ снѣговаго хребта обитали Галгаевцы, небольшое общество кистинскаго племени, приставшіе къ Кази-Муллѣ когда онъ весной появился въ

окрестностяхъ Владикавказа. Въ довершеніе своей измѣны, они убили пристава поставленнаго надъ ними отъ нашего правительства и двухъ русскихъ священниковъ-миссіонеровъ, и стали спускаться для грабежа на Военно-Грузинскую дорогу. Такого рода непріязненные поступки требовали примѣрнаго наказанія. По причинѣ малочисленности и крайней бѣдности, Галгаевцевъ нельзя было считать опасными противниками, и приведеніе ихъ въ покорность должно было обойтись безъ большого кровопролитія; но мѣста которыя они занимали въ самыхъ высокихъ и крутыхъ горахъ считались у горцевъ совершенно недоступными для русскихъ войскъ. Упираясь на это убѣжденіе, Галгаевцы дерзко отвергали все предложенія покориться добровольно и выдать головой разбойниковъ убившихъ пристава и священниковъ. Необходимость уничтожить вѣру горцевъ въ силу ихъ притоневъ и доказать имъ примѣромъ что для русскаго войска нѣтъ непреступныхъ мѣстъ и непроходимыхъ дорогъ была очевидна; поэтому корпусный командиръ рѣшился съ небольшимъ отрядомъ, въ три тысячи пятьсотъ человѣкъ, лично идти для наказанія Галгаевцевъ, хотя, по всемъ показаніямъ, въ землѣ ихъ существовали одиѣ тропинки, не всегда удобопроходимыя даже для пѣшаго человѣка.

За Балтой, верстъ пятнадцать вверхъ по Тереку, насъ ожидали назначенные въ составъ отряда два баталіона Эриванскаго карабинернаго полка, баталіонъ Тифлискаго вѣхотнаго и баталіонъ 41 егерскаго полковъ, двѣсти линейскихъ казаковъ Моздокскаго полка, пятьсотъ человѣкъ осетинскихъ конныхъ и пѣшихъ милиціонеровъ, и четыре горныя орудія. По русскому обычаю отслуживъ сперва молебень, корпусный командиръ проѣхалъ по рядамъ, поздравился съ солдатами, поздравилъ ихъ съ походомъ и приказалъ, не упуская утренней прохлады, начать движеніе. Барабанъ ударилъ переправу, и войска стали переходить съ лѣваго на правый берегъ Терека, по мосту устроенному на козлахъ. Прекрасная погода и новизна всего что происходило предъ нами, кавказскими новичками, поддерживали наше общество въ самомъ веселомъ расположеніи; для старыхъ Кавказцевъ подобнаго рода экспедиція была знакомое дѣло, хотя и имъ не за-частую приходилось идти на такія высокія горы. Солдатики, подобравъ шинельныя полы, по кавказскому обыкновенію въ фуражкахъ, безъ ращевъ—вмѣсто

нихъ черезъ плечо сухарные мѣшки — шли весело на привычную имъ работу. Отрядъ поднялся налегкѣ, безъ палатокъ, безъ повозокъ, которымъ въ Галгаѣ не было ходу, имѣя въ мѣшкахъ сухарей на шесть сутокъ и на десять во вьючномъ транспортѣ. Штабныя палатки, которыя предполагали возможнымъ провезти на вьюкахъ, принуждены были оставить на второмъ ночлегѣ, подъ прикрытіемъ тифлискаго баталіона и половины Осетинъ; затѣмъ оставлены при отрядѣ только три палатки: для корпуснаго командира, для начальника штаба и для канцеляріи.

Не далеко мы ушли колонной, недолго проехали на колесахъ наши легонькіе трехфунтовые единороги; уже на четвертой верстѣ оказались опасныя косогоры, дорога сузилась, и войска были принуждены растянуться въ нитку; орудія пришлось поднять на вьюки. Несмотря на свою малочисленность, отрядъ занялъ весьма большое протяженіе: отъ головы до хвоста колонны можно было насчитать до пяти верстѣ. Первый день обошелся самымъ мирнымъ образомъ. Мы прошли мимо одного пустаго аула, и сдѣлавъ нѣсколько болѣе десяти верстѣ, остановились возлѣ втораго, также покинутаго селенія. Галгаевцы побросали свои жилища и бѣжали съ семействами и стадами въ малопрístupныя разсѣлины снѣговаго хребта, откуда, по мѣрѣ нашего приближенія, уходили все выше. Для наказанія ихъ намъ оставалось только разорять аулы и косить ихъ скудныя посѣвы, обращавшіеся на прокормъ нашихъ лошадей. Уничтожить аулъ было не легко: сакли, сложенныя изъ плитъ и крытыя шифромъ, представляли мало пищи для огня; поэтому приходилось ихъ раскидывать, работая ломомъ и киркой. Кромѣ того, почти въ каждомъ большомъ селеніи встрѣчались высокія башни такъ прочно сложенныя изъ тесанаго камня что наша горная артиллерія оказалась противъ нихъ вовсе неэффективною. Эти башни можно было уничтожать лишь взрывомъ, но закладка мины стоила неимовернаго труда, по причинѣ каменистаго грунта на которомъ они стояли. По способу каменной кладки и по кресту высѣченному на каждой башнѣ, постройка ихъ принадлежала къ тому времени когда грузинскіе цари господствовали въ горахъ, съ одиннадцатаго по конецъ тринадцатаго столѣтія, и когда знаменитая царица Тамара, обращая въ христіанство Осетинъ и соседнихъ съ ними Кистинцевъ, принуждена была въ нагорныхъ

аулахъ возводить подобныя башни для грузинскихъ гарнизоновъ имѣвшихъ задачей удерживать новообращенныхъ христіанъ въ повиновеніи и въ страхѣ Господнемъ. Въ 1832 году, кромѣ этихъ каменныхъ остатковъ, между горами центральнаго Кавказа не сохранилось другаго слѣда христіанской вѣры. Магометанство къ нимъ не проникло, и поэтому они находились въ состояніи совершеннаго безвѣрія. Бѣдно и дико жили они въ своихъ заоблачныхъ аулахъ, лѣзвившихся по скаламъ подобно орлинымъ гнѣздамъ; рѣдкій изъ нихъ доживалъ до старости—грабежъ, разбой, тайныя убійства и канна укладывали одного за другимъ въ раннюю кровавую могилу.

На второмъ переходѣ мы еще кое-какъ провезли артиллерию на вьюкахъ, и полковникъ Зассъ, командиръ Моздокскаго казачьяго полка, имѣвшій начальство надъ авангардомъ отряда, перетаскивалъ даже своихъ трехъ верблюдовъ навьюченныхъ кибиткой и прочею кладью; но продолжать движеніе съ тяжестими оказалось столь затруднительнымъ что въ селеніи Шуани принуждены были покинуть не только вьюки, но и заводныхъ верховыхъ лошадей. Тифлисскаго полка майору Борейшѣ поручили начальство надъ устроеннымъ здѣсь вагенбургомъ. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ хуже становилась дорога. Тропинки, взвиваясь на крутые гребни или пролегая карнизомъ вдоль отвѣсныхъ скалъ надъ пропастями страшной глубины, едва имѣли ширину потребную для людской ноги и для конскаго копыта. Въ мѣстахъ размытыхъ дождевыми потоками, часто случалось, тропинка совершенно прерывалась, и тогда приходилось терять не мало времени отыскивая обходъ по скаламъ или по грудамъ скользкихъ камней. Тѣла орудій, колеса и лафетныя станины попривязали къ длиннымъ шестамъ и роздали нести солдатамъ. Пѣшіе Осетины шли въ головѣ отряда, указывая дорогу. Ихъ легкое вооруженіе, одежда и обувь, совершенно приуроченныя къ горной жизни, позволяли имъ шутя пробираться чрезъ самыя опасныя мѣста и не хуже дикихъ козъ прыгать по скаламъ на которыхъ они родились. Но можно ли оставить безъ вниманія ту спокойную увѣренность съ которою русскій, на плоскости взращенный солдатъ, съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ, провіантомъ за спиной, въ длиннополой шинели и въ неуклюжихъ сапогахъ, промелъ по галгаевскимъ тропинкамъ и вскараб-

кался на скалы до тѣхъ поръ считавшіяся доступными для однихъ туровъ да кавказскихъ горцевъ? Вспомнивъ объ осетинской обуви, не могу не указать на преимущество ея предъ тяжелыми ботинками съ толстою, гвоздями усаженною подошвой, употребляемыми для горной ходьбы въ Швейцаріи, Штиріи, Тиролѣ и прочихъ гористыхъ европейскихъ земляхъ. Осетины и вообще всѣ Кавказцы живущіе въ высокихъ горахъ носятъ самые легкіе чевяки изъ телячьей кожи подбитые вмѣсто подошвы переплетенными сыромятными ремнями. Гибкая ремешная подошва поддается всѣмъ движеніямъ ступни и не скользитъ по камнямъ, цѣпляясь за самую незамѣтную шероховатость. Съ этою легкою и цѣпкою обувью можно лазить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ сапогахъ подкованныхъ гвоздями неминуемо оборвешься. Въ кавказскихъ горахъ я самъ носилъ осетинскую обувь и по опыту знаю какъ она легка и удобна; носяъ нея каждый сапогъ покажется гирей привѣщенною къ ногѣ.

На пятые сутки мы дневали на верховьяхъ Ассы, близъ селенія Зоти. Войска стояли бивакомъ на широкомъ луговомъ скатѣ; ниже насъ лежалъ обширный аулъ, въ которомъ саперы трудились надъ закладкой минъ подъ двѣ огромныя башни; за селеніемъ вѣковой лѣсъ примыкалъ къ подножію скалистого контръ-форса снѣговаго хребта; вправо и влѣво висѣли надъ нами, забравшись подъ облака, купы тѣсно сплоченныхъ галгаевскихъ жилищъ, ускользавшихъ отъ разоренія благодаря своей малочисленности и высотѣ на которую не стоило посылать солдатъ для такого неважнаго дѣла. Въ этотъ день раздались первые непріятельскіе выстрѣлы. Галгаевцы завязали перестрѣлку съ Осетинами, расположившими свой лагерь слишкомъ близко къ лѣсной опушкѣ, и ранили у нихъ двухъ человѣкъ. Зассу было приказано съ двумя ротами поддержать Осетинъ и выгнать непріятеля изъ лѣсу. Прикомандированный къ Зассу графъ Цукато и я, болѣе изъ любопытства чѣмъ по обязанности, сочли долгомъ не отстать отъ авангарднаго командира. Галгаевцы, подпустивъ къ опушкѣ, дали по нашимъ людямъ нѣсколько выстрѣловъ и послѣ того обратились въ бѣгство. Часа три шли мы за ними, сперва по лѣсу, потомъ по скаламъ и наконецъ по снѣгу, гдѣ насъ накрыло такимъ густымъ туманомъ что въ десяти шагахъ нельзя было разглядѣть чело-
вѣка. Появивъ бесполезность погони въ снѣгу и въ облакахъ

за нашимъ легконогимъ непріателемъ, мы пошли обратно, отхвативъ у него только двухъ усталыхъ, въ снѣгу брошенныхъ ословъ.

На обратномъ пути я сдѣлалъ неосторожность которая мнѣ легко могла стоить жизни, но къ моему счастью, обошлась однимъ испугомъ. Узкая тропинка по которой намъ слѣдовало возвращаться огибала крутобокое ущелье. По каменистому дну его прорывался быстрый потокъ, въ тысячѣ шаговъ отъ своего начала ниспадавшій въ пропасть усеянную обломками скалъ. Водопада не было, струя прерывалась, въ глубину летѣла одна серебристая водяная пыль. Предоставивъ солдатамъ идти по обходной дорогѣ, Осетины перерѣзали ущелье въ самомъ устьѣ, переправились чрезъ потокъ немного выше паденія его и, безъ дороги, стали взбираться на высокій, щебенистый, унизанный скалами гребень, отдѣлявшій насъ отъ лагеря. Полковникъ Зассъ, хромавшій отъ старой сабельной раны повредившей ему мускулъ правой ноги, несмотря на это пошелъ вслѣдъ за Осетинами, опираясь на двухъ безотлучно при немъ находившихся казачковъ, братьевъ близнецовъ, Егора и Ивана Атарщиковыхъ. Мѣстами они были принуждены, отыскавъ опору для своихъ ногъ, ложиться на спину, и подавая Зассу ружье, ежели не доставала рука, втаскивать его такимъ способомъ на крутую и скользкую покатость горы. Въ числѣ офицеровъ пошедшихъ съ Зассомъ находился и я. Нетерпѣливо взбираясь на гору, я скоро опередилъ не только своихъ русскихъ товарищей, но и самихъ Осетинъ, безпрестанно кричавшихъ мнѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ идти осторожно. Подъемъ вдоль крутой и острой ребровины, засыпанной шифровымъ щебнемъ на которомъ нога скользила, былъ труденъ и опасенъ. Нерѣдко приходилось цѣпляться руками за встрѣчныя скалы, или прыгать съ камня на камень. Въ то время незнакомый съ головокруженіемъ и надвѣясь на свои силы, я не обращалъ вниманія на предостереженія Осетинъ и продолжалъ идти скорымъ шагомъ. Верхъ горы былъ уже близокъ. Мелкіе камни вдругъ покатались изъ-подъ моихъ ногъ, я поскользнулся, падая ухватился за край большаго камня и на рукахъ повисъ надъ пропастью. По какому-то непонятному влеченію, взглядъ мой опустился въ глубину, въ глазахъ потемнѣло, дыханіе сперлось, руки задрожали, пальцы стали скользить. Еще нѣсколько секундъ, и мнѣ

грозило страшное, безнадежное паденіе. Смерть казалась неизбежною, а умирать не хотѣлось. Въ это мгновеніе любовь къ жизни взяла верхъ надъ страхомъ смерти. Съ быстротою мысли и силой отчаянія понеружились все мускулы, я уперся руками и колѣнами, и понять не могу какимъ чудомъ стоймя очутился на камнѣ за который ухватился въ минуту паденія. Почувствовавъ подъ собой твердую опору, я глубоко вздохнулъ и медленно оглянулся во все стороны, стараясь повѣрить, дѣйствительно ли опасность миновала. Полковникъ Засѣ и Осетины, слѣдившіе за мною глазами когда я такъ опрометчиво взбирался на гору, тотчасъ увидели и поняли всю опасность моего положенія. Помощь была невозможна; гибель и спасеніе зависли для меня отъ одного мгновенія. Все стало какъ вкопанные. Засѣ готовъ былъ вскрикнуть. Стоявшій возлѣ него Осетинъ закрылъ ему ротъ, шепнувъ: „одно громкое слово и офицеръ пропалъ, выждемъ какъ рѣшитъ Аллахъ“. Громкій крикъ удивленія привѣтствовалъ мое спасеніе, когда увидели что я стою на камнѣ твердою ногой. Осетинскій старшина Магометъ-Кази догналъ меня въ нѣсколько минутъ. „Теперь пойдемъ потише, сказалъ Магометъ, подавая мнѣ руку,—не дамъ тебѣ идти одному, ты слишкомъ нетерпѣливъ, а въ нашихъ горахъ надо ходить осторожно, какъ разъ оставишь свои кости на сѣдленіе волкамъ да воронамъ.“ Съ этого времени онъ очень со мною подружился, и я теперь еще берегу черкесскую шубку подаренную мнѣ Магометомъ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ память тѣхъ дней когда мы вмѣстѣ исходили галгавскія горы и чеченскіе лѣса.

Между сѣвнымъ хребтомъ и горою Гай открывался глубокий бассейнъ перерѣзанный отраслями обоихъ хребтовъ, посреди которыхъ изливались верхніе притоки Ассы и Фартанги, двухъ рѣкъ прорывающихся сквозь горы въ сѣверномъ направленіи, на соединеніе съ Терекомъ принимающимъ ихъ съ правой стороны въ свое широкое ложе. На обширныхъ луговыхъ скатахъ опускавшихся отъ подножія каменистыхъ горъ къ ложу потоковъ дающихъ начало Ассѣ и Фартангѣ встрѣчались весьма удобныя лагерныя мѣста, и отрядъ могъ двигаться походною колонной, пока крутой оврагъ или поперечный гребень снова не понуждалъ, чловѣкъ за чловѣкомъ, лошадь за лошадыю, тянуться по тѣсной, головоломною дорогѣ. Въ открытыхъ долинахъ кавалерія

опережала отрядъ версты на двѣ и болѣе, для наблюденія за непріятелемъ, причемъ мнѣ приказано было постоянно слѣдовать съ коннымъ авангардомъ, наблюдать за топографомъ снимавшимъ маршрутъ и выбирать мѣсто ночлега подъ войска главной колонны. Восемь дней прошло отъ начала движенія, а непріятеля мы еще не видали и даже навѣрно не знали куда онъ дѣвался. Нельзя же было считать встрѣчами, когда у Осетинъ изъ лѣсу ранили двухъ чело-вѣкъ и мы напрасно забѣжали въ облака, и когда, другой разъ, три Гагаевца забавлялись пуская въ насъ камни съ ужасной вышины, причемъ дѣло обошлось безъ самаго не-пущаго ушиба. Скучно становилось безъ драки лазить по горамъ, ночевать подъ открытымъ небомъ на сырой землѣ, мерзнуть ночью когда приходилось стоять на высотѣ, днемъ жариться на солнцѣ и къ тому еще кормиться самымъ плохимъ образомъ. Вещей и припасовъ мы не взяли съ собой изъ вагенбурга болѣе чѣмъ могло помѣститься въ саквахъ привѣшенныхъ къ сѣдлу у драбанта,—такъ называли на линіи прикомандированнаго къ офицеру казака,—или сколько были въ силахъ нести пѣшіе денщики, поэтому не богато были снабжены даже самыми необходимыми предметами походной жизни. Чай, сахаръ, табакъ быстро исчезали, а подвоза нельзя было ожидать ни съ какой стороны. Для адъютантовъ корпуснаго командира лишенія существовали только на половину, они пользовались столомъ у своего начальника, да и намъ съ графомъ Цукато было не совѣтъ плохо. Засѣъ, при которомъ мы постоянно находились, былъ кавказскій старожилъ, поэтому предугадливъ, и сверхъ того, какъ казачій полковой командиръ, располагалъ способами позволявшими ему кормить насъ довольно порядочно. Полагаю, мы нѣкоторое время ѣли не хуже его высокопревосходительства господина корпуснаго командира, у котораго метръ-дотель—не хочу отнимать его достоинства — имѣлъ замѣчательный талантъ устраивать столъ въ плоскихъ, обитаемыхъ странахъ, гдѣ водятся города да деревушки, а не навѣтъ еще находить что нужно и тамъ гдѣ, кажется, ничего нѣтъ. Знаю что у барона Григорія Владиміровича подъ конецъ не стало хлѣба, и онъ у солдатъ покупалъ сухари за дорогую цѣну, а у насъ водились еще кое-какія, хотя черствыя корки; видѣлъ я какъ у него, въ безлѣсныхъ мѣстахъ, предъ палаткой едва теплились нѣсколько хворостинокъ, а у Засса,—

вокругъ одинъ камень,—выросталъ шалашъ изъ хвороста и бурокъ, въ которомъ хотя и тѣснѣе было, но лежалось сухо и тепло, а предъ входомъ его весело пылалъ видный костеръ. Линеецъ чутьемъ дознаетъ, что его ожидаетъ впереди, и по дорогѣ не пропуститъ ничего что можетъ сдѣлаться пригоднымъ на мѣстѣ. Непріятель зароетъ зерно: казакъ его отыщетъ; въ лѣсу загибѣдятся брошенные, полудикія куры: казакъ за версту услышитъ ихъ клохтанье, и глядишь, бѣдняжки уже висятъ у него въ торокахъ. Плохо въ полномъ смыслѣ приходилось полковымъ офицерамъ да солдатамъ, которые уже третьи сутки не видали мясной пищи и питались сухарями и водкой. Небольшое число вольвоѣ слѣдовавшихъ за колонной были стѣдены въ первые пять дней, а непріятельскихъ стадъ, на которыя разчитывали для продовольствія отряда, мы въ глаза не видали. Это было не совсѣмъ пріятно, но мы довольствовались и тѣмъ что погода намъ не измѣняла. Яркимъ свѣтомъ обливало іюльское солнце волнистыя луговыя горы, по которымъ мы съ сотней казаковъ и сотней конныхъ Осетинъ, далеко впереди главной колонны, открывали дорогу къ селенію Цори, лежавшему предъ нами за крутымъ отрогомъ горы Гай. Корпусный командиръ намѣревался примѣрно наказать Цоринцевъ за ихъ грабежи на Военно-Грузинской дорогѣ, то-есть выкосить поля и не оставить въ аулѣ камня на камнѣ. На половинѣ дороги насъ догнали два Осетина и какой-то очень оборванный горецъ съ запиской отъ начальника штаба на имя полковника Засса слѣдующаго содержанія: „Галгаевцы, какъ доносятъ лазутчики, спасли свои семейства и скотину на высоту горы Гай, гдѣ намѣрены защищаться. По приказанію господина корпуснаго командира, прошу ваше высокоблагородіе, пользуясь оплошностію непріятеля, занять съ авангардомъ означенную гору. При семъ препровождается къ вамъ для указанія дороги Кистинецъ знающій мѣстность.“

Въ этой запискѣ все было ясно и положительно, кромѣ одного пункта—оплошности непріятеля. Въ чемъ заключалась эта оплошность? Лазутчики могли видѣть непріятеля за ночь, когда мы находились отъ него довольно далеко, и ему нечего было насъ бояться. Развѣ вчерашняя безпечность не могла сегодня, съ приближеніемъ отряда, перейти въ зоркую бдительность?

Наши глаза обратились на Гай-гору.

Волнистый, изрытый оврагами, усѣянный скалами всѣхъ формъ и размѣровъ травянистый скатъ, коронованный отвѣсною гранитною стѣной не менѣе тысячи футовъ вышины, открылся нашему взгляду. Крутизна ската возростала по мѣрѣ его возвышенія. Гранитный валъ, на который намъ слѣдовало лѣзть, до половины былъ задернутъ облакомъ. Что скрывалось за непроницаемымъ туманомъ волновавшимся надъ вершиной Гай-горы, зналъ одинъ Господь.

Засѣвъ поморщился, погладилъ длинные рыжеватые усы; но вдругъ приосанился на сѣдлѣ,—онъ былъ молодецъ на лошади и отлично зналъ кавказскіе порядки,—и спросилъ своимъ обычнымъ, полусутиливымъ, полуироническимъ тономъ у присланнаго Кистинца:

— Гдѣ дорога на гору?

Кистинецъ разразился потокомъ гортанныхъ звуковъ. Переводчикъ Осетинъ сталъ перелагать на русскій языкъ.

— Начало дороги ведущей по травянистому скату къ верхнимъ скаламъ осталась далеко за нами, отсюда часа два ѣзды, а мѣсто гдѣ она сходится съ тропинкой пробитою вдоль отвѣснаго восхода на вершину горы лежитъ предъ нашими глазами.

— Можно ли добраться до скалъ безъ дороги, напрямикъ?

— Верхомъ невозможно, а пѣшій человекъ, полагаю, дойдетъ.

— А когда доберемся до верхней дороги, можно ли по ней ѣхать верхомъ и сколько человекъ могутъ идти рядомъ?

— Верхомъ никакъ! Кабы не стали стрѣлять, то лошадей можно бѣ оглядкой провести въ поводу, а такъ и пѣшему будетъ нелегко взойти; дорога тѣсная, и на ней лежатъ большіе камни.

— Есть ли другіе пути на гору?

— Есть, гораздо правѣе, еще два подъема, но они много хуже; по нимъ опасаются гонять даже козъ.

— Много ли на горѣ Галгаевцевъ? Лайдаки, говорятъ, спятъ.

— Много ли, сказать не могу. Въ Галгаѣ наберется ружей шестьсотъ, но не всѣ на горѣ; а спать имъ, когда Русскіе такъ близко, кажись, не время. Мы ихъ не видимъ, а они видятъ все что мы дѣлаемъ. Ружье бы не бѣда, прибавилъ Кистинецъ,—а вотъ что худо,—и указалъ на камни. — Станутъ въ насъ кидать.

Дѣйствительно, камень; пущенный съ высоты какая

находилась предъ нами могъ надѣлать порядочной бѣды и стоить любого ядра.

Кончивъ разспросъ, Засѣзъ подумалъ съ минуту, потомъ громко скомандовалъ: „Садись! маршъ!“ и круто поворотилъ свою лошадь къ горѣ лежавшей влѣво отъ нашей прежней дороги.

Находясь возлѣ него, я не удержался спросить по-нѣмецки смѣемъ ли мы ожидать успѣха отъ нашего замысла, имѣя для занятія такой сильной позиціи, закрытой отъ насъ туманомъ и обороняемой хотя бы сотнею горцевъ, не болѣе ста двадцати человѣкъ вмѣстѣ съ Осетинами, когда люди спѣшатся и при лошадяхъ будетъ оставлено необходимое число коноводовъ.

— Про это ничего не знаю. Мнѣ приказано занять гору „пользуясь оплошностію непріятеля“, прибавилъ Засѣзъ,—иду ее занимать. А вы что намѣрены дѣлать? Вы не состоите у меня подъ начальствомъ.

— Идти съ авангардомъ какъ шелъ до сей поры и принимать отъ васъ приказанія какъ отъ старшаго.

На этомъ прекратился нашъ разговоръ.

Около версты мы проѣхали верхомъ, сначала прямо, а потомъ давая по покатоности умы вправо и влѣво. Позже мы повели лошадей въ поводу, и высмотрѣвъ на полугорѣ широкую скалу, помѣстили ихъ за нею, а сами пошли, раздѣлившись на двѣ партіи, Осетины налѣво, казаки направо, предполагая соединиться у подошвы верхнихъ скалъ и оттуда наступать уже соединенными силами. Было приказано хранить глубокое молчаніе, и на случай встрѣчи съ непріателемъ, не терять времени на перестрѣлку, а очищать себѣ дорогу шапкой. Съ каждымъ шагомъ гора становилась круче, пришлось ползти на четверенькахъ, цѣпляясь руками за кочки и за камни. Въ это время облака, какъ бы на зло намъ, колыхаясь, стали опускаться и сперва скрыли Осетинъ отъ нашихъ глазъ, а потомъ накрыли насъ самихъ густымъ, мокрымъ туманомъ. Десять минутъ спустя зацѣлкали влѣво отъ насъ выстрѣлы, раздался крикъ, и потомъ все умолкло: Осетины наткнулись на непріятельскій караулъ; наше движеніе было открыто. На мгновеніе мы приостановились, прислушиваясь и вглядываясь въ туманъ, въ которомъ едва могли видѣть своихъ собственныхъ разсыпанныхъ по косогору казаковъ; нетерпѣливо хотѣлось узнать что будетъ дальше.

Недолго продолжалось наше невѣдѣніе. Надъ нами послышался рѣзкій свистъ, и мимо пролетѣлъ камень, прыгал по крутому скату горы; вслѣдъ за нимъ летѣли другіе камни.

„Въ гору, казаки! живо впередъ, молодцы!“ закричалъ Засѣ, и ковыляя раненою ногой, цѣпляясь ногтями, сталъ карабкаться на крутизну; Цукато и я едва успѣвали за нашимъ хромоногимъ командиромъ. Въ это мгновеніе гора дрогнула, громовой ударъ разразился надъ нашими головами, камни посыпались градомъ; обломки скалъ, рикометируя по скату, бороздили землю, дробились и сыпали во всѣ стороны свои смертоносные осколки. Въ туманѣ раздались крики и стоны. Недалеко отъ насъ камень огромной величины налетѣлъ прямо на казака, далъ рикшетъ, и на томъ мѣстѣ гдѣ прежде былъ живой человѣкъ осталась въ землю врытая масса крови и мяса. Десять шаговъ дальше не было видно кто раненъ, кто убитъ. Громъ усиливался, камни ложились около насъ все гуще да гуще, Засѣ не переставалъ кричать: „впередъ!“ Люди лѣзли на гору. Графа Цукато ударило осколкомъ въ плечо, онъ упалъ, сшибъ меня съ ногъ, и мы стремглавъ покатались подъ гору, напрасно стараясь уцѣпиться за гладкую почву. Я ободралъ себѣ всѣ ногти. Къ счастью, ниже находившіеся казаки, перерѣзавъ дорогу, остановили наше паденіе. Засѣ, увидавшій какъ мы оба разомъ упали, счелъ насъ убитыми и такъ былъ пораженъ этою мыслью что у него, какъ онъ признавался позже, совершенно невольно вырвалось приказаніе: „казаки, стой! за скалу!“ Вправо отъ насъ шпилемъ торчалъ высокій камень имѣвшій шаговъ двадцать въ основаніи. Во мгновеніе ока сплотилась за нимъ человѣческая масса упиравшаяся на поверхности лохматыми шапками и ружьями, торчавшими во всѣ стороны подобно ежевой цетинѣ. Подъ камнемъ былъ мертвый уголъ укрывавшій отъ ударовъ посылаемыхъ сверху шаговъ на восемь. На этомъ пространствѣ прижалось насъ человѣкъ шестьдесятъ. Пятерыхъ, сколько помню, не досчитались. Нѣсколько казаковъ, несмотря на опасность, поползли отыскивать подшибенныхъ. Положеніе наше и за скалой было не совсѣмъ пріятно. Въ густомъ туманѣ, между небомъ и землею, вдали отъ всякой помощи, мы тянули время въ томительномъ ожиданіи неотразимаго непріятельскаго нападенія. Противъ нашей полусотни непріятель могъ выставить нѣсколько сотъ ружей; но въ выгоды были на

его сторонѣ, онъ зналъ мѣстность и владѣлъ неприступною высотой. Куда дѣвались Осетины намъ было неизвѣстно. Тѣмъ временемъ камни продолжали валиться съ горы, свистъ и грохотъ оглушали насъ; случилось, огромный гранитный обломокъ ударялъ въ вершину нашей спасительной скалы и она, вздрогнувъ, начинала покачиваться: того и гляди накроетъ на вѣчныя времена. У всѣхъ лица повытягивались; даже Зассъ пересталъ шутить и трунить, кажется, онъ шепталъ про себя молитву; казаки, тѣ молились громко, и каждый призывалъ на помощь святаго къ которому въ чувствѣ душевнаго смиренія онъ привыкъ обращать свое упованіе.

Опытъ доказалъ совершенную невозможность продолжать наступленіе: не много бы насъ дошло до верху, да и тѣхъ непріятель могъ встрѣтить на узкой тропицѣ и одного за другимъ сбросить съ высоты; оставаться за скалой было опасно и ни къ чему не вело; отступить безъ приказанія Зассъ не хотѣлъ. Я предложилъ избрать средній терминъ: написать къ начальнику штаба записку съ просьбой о подкрѣпленіи или разрѣшеніи отступить сегодня съ тѣмъ чтобы завтра возобновить атаку. Зассъ согласился на мое предложеніе, и чрезъ десять минутъ два казака побѣжали подъ гору съ категорическимъ объясненіемъ нашего положенія.

Пока мы ждали отвѣта, камни не переставали валиться съ горы, то поодиночкѣ, то засыпомъ, напоминавшимъ первые моменты нашей атаки. При каждомъ новомъ каменномъ ураганѣ, заставлявшимъ колебаться скалу за которою мы скрывались, проводникъ Кистинецъ морщился, издавалъ какіе-то непонятные звуки.

— Чтѣ бормочешь? спрашивали чрезъ переводчика.

— Чтѣ бормочешь! Станешь бормотать когда смерть близка. Много я воевалъ въ горахъ, а такой страшной бѣды не видалъ. Не одобровать намъ! Пожалуй въ туманѣ и не доглядишь какъ набѣгутъ Галгаевцы да станутъ стрѣлять со всѣхъ сторонъ; а они быють мѣтко и очень злы: никого не пощаждать. Зачѣмъ было идти такъ мало? Позади много солдатъ и ничего не дѣлають.

Касательно бѣды я былъ готовъ согласиться съ Кистинцемъ. За годъ предъ тѣмъ два дня сряду гулъ варшавскихъ батарей и свистъ польскихъ ядеръ раздавались въ моихъ ушахъ; но громъ стоорудійныхъ батарей разсылавшихъ

подъ Варшавой гибель въ наши и въ непріятельскіе ряды можно было признать довольно сносною музыкой сравнительно съ отвратительнымъ, душу потрясающимъ грохотаніемъ гранита летѣвшаго на насъ съ высоты Гай-горы.

Тѣмъ временемъ, не далѣе двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, Осетины также сидѣли на полу-горѣ, за скалами. Мѣстность выдалась такимъ образомъ что всѣ камни бросаемые съ вышины, минувъ ихъ, летѣли къ намъ. Кромѣ того, туманъ, прояснившись со стороны, открылъ имъ вершину горы. Они видѣли что на ней происходило и о каждомъ посылаемомъ къ намъ гостинцѣ предупреждали насъ крикомъ: „дурь-дуръ“— берегись.

Осетинское „дурь-дуръ“ такъ глубоко врѣзалось въ память имѣвшихъ удовольствіе 19-го іюля просидѣть на Гай-горѣ, что долгое время спустя, услыша „дурь-дуръ“, нерѣдко пущенное на воздухъ съ цѣлью надъ ними позабавиться, они невольно вздрагивали и бросались въ сторону, полагая что камни снова летятъ къ нимъ на голову.

Часа полтора мы уже прождали, и отвѣта еще не было. Изрѣдка пролеталъ мимо насъ камень, какъ бы пущенный только въ ознаменованіе того что на горѣ не дремлютъ. Неожиданно нарушилось это бездѣйствіе. Гора заходила ходнемъ, загудѣли камни, засвистали осколки. Наклонивъ головы, прижавшись къ скалѣ, просидѣли мы около двадцати минутъ, не слыша собственного голоса отъ страшнаго шума и не понимая почему непріятель такъ расходился, когда мы сами и не думали трогаться съ мѣста. Послѣ того Гай-гора совершенно замолкла; это былъ послѣдній актъ представленія въ которомъ судьба заставила насъ разыграть довольно незавидную роль. Ротмистръ Всеволожскій прибывшій къ намъ скоро послѣ того съ приказаніемъ отступить, разъяснилъ причину послѣдней грозы разразившейся надъ нами съ такою неожиданною силой. Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій лично двинулся подкрѣпить насъ однимъ егерскимъ баталіономъ, но былъ встрѣченъ такимъ густымъ градомъ камней что немедленно остановилъ движеніе, убѣдившись въ невозможности занять гору при настоящихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе чего и поручилъ ему отыскать и привести обратно въ лагерь нашу слабую команду. Пока успѣли наступить сумерки. Пользуясь темнотой и взявъ предосторожность идти одинъ за другимъ не ближе пяти шаговъ, на

случай еслибы непріятель вздумалъ преслѣдовать насъ камнями, мы отступили безъ всякой потери на обратномъ пути. Въ лагерѣ всѣ безъ исключенія радовались счастію позволившему намъ отдѣлаться такъ дешево. Кромѣ потери о которой я уже сказалъ, у Осетинъ оказались еще двое раненыхъ и нѣсколько подбитыхъ казачьихъ лошадей. Рана графа Цукато была неопасна. Камень ударилъ вскользь, вырвалъ мясо, но не повредилъ кости. Это утомило на нѣсколько дней его воинственные порывы, потому что онъ имѣлъ привычку кидаться повсюду идѣ только раздавался выстрѣлъ.

Послѣ этого утомительнаго дня мнѣ не удалось даже отдохнуть какъ слѣдуетъ. На другое утро барабанъ разбудилъ насъ далеко до разсвѣта. Отдано было приказаніе съ восходомъ солнца атаковать гору разомъ тремя колоннами: пѣхотѣ по нашей вчерашней дорогѣ, Осетинамъ и двумъ сотнямъ свѣшанныхъ казаковъ правѣй, по подъемамъ на которые указывалъ нашъ проводникъ. Утро было прекрасное. Зубчатая вершина Гай-горы, чистая отъ облаковъ, ярко освѣщалась лучами восходящаго солнца. На верху чернѣлись люди. По сигнальному пушечному выстрѣлу; войска полѣзли на гору. Озадаченный непріятель пустилъ въ нихъ безъ вреда нѣсколько огромныхъ камней и потомъ исчезъ; онъ истощилъ наканунѣ весь запасъ камней заранее приготовленныхъ имъ на гребнѣ горы и теперь, не надѣясь на одну ружейную оборону, бросился спасать свои семейства.

На высотѣ перевала ожидало насъ непривычное зрѣлище. надъ нами чистое голубое небо и ясный день, подъ ногами взволнованное облачное море, изъ котораго возвышались одни остроконечныя вершины окрестныхъ горъ. Владикавказъ, Терекъ и Линія видныя отсюда въ хорошую погоду, были задержаны непроницаемымъ туманомъ. Вершина Гай-горы представляла обширную площадь наклоненную къ сѣверу, отъ которой весьма некрутая дорога спускалась въ глубокое лѣсистое ущеліе рѣки Фартанги. Богатый ключъ студеной воды разливавшійся обильнымъ ручьемъ и густая, жирная трава покрывавшая слерка покатыя ровныя лугъ выполняли всѣ условія требуемыя отъ хорошаго лагернаго мѣста. На половинѣ спуска чернѣлся сквозь туманъ покинутый жителями аулъ Гай. Пока я, съ помощію моего топографа, разставлялъ войска, нѣсколько казаковъ и Осетинъ отправились

лошарить въ аулъ, и при этомъ случаѣ открыли свѣжій слѣдъ многочисленнаго стада которое Галгаевцы, уходя отъ насъ, погнали внизъ по Фартангъ. По первому извѣстію объ этомъ важномъ открытіи, полковникъ Зассъ, всегда рѣшительный въ подобныхъ обстоятельствахъ, не дожидаясь приказанія отъ вышшаго начальства, схватилъ двѣ ближайшія роты егерей и побѣжалъ съ ними подъ гору, приказавъ въ то же время сотнѣ линейцевъ его догонять. Говядина была очень цужна для солдатъ кормившихся уже нѣсколько дней, какъ мною было сказано, одними черствыми сухарями. Въ виду совершенно для меня новаго поиска за барантой, я совсѣмъ забылъ о существованіи походной канцеляріи и присоединился къ казакамъ никого не предупредивъ. Судя по слѣду, скотина не могла уйти далеко. Надѣясь догнать ее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря, солдаты сбросили съ себя сухарные мѣшки, казаки облегчили лошадей отъ саквъ, и въ поспѣшности мы забыли взять съ собой проводника. Нашъ путь пролегалъ по ущелію Фартанги, скалистому въ началѣ, а далѣе покрытому густымъ вѣковымъ лѣсомъ, сквозь который прорывался крутоберегій потокъ. Въ ущеліи мы не могли ошибиться и безъ проводника, но ошиблись въ дорогѣ и на первыхъ порахъ попали въ такое тѣсное мѣсто по которому нельзя было провести лошадей даже въ поводу. Дорога, пролегая по скату горы, привела насъ къ навѣсной скалѣ составившей родъ жолоба, вдоль котораго мы на разстояніи ста саженей принуждены были ползти на колѣняхъ. Спѣшивъ половину казаковъ и покинувъ нашихъ лошадей которыхъ приказано было отвести въ лагерь, мы не пошли, а можно сказать побѣжали вслѣдъ за стадомъ. Далѣе представилась намъ новая преграда. Дорога уперлась въ обрывистый берегъ рѣчки, глубоко подъ нами кипѣвшей въ своемъ тѣсномъ ложѣ; на другой сторонѣ было видно продолженіе тропинки. Моста не было. Отъ шаговъ ниже огромная сосна, подмытая дождевымъ протокомъ, торча во всѣ стороны обнаженными корнями и поломанными сучьями, перевалилась черезъ ручей. Зассъ приказалъ переходить по соснѣ, и наши солдатки ловко перебрались на другую сторону по этому головоломному мосту, кто твердымъ шагомъ, кто ползкомъ, и никто изъ нихъ не сдѣлалъ опаснаго прыжка въ рѣчку. Нужда и неохота поломать косточки изловчила ихъ и безъ предвари-

тельной науки. За соской опять ускорили шагъ. Брошенный осель, потерянный кадушки и мѣшки съ просомъ, наконецъ неспѣвшій за стадомъ, свѣжеубитый, къ дереву привѣшенный теленокъ служили явными признаками близости непріятели и неспѣшности съ которою онъ отъ насъ спасался, Усталые, голодные, поддерживаемые одною надеждой добыть поживу, мы шли такимъ образомъ болѣе двадцати верстъ. Подъ конецъ ущелье расширилось, лѣсъ прекратился, и предъ нами явилась волнистая мѣстность усаженная небольшими селеніями, изъ которыхъ слышался лай собакъ. Мы забѣжали къ Галашевцамъ, обществу гораздо сильнѣе и воинственнѣе Галга; а насъ было всего не болѣе трехсотъ пятидесяти человекъ. Не оставалось тутъ времени задумываться. Въ двухъ ружейныхъ выстрѣлахъ предъ нами пестрѣла на высокомъ холмѣ рогатая добыча, ради которой мы такъ сильно себя измучили. „Скотина!“ крикнули казаки и солдаты, и откуда взялись прыть и сила. Обгоняя одинъ другаго, люди мигомъ обогнули холмъ для того чтобъ отрѣзать у стада дорогу въ лѣсъ, затрепали ружья, пули зажужжали въ воздухъ и вся наша ватага безъ удержа рванулась на высоту. Непріятель бѣжалъ въ лѣсъ, пуская въ насъ на уходѣ безвредные выстрѣлы и побросавъ на лугу кадки и ведра со свѣженадоеннымъ молокомъ, съ медомъ, мѣшки съ просомъ, и другіе пожитки. Голодные солдаты горстями глотали муку, руками и фуражками черпали молоко, которымъ и мы съ Зассомъ не побрезгали послѣ двадцативерстной гоньбы. Около трехсотъ коровъ, нѣсколько десятковъ козъ и десять ешаковъ, достояніе большей половины Галгаевского населенія, попались въ наши руки. Они были разорены въ конецъ. Таковъ законъ войны: сила была на нашей сторонѣ, поэтому имъ слѣдовало голодать, а намъ принадлежало право набивать себѣ желудокъ ихъ добромъ.

Однако не позволительно было долго мѣшкать на мѣстѣ, имѣя за собой длинное, тѣсное и лѣсистое ущелье, а предъ собой Галашевцевъ въ соединеніи съ Галгаевцами, которые, опомнившись отъ перваго испуга, легко могли пересчитать нашу силу, и вслѣдствіе этого перечета чрезъ мѣру ободриться. По ауламъ уже стали раздаваться сигнальные выстрѣлы. Давъ людямъ отдохнуть полчася и утолить первый голодъ молокомъ да чѣмъ попало, Зассъ приказалъ идти обратно. Одна рота пошла впередъ, за нею погнали скотину,

въ аррьергардѣ остались другая рота и пятьдесятъ Линейцевъ. Уморившись до нельзя и износивъ въ этотъ день подошву у моихъ единственныхъ сапоговъ, я отправился въ обратный путь на отбитомъ ешакѣ, безъ сѣдла и безъ узда, пользуясь для управленія его длинными ушами. Трудно было справиться: уши скользили въ моихъ рукахъ и онъ, наклонивъ голову, упорною мелкою рысдой бѣжалъ обратно въ свою комошню. Напрасно солдаты, которыхъ мы опережали, старались его остановить, хватая за уши и за хвостъ: онъ урывался отъ нихъ съ неодолимымъ упрямствомъ. Едва успѣли мы войти въ лѣсъ, какъ скотина, почуя духъ роднаго стойла, смела передовую роту, меня сбила съ ешака, къ счастью еще не подъ свои ноги, и густою фалангой пустилась пробивать себѣ дорогу къ Гай-горѣ. Страшная сдѣлалась суматоха: люди кувыркались подъ гору,—правда, не высоко, мы находились въ началѣ ущелія,—кричали, обороняясь отъ роговъ и отъ копытъ домолюбивыхъ животныхъ, и многіе были порядочно помяты; но это насъ не смущало: скотина не могла потеряться, она бѣжала прямо въ отрядъ. Вся забота Засса была обращена на аррьергардъ, откуда намъ грозила болѣе дѣйствительная опасность. Скоро наступила ночь, и въ глубокомъ лѣсу насъ застигла такая темнота что мы принуждены были остановиться, попытавшись сперва пройти нѣкоторое время придерживаясь одинъ за шинель другаго чтобы не растеряться. Собраться было не возможно, солдаты легли на землю сбившись въ отдѣльныя кучи. Ночевали безъ огней, опасаясь неожиданнаго непріятельскаго нападенія, и отъ этого не разъ поднималась тревога. Караулы выставленные отъ кучъ, не видя предъ собой ни зги и стрѣляя по кавказскому обыкновенію на шорохъ, безпрестанно открывали огонь другъ противъ друга, и только переключившись, позже узнавали что имѣютъ дѣло не съ пріятелемъ, а съ своими. Благодаря ихъ лежачему положенію, пули, перелетая черезъ голову, не надѣлали бѣды. Завернувшись въ бурку, я легъ на голыши высохшаго ручья и заснулъ такъ крѣпко что поутру меня долгое время качали и обливали водой пока заставили раскрыть глаза. Въмѣсто привычнаго чаю, мнѣ поднесли еще сонному ко рту кусокъ горячей жареной телятины и стаканъ ключевой воды; съ нами не было ни хлѣба, ни вина, ни водки.

Лагерь мы застали въ густомъ туманѣ. Скотина была вся

захвачена и частью уже роздана войскамъ на порцію; благодарность ихъ заставила насъ помириться съ темною стороною нашей экспедиціи. Лично я не имѣлъ повода ею похвалиться. Я усталъ до изнеможенія, износилъ сапоги, которые пришлось замѣнить осетинскими чевяками; а начальникъ штаба принялъ меня крайне непривѣтливо, даже промолвилъ слово объ арестѣ. „Дѣло ли офицера генеральнаго штаба гоняться за скотиной и помогать отбивать баранту? Это хорошо для казачьяго командира,“ говоритъ онъ, указывая на кипу бумагъ привезенную нарочнымъ изъ горцевъ во время моей безспросной отлучки. „Теперь извольте поправить свою необдуманность.“ И я поправилъ ее, работая весь день до поздняго вечера. Не знаю, случилось ли кому, изъ тѣхъ у кого станетъ терпѣнія пробѣжать эту часть моихъ воспоминаній, вести переписку въ облакахъ, а я скажу имъ на всякій случай что подобное дѣло очень не комфортно. По спитъ пробѣгаетъ морозъ, рубашка, пропитанная сыростію, липнетъ къ тѣлу, чернила расплываются по бумагѣ, желудокъ коетъ, въ головѣ туманъ не ясенъ чѣмъ въ атмосферѣ; а мысли должны неукоснительно слѣдить за труднымъ смысломъ самыхъ разнородныхъ донесеній и сообщеній на которыя слѣдуетъ отвѣчать; форма должна быть соблюдена, запятая имѣютъ находиться на своихъ мѣстахъ. Благо еще что не Иванъ Ивановичъ контролировалъ слогъ и знаки препинанія; Вольховскій все-таки имѣлъ болѣе грамматической правилотерпимости. Памятна осталась мнѣ эта стоянка въ облакахъ. Къ величайшей радости, на другой день, когда мы перевалились чрезъ Гай-гору обратно и пошли къ Цори, лѣтнее солнце, прорвавъ сырую завѣсу тумана, снова прогрѣло наши окоченѣвшіе члены.

Въ этотъ день мы набрали опять на одну изъ тѣхъ тропинокъ съ которыхъ нельзя своротить ни вправо, ни влево, и обогнать впереди идущаго человѣка положительно невозможно. Отрядъ тянулся безконечною нитью, лошадь за лошадью, солдатъ за солдатомъ. Въ головѣ шли саперы и два баталіона Эриванцевъ, въ хвостѣ кавалеріа, прикрытая сзади егерскимъ баталіономъ Резануилова. Въ центрѣ колонны солдаты несли артиллерію на рукахъ, и ѣхалъ корпусный командиръ со штабомъ. Ничего не можетъ быть скучнѣе и утомительнѣе подобнаго шествія, особенно для коннаго. Пѣшій бережетъ одного себя, конный принужденъ беречь себя

и лошадь, безпрестанно остерегаясь наѣхать на товарища и оглядываясь чтобы на него самого не наѣхали сзади, не попортили лошади, или не сбросили его съ горы. Одинъ человѣкъ остановится, и всѣ за нимъ идущіе должны стоять. Часа три уже мы томились такимъ образомъ, думая только объ одномъ, какъ бы не оступилась лошадь. По разчету времени, голова колонны должна была подходить къ Цори, откуда, по показанію проводниковъ, дорога спускалась въ долину удобную для расположенія лагеря. Неожиданно люди стали останавливаться, примыкая одинъ къ другому.

— Не останавливайся тамъ впереди! подавайся! кричали изъ штаба.

— Нельзя идти! впереди стали! отняли дорогу! раздавались солдатскіе голоса изъ среды колонны.

— Спросить почему остановились, повторили изъ штаба. Вдоль дороги пронесся вопросъ: „зачѣмъ впереди стоять?“ Долго ждали мы пока тѣмъ же путемъ вернулся отвѣтъ: „непріятель не пускаетъ“.

Баронъ Розень, выбравъ удобное мѣстечко, слѣзъ съ лошади; мы всѣ послѣдовали его примѣру. Онъ было попробовалъ пробраться мимо солдатъ столпившихся на тѣсной дорожкѣ, но на первыхъ же порахъ отказался отъ своего предпріятія. Григорій Владиміровичъ, весьма хладнокровный подъ огнемъ, боялся однако крути; у него кружилась голова. Въ каждомъ сомнительномъ мѣстѣ онъ слѣзалъ съ лошади, переводчикъ Гойтовъ бралъ его подъ руку, а линейецъ держалъ сзади за концы шарфа; такимъ образомъ его спускали подъ гору и переправляли чрезъ всѣ опасныя овражки и водомоины. Солдаты, видя его безпрестанно въ шарфѣ, котораго простые офицеры не носили во время экспедиціи, прозвали его за эту форменность своимъ безсмѣннымъ дежурнымъ. Подмѣтивъ же какъ его помощію шарфа спускаютъ подъ гору, какой-то солдатикъ острякъ шепнулъ товарищу: „вишь, землякъ, это у него шарфѣ не то что. изъ-за безсмѣннаго дежурства: это у него намѣсто оттужнаго каната.“

Чтобы разъяснить дѣло, начальникъ штаба пошелъ, взявъ съ собой Всеволожскаго и меня, пробираться мимо солдатъ не знавшихъ какъ посторониться чтобы насъ не столкнуть и самимъ не упасть съ обрыва. Не безъ труда добрались мы на ружейный выстрѣлъ отъ головы колонны, но тутъ принуждены были остановиться; дорожка сузилась до того что

на ней одинокій человѣкъ едва могъ удержаться, и вся была занята непрерывною пытью солдатъ. Въ двухъ выстрѣлахъ впереди видѣлась надъ самою дорогою высокая четырехугольная башня, знакомой намъ постройки, потому что мы уже нѣсколько ихъ взорвали на воздухъ. Съ пункта до котораго мы дошли можно было гораздо легче переговариваться съ капитаномъ Богдановичемъ шедшимъ въ авангардѣ съ своими саперами. Вольховскій обратился къ нему чрезъ посредство офицера стоявшаго на дорогѣ шаговъ сто передъ нами.

— Чтѣ дѣлается у васъ? почему люди стоятъ?

— Непріятель засѣлъ въ башню мимо которой дорога проходитъ не далѣе двадцати шаговъ и стрѣляетъ очень мѣтко; передовой солдатъ убитъ, двое послѣдующихъ получили опасныя раны. Если отрядъ станетъ дефилировать подъ выстрѣлами, то у насъ безъ всякаго проку перебыютъ нѣвѣсть сколько людей.

— Чтѣ можно сдѣлать: обойти башню, взять штурмомъ, канонировать?

— Ничего подобнаго дѣлать нельзя; слѣдуетъ отойти на первый разъ, потомъ оцѣнить башню для того чтобы не упустить непріятели и приняться за него не торопясь, если хотя нѣсколько жалѣютъ людей.

Богдановича знали офицеромъ опытнымъ, храбрымъ и отлично понимающимъ свое дѣло. Ему можно было повѣрить на слово; поэтому весь отрядъ, кромѣ головнаго эриванскаго баталіона, повернули назадъ кругомъ и расположили бивакомъ въ ближайшей долинѣ. Послѣ того начальникъ штаба поѣхалъ осмотрѣть башню и посоветоваться съ Богдановичемъ. Она оказалась весьма крѣпкой постройки, стояла на отдѣльной гранитной скалѣ и совершенно командовала дорогою при началѣ спуска въ долину. Двери въ башню, сплоченныя изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ и заваленныя внутри камнемъ, находились сажени три выше почвы. Лѣстницы къ дверямъ не имѣлось. Узкія бойницы пробитыя по всѣмъ направленіямъ позволяли стрѣлять во всѣ стороны; въ башнѣ царствовало молчаніе прерываемое лишь рѣдкимъ огнемъ, по которому, однако, нельзя было заключить сколько человѣкъ въ ней заперлось. Осетины, послѣ долгаго исканія, нашли способъ перебраться черезъ гору въ аулъ, лежавшій за башней, по крутизнѣ позволявшей пройти человѣку освобо-

жденному отъ ноши. Отрядъ не могъ слѣдовать этимъ путемъ съ лошадьми и вьюками; къ тому же вопросъ заключался теперь не въ томъ какъ миновать башню, а какимъ способомъ ее можно взять и наказать горцевъ имѣвшихъ дерзкую мысль загородить намъ дорогу.

Прежде всего окружили башню, переправивъ черезъ гору двѣ роты Эриванцевъ путемъ найденнымъ Осетинами. Стрѣлковую цѣпь уложили за камнями и въ ближайшихъ сакляхъ, продѣлавъ бойницы къ сторонѣ непріятеля. Изъ башни, не взирая на дальнее разстояніе, стрѣляли такъ мѣтко что солдаты не смѣли показывать ни головы, ни руки, ни клочка своей шинели, безъ страха тотчасъ быть пронизаннымъ пулей. Потомъ сдѣлали попытку разбить двери артиллеріей, но скоро пришли къ убѣжденію, что противъ нихъ наши трехфунтовыя гранаты совершенно безсильны. Остался послѣдній и самый вѣрный способъ—взорвать башню на воздухъ, но и тутъ встрѣтилось сильное затрудненіе. Скала, на которой стояла башня, не позволяла ни провести минной галлерей, ни заложить колодца; пробивать гранитъ у насъ не доставало инструмента и времени. Чтобы не терять людей безъ проку, представлялось одно средство: провести блиндированный ходъ къ основанію башни, пробить стѣну и заложить мину въ погребѣ. Для потребный для крытаго хода отыскали въ аулѣ, на веревкахъ перетаскивали чрезъ гору и принялись за работу. На третьи сутки пять пудовъ пороху, заколоченнаго въ крѣпкій, желѣзомъ окованный ящикъ, лежали въ погребѣ, несмотря на всѣ усилія непріятеля остановить работу. Онъ пробилъ даже сводъ погреба и стрѣлялъ въ саперъ работавшихъ въ немъ надъ закладкой мины. Нѣсколько разъ предлагали осажденнымъ сдаться, но каждый разъ они отвергали наше предложеніе. Когда все было приготовлено къ взрыву, добрый, человѣколюбивый баронъ Григорій Владиміровичъ еще разъ послалъ сказать Галгаевцамъ чтобы пожалѣли себя, и въ случаѣ сдачи обѣщали имъ жизнь и даже разбѣги. Они согласились наконецъ выйти изъ башни, испросивъ два часа сроку на очистку двери отъ камней которыми былъ заваленъ выходъ. Въ назначенное время весь штабъ съѣхался къ башнѣ, одна рота стала въ ружье для приема плѣнныхъ, двери распахнулись, сперва вылетѣли съ полдюжины ружей, потомъ спустились по веревкѣ два оборванные,

грязные Галгаевца, которые, скрестивъ руки на груди и глядя на насъ изъ-подлобья, ждали своей участи.

— Гдѣ же остальные, отчего они не выходятъ? спросили у нихъ чрезъ переводчика.

— Насъ только и было!

Чрезъ десять минутъ, въ нашемъ виду, изъ-подъ башни поднялся высокій столбъ дыма, раздался глухой гулъ, масса камней съ трескомъ рухнула на землю, и когда вѣтеръ разнесъ густую пыль, на мѣстѣ ея оставалась одна груда сѣрыхъ развалинъ. Для утвержденія истины христіане строили въ горахъ крѣпкія башни; для возстановленія порядка такіе же христіане принуждены были ихъ уничтожать. Обыкновенное противорѣчіе въ потребностяхъ прошедшихъ вѣковъ и настоящаго времени.

Въ эту знаменитую осаду мы потеряли: убитыми трехъ, ранеными одиннадцать человѣкъ. Подобные случаи не разъ бывали на Кавказѣ и въ прежнія времена. Осетины, во время возстанія, заключались въ башняхъ человѣкъ по сорока и больше и перѣдко защищались въ нихъ до послѣдней крайности, предпочитая сдачу вѣрную смерть отъ взрыва. Но подобную оборону можно было встрѣтить у однихъ Галгаевцевъ, въ первый разъ видѣвшихъ въ своей землѣ русскія войска и незнакомыхъ еще со всѣми способами разрушенія которыми обладаетъ европейское военное искусство.

На другой день, разоривъ Цори до основанія, мы выступили въ Шуани, гдѣ насъ ожидали наши палатки, платье, чистое бѣлье и съѣстные припасы въ которыхъ мы крайне нуждались. Невыносимо дурная погода сопровождала нашъ походъ. Мелкій, холодный дождикъ моросилъ съ ранняго утра; горы были застланы густымъ сѣрымъ туманомъ, сквозь который вло тянулись уморенные солдаты, осторожно шагавшіе по скользкой дорогѣ. Намѣреваясь въ Шуани уѣхать изъ отряда, корпусный командиръ остановился на небольшой площадкѣ и сталъ пропускать мимо себя войска, благодаря ихъ за службу и прощаясь съ ними на короткое время. Посреди карабинеръ шли два плѣнные защитника цоринской башни одѣтые въ лохмотья и покрытые дырчатыми, поношенными бурками. Ихъ вели солдаты на длинныхъ веревкахъ, съ туго за спину связанными руками. Поронявшійся съ Григоріемъ Владиміровичемъ, въ которомъ они еще наканунѣ имѣли случай узнать главнаго начальника, Галгаевцы принялись

знаками и голосомъ о чемъ-то молить. Жалобныя лица ихъ растрогали барона.

— О чемъ просятъ бѣдники? спросилъ онъ у возлѣ стоявшаго Гойтова.

— Жалуются на холодъ. Руки связаны такъ крѣпко что они не въ состояніи придерживать бурки. Просятъ чтобы веревку ослабили.

— Распутить веревки! приказалъ баронъ.

— Опасно, пожалуй убѣгутъ, замѣтилъ кто-то изъ числа штабныхъ офицеровъ.

Баронъ оглянулся, какъ бы отыскивая глазами нечеловѣколюбиваго критика своихъ распоряженій.

— Бѣгутъ изъ середины баталіона? Какъ? Куда? чистые пугачи! и повторилъ приказаніе.

Плѣннымъ ослабили веревки до такой степени, что имъ можно было, скрестя руки на груди, закутаться въ свои бурки. По окончаніи операціи баталіонъ пошелъ своею дорогою.

Часъ спустя у Эриванцевъ поднялась сильная суматоха. Офицеры засуетились, горны протрубили „налѣво“ и „прямо впередъ“; солдаты оцупью стали спускаться подъ гору, ничего не видя предъ собой кромѣ густаго тумана, въ которомъ глухо звучали клики: „нѣтъ, не сюда, иди правѣй, иди лѣвѣй, тутъ кручь, гляди, оборвешься!“ Долго мы не могли добраться толку для чего это дѣлается, наконецъ загадка объяснилась: Галгаевецъ пропалъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ карабинеръ. Проходя надъ крутымъ обрывомъ, онъ неожиданно бросился съ горы и увлекъ за собой унтеръ-офицера, неосторожно обвязавшаго конецъ веревки, которою были спутаны его руки, вокругъ своего пояса, что и послужило къ его гибели. Дѣло произошло въ виду ближайшихъ солдатъ такъ быстро, что они не успѣли помочь своему товарищу. Долго отыскивали безъ всякаго прока несчастнаго карабинера, и сколько ни жалѣли о немъ, и какъ ни рвались вернуться плѣннаго, а все-таки были принуждены уйти, покинувъ ихъ на произволъ судьбы. Въ послѣдствіи мы узнали отъ лазутчиковъ что Галгаевецъ, хорошо зная мѣстность, выбралъ для бѣгства удобный пунктъ, стѣхалъ безъ вреда до извѣстнаго ему уступа горы, тамъ окончательно освободился отъ ослабленной веревки, а солдата, ошеломленнаго паденіемъ, столкнулъ въ пропасть.

Въ Шуши мы нашли вещи и маркиганта со свѣжимъ

хлѣбомъ и прочими припасами, и наконецъ получили возможность не только наполнить, какъ слѣдуетъ, отоцмалые желудки, но и обратиться въ опрятныхъ, порядочныхъ людей, освободившись отъ бѣды сомнительной чистоты, отъ грязненнаго платья и отъ прорванныхъ сапоговъ.

Оставивъ войска слѣдовать обыкновенными переходами, корпусный командиръ со всѣмъ штабомъ поѣхалъ изъ Шуани, подъ прикрытіемъ коннаго коновоя, прямо во Владикавказъ, показавшійся намъ послѣ нашей горной экспедиціи идеаломъ человѣческаго комфорта. На терекской переправѣ стоялъ подполковникъ Челяевъ, съ грузинскою пѣшею милиціей. Предъ палаткой его покоился на козлахъ огромный бурдюкъ, изъ котораго Грузинъ цѣдилъ въ серебрянную азарнешъ душистую, живительную влагу благодатной Кахетіи, привѣтствуя каждаго изъ насъ всегда пріятнымъ, но въ этотъ разъ особенно сладко звучащимъ „Алла-верды“. Горы плыва и ряды ружейныхъ шомполовъ, на которыхъ пашлыкъ шипѣлъ надъ яркимъ жаромъ, довершали встрѣчу приготовленную Челяевымъ для возвращавшихся изъ голодной экспедиціи.

Слѣдуетъ добавить что пока мы, по вершинамъ горъ, стяжали довольно безплодную славу неутомимыхъ ходоковъ, осетинскіе милиціонеры оставленные въ Шуани, побуждались болѣе практическимъ взглядомъ на вещи; отыскали, и не потерявъ ни человѣка, отбили до трехъ тысячъ галгаевскихъ барановъ, которые и были отданы имъ въ безспорное владѣніе. Такимъ образомъ кончилась 28-го іюля Галгаевская экспедиція, теперь совершенно забытая, а въ свое время надѣлавшая на Кавказѣ не мало шуму.

Въ Владикавказѣ собрались тѣмъ временемъ всѣ оставшія войска назначенныя для чеченской экспедиціи, долженствовавшей составить второй періодъ военныхъ дѣйствій 1832 года. Пока мы были въ Галгаѣ, командовавшій войсками на Кавказской Линіи генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ ходилъ съ небольшимъ отрядомъ обращать въ покорность отложившихся Галгаевцевъ, въ чемъ и успѣлъ безъ большаго труда и кровопролитія.

VII.

На лѣвомъ флангѣ Кавказской Линіи самые злые противники наши были Чеченцы, занимавшіе глубину лѣсовъ покрывающихъ пространство лежащее между сѣвнымъ

хребтомъ, Сунжею и Акташъ-су. Враждебныя столкновѣнія съ ними начались со времени перваго поселенія казаковъ на берегу Терека, во второй половинѣ прошедшаго столѣтїя. Съ тѣхъ поръ вражда Чеченцевъ къ Русскимъ возрастала съ каждымъ годомъ, принимая все болѣе и болѣе характеръ непримиримой, истребительной войны. Когда между Лезгинами разпространилось ученіе изъ котораго возникъ мюридизмъ, и дагестанскія нагорныя общества признали надъ собой духовную власть Кази Мегмета, тогда и Чеченцы не замедлили присоединиться къ имаму проповѣдывавшему „казавать“, священную войну противъ Русскихъ, ихъ коренныхъ враговъ. И какъ было не идти за такимъ учителемъ который по пути грабежа и безопаднаго мщенія велъ къ вратамъ рая каждаго правовѣрнаго посвятившаго себя на истребленіе глуровъ. Въ 1831 году они участвовали съ Кази-Мегметомъ въ разграбленіи Кизляра и во всѣхъ его вторженїяхъ въ наши предѣлы, и до того умножили свои воровскіе набѣги на Линію что по лѣвую сторону Терека ни многочисленныя станицы, ни далекая, пустая степь не были безопасны отъ разбоя. По ночамъ, бывало, на станичныхъ улицахъ убивали казаковъ, уводили со двора лошадей и скотину, и не разъ случалось, партїи ихъ степью проходили къ устью Волги. Два года мы оставались въ оборонительномъ положенїи, изрѣдка отыскивая непрїятеля въ его собственныхъ предѣлахъ для отплаты за слишкомъ уже дерзкое нарушеніе безопасности на Линїи. Не всѣ наши карательныя экспедиціи были успѣшны въ теченїи этого періода. Въ 1831 году начальникъ Кавказской Линїи, генералъ Эмануель, потерявъ въ Аухѣ до тысячи челоувѣкъ и принужденъ былъ вернуться, давъ только новую пищу дерзости Чеченцевъ. Эмануеля замѣнили на Линїи генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ.

Назначеніе этого генерала, друга и сослуживца Алексѣя Петровича Ермолова, при которомъ онъ въ Тифлисѣ много лѣтъ занималъ должность начальника штаба, повлекло за собой разительную перемену въ системѣ дѣйствій и повело бы въ послѣдствїи къ постепенному, нашимъ политическимъ годамъ не противорѣчающему умиротворенїю края, ежели бы въ Петербургѣ менѣе оспаривали его мысли, и жизнь его не прекратилась такъ скоро. Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ безспорно принадлежалъ къ числу нашихъ самыхъ

замѣчательныхъ генераловъ. Умомъ, многостороннимъ образованіемъ и непоколебимою твердостью характера онъ сталъ выше всѣхъ личностей управлявшихъ въ то время судьбами Кавказа. Никогда онъ не кривилъ душой, никому не льстилъ, правду высказывалъ безъ обиняковъ, дѣйствовалъ не иначе какъ по твердому убѣжденію и съ полнымъ самозабвеніемъ, не жалѣя себя и другихъ, имѣя въ виду лишь прямую государственную пользу, которую, при своемъ обширномъ умѣ, понималъ вѣрно и отчетливо. Никогда клевета не дерзала прикоснуться къ его чистой, ничѣмъ не помраченной репутаціи. Строгаго, съ виду холоднаго, малорѣчиваго Вельяминова можно было не любить, но въ уваженіи не смѣлъ ему отказать ни одинъ человѣкъ, какъ бы высоко онъ ни былъ поставленъ судьбой. Я не встрѣчалъ другаго начальника пользовавшагося такимъ сильнымъ нравственнымъ значеніемъ въ глазахъ своихъ подчиненныхъ. Слово Вельяминова было свято, каждое распоряженіе его безошибочно; даже въ кругу самонадѣянной и болтливой военной молодежи, пріѣзжавшей къ намъ изъ Петербурга за отличіемъ, признавалось дѣломъ смѣшнымъ и глупымъ разбирать его дѣйствія. Горцы, знакомые съ нимъ изстари, боялись его гнѣва какъ огня, но вѣрили слову и безотчетно полагались на его справедливость.

Не увлекался теоріями которыя наши государственные люди того времени вырабатывали относительно покоренія Кавказа, Вельяминовъ совершенно отвергалъ оборонительную систему; усиленные наступательныя операціи и набѣги, безъ цѣли и безъ способа удержать за собою пройденное пространство, признавалъ злою необходимостію для усмиренія горцевъ на короткое время, а для полнаго покоренія Кавказа считалъ полезнымъ, медленно подвигаясь впередъ, утверждаться не одною силою оружія, но основательными административными мѣрами. Во избѣжаніе истощительной для государства траты людей и денегъ, онъ совѣтовалъ болѣе оставлять дѣйствию времени, сохраняя притомъ для русскаго войска хорошую практическую военную школу. Безпристрастный историкъ позже раскроетъ на сколько Вельяминовъ былъ правъ въ своихъ предположеніяхъ.

Баронъ Розенъ, ничего не предпринимавшій въ этомъ году безъ совѣта и согласія Вельяминова, сознавая его превосходящую опытность въ кавказской войнѣ, окончательно

рѣшился передать ему непосредственное начальство надъ войсками чеченскаго отряда, сохранивъ для себя положеніе зрителя и принимая участіе въ дѣлѣ лишь чрезъ распоряженія требовавшія согласія главноуправляющаго краемъ. Отдохнувъ недѣлю во Владикавказѣ и покончивъ закавказскія дѣла присланныя изъ Тифлиса на разрѣшеніе, корпусный командиръ 5-го августа выступилъ въ Назрань, гдѣ его ожидалъ Вельяминовъ съ войсками собранными имъ на Линіи.

Въ составъ соединеннаго чеченскаго отряда вошли:

Эриванскаго карабинернаго полка (командиръ полковникъ князь Дадіанъ) 2 баталіона.

41-го Егерскаго полка (командиръ майоръ Резануиловъ) 1 баталіонъ.

40-го Егерскаго полка (полковникъ Шумскій) 2 баталіона.

Московского пѣхотнаго полка (полковникъ Щеголевъ) 2 баталіона.

Бутырскаго пѣхотнаго полка (полковникъ Пирятинскій) 2 баталіона.

Кавказскаго сапернаго баталіона одна рота (командиръ капитанъ Богдановичъ).

Полкъ пѣшей грузинской милиціи (командиръ полковникъ Челяевъ), 5 сотенъ.

Линейскихъ казаковъ (командиръ полковникъ Засеъ), 5 сотенъ.

Грузинскій конный полкъ (командиръ князь Яеси Андрониковъ), 5 сотенъ.

1-й мусульманскій конный полкъ (командиръ князь Бебутовъ), 5 сотенъ.

2-й мусульманскій конный полкъ (командиръ Мирза-Джанъ Мадатовъ), 5 сотенъ.

Кабардинская милиція (командиръ князь Асланъ-бекъ Бѣковичъ-Черкасскій), 2 сотни.

Легкихъ орудій 24, горныхъ 4.

Всего, считая приблизительно, 9.000 человекъ.

Баталіонъ Тифлискаго пѣхотнаго полка ходившій въ Галгай, сколько помню, отдѣлился отъ насъ во Владикавказѣ, а осетинская милиція была распущена по домамъ, кромѣ нѣкоторыхъ старшинъ,—между ними мой пріятель Магометъ-Кази,—слѣдовавшихъ за нами волонтерами. При этомъ я долженъ замѣтить что и наше малое число баталіоновъ, по характеру мѣстности и по роду войны, ни въ одномъ случаѣ

не могло быть сосредоточено для общаго удара, какъ бываетъ въ европейской войнѣ; большею частію они были принуждены дѣйствовать порознь.

Вся чеченская земля покрыта вѣковыми лѣсами и прорѣзана множествомъ рѣкъ и потоковъ текущихъ съ юга на сѣверъ; самые значительные между ними Фартанга, Асса, Аргунъ и Аксай. Сунжа, принимающая въ себя съ правой стороны всѣ чеченскія воды, обтекаетъ Чечню съ запада и сѣвера, отдѣляя ее отъ земли Ингушей и отъ Малой Кабарды. Сѣверная полоса Чечни представляетъ ровную мѣстность, по которой проходятъ арбяныя дороги годныя для обоза и для артиллеріи; южная часть ея весьма гориста и поэтому неудобна для движенія войскъ. Посреди лѣсовъ открывались просторныя поляны, занятыя населеніемъ сплотившимся во многолюдные аулы; затѣмъ большинство Чеченцевъ обитало въ отдѣльныхъ хуторахъ разбѣянныхъ по непроходимымъ трупобамъ, составлявшимъ самую надежную оборону ихъ жилищъ. Всѣ, даже большія селенія не премѣнно прислонялись однимъ бокомъ къ густому лѣсу, служившему вѣрнымъ убѣжищемъ для чеченскихъ семействъ, когда имъ угрожала опасность отъ русскихъ войскъ. Дома, или сакли, какъ ихъ называли Кавказцы, были построены изъ плетня покрытаго густымъ слоемъ глины, имѣли плоскія крыши и вмѣщали двѣ или три весьма опрятныя, чисто выбѣланныя комнаты. Въ жилищныхъ селеніяхъ сакли были окружены садами, въ которыхъ Чеченцы разводили разныя овощи и фрукты. На полянахъ и въ лѣсныхъ прогалинахъ встрѣчались немалые посѣвы кукурузы, проса, пшеницы, ржи и ячменю. Лѣса были наполнены орѣховыми деревьями, яблонями, грушами, сливой и кизилемъ. Въ то время нашими войсками не были еще сдѣланы просѣки въ лѣсахъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ Ермоловъ разчистилъ на ружейный выстрѣлъ по обѣ стороны одну дорогу проходившую чрезъ знаменитый Гойтинскій лѣсъ; къ тридцать второму году и эта просѣка успѣла покрыться непроходимо густою порослію; поэтому мы были осуждены вести въ Чечнѣ самую трудную лѣсную войну. Какъ противники, Чеченцы заслуживали полное уваженіе, и никакому войску не было позволено пренебрегать ими посреди ихъ лѣсовъ и горъ. Хорошіе стрѣлки, злобно храбрые, смѣтливые въ военномъ дѣлѣ, подобно другимъ кавказскимъ горцамъ, они ловко

умѣли пользоваться для своей обороны мѣстными выгодами, подмѣчать каждую ошибку нашу и съ неимоверною скоростью давать ей губительный для насъ оборотъ.

Составленный Вельяминовымъ планъ чеченскаго похода былъ очень простъ. Отнюдь не сомнѣваясь въ удачѣ острожно направляемой экспедиціи, но и не ожидая отъ нея другаго результата кромѣ временнаго усмиренія Чеченцевъ которое позволило бы русскому линейскому населенію отдохнуть отъ тревожной жизни послѣднихъ годовъ, онъ предполагалъ пройти по чеченской плоскости, разоряя селенія, уничтожая жатву, отбивая стада и атакуя непріятеля вездѣ гдѣ бы онъ имѣлъ дерзость собраться въ большихъ силахъ. Обстоятельства должны были указать дальнѣйшій ходъ дѣйствій.

На другой день мы выступили съ разсвѣтомъ изъ Назрана и переправились черезъ Сунжу по мосту поставленному на козлахъ, потому что броды чрезъ эту рѣку существуютъ только въ ея верховьяхъ. За Сунжей мы ступили на непріятельскую землю, и съ слѣдующаго перехода началась для насъ ежедневная, неумолимая драка. Въ войнѣ съ Чеченцами одинъ день походилъ на другой. Изрѣдка неожиданный эпизодъ, встрѣча съ значительнымъ сборищемъ, штурмъ укрѣпленнаго аула или набѣгъ въ сторону измѣняли утомительно-однообразный ходъ дѣйствій. Переходы соразмѣрялись съ разстояніемъ полянъ лежавшихъ на берегу рѣчекъ и достаточно просторныхъ для размѣщенія на нихъ лагеря не ближе ружейнаго выстрѣла отъ ближайшаго лѣса. Дороги пролегали преимущественно чрезъ густой и высокій лѣсъ изрѣдка перерѣзанный лужайками, ручьями и оврагами. Въ продолженіе всего перехода дрались, ружейные выстрѣлы гремѣли, пули жужжали, люди падали, а непріятеля не было видно. Одни дымки вспыхивавшіе въ лѣсной чащѣ обозначали его присутствіе; не имѣя предъ собой другой цѣли, наши солдаты были принуждены стрѣлять на дымокъ.

Послѣ перехода войска располагались лагеремъ на одинъ день, или долѣе, галдя по числу окрестныхъ ауловъ которые предполагалось разорить. Съ мѣста стоянки посылались во всѣ стороны небольшія колонны для истребленія непріятельскихъ полей и домовъ. Аулы горятъ, хлѣбъ косятъ, и опять загорается перестрѣлка, раздается пушечная пальба, опять несутъ убитыхъ и раненыхъ. Татары везутъ въ торокахъ

отрѣзанныя непріятельскія головы, плѣнныхъ нѣтъ: мужчины не сдаются, а женщины и дѣти заранѣе спрятаны въ такія трупобы куда не пойдутъ ихъ отыскивать. Вотъ показалась голова колонны возвращающейся съ ночнаго набѣга; хвоста еще не видать, онъ дерется въ лѣсу. Чѣмъ ближе къ выходу на чистое мѣсто тѣмъ чаще гремѣтъ выстрѣлы, слышенъ рикъ. Непріятель провожаетъ арріергардъ, тѣснить его со всѣхъ сторонъ, кидается въ пашки, ожидая только минуты когда онъ выйдетъ на открытое мѣсто чтобы засыпать его градомъ пуль. Приходится поднять изъ лагеря свѣжій баталіонъ и нѣсколько орудій для поддержанія отступающаго арріергарда. Картечь и бѣглый огонь останавливаютъ непріятельскій натискъ и даютъ нашей колоннѣ возможность выйти изъ лѣсу безъ лишней потери.

Посылаютъ косить траву, и тотчасъ начинается драка; дрова для варки пищи и для бивачныхъ огней берутъ не иначе какъ съ бол. За рѣчкой растетъ кустарникъ или выдалась едва примѣтная лощина; это заставляетъ прикрыть водою полубаталіономъ съ артиллеріей, иначе перестрѣляютъ лошадей или отгонятъ ихъ. Одинъ день какъ другой, чтó было вчера—повторится завтра; вездѣ горы, вездѣ лѣсъ, а Чеченцы злы и неутомимы въ дракѣ.

Порядокъ движенія и лагерное расположеніе были какъ нельзя лучше приспособлены къ характеру войны и никогда не измѣнялись. Походная колонна строилась слѣдующимъ образомъ: въ авангардѣ и въ арріергардѣ по пѣхотному баталіону при нѣсколькихъ легкихъ орудіяхъ, гдѣ существовали дороги удобопроходимыя для полевой артиллеріи, замѣнявшейся въ противномъ случаѣ горными единорогами. Кавалерія, резервная артиллерія и обозъ помѣщались въ серединѣ колонны и прикрывались пѣхотой слѣдовавшею рядами по обѣ стороны. Предъ авангардомъ, позади арріергарда, и направо и налево, по протяженію всей колонны, шли стрѣлки, имѣя за собой резервы съ горными орудіями. На ровныхъ и открытыхъ поляхъ боковыя прикрытія удалялись отъ колонны на хорошій ружейный выстрѣлъ; вступивъ въ лѣсъ, они шли какъ позволяла мѣстность, по возможности стараясь уберечь ее отъ непріятельскаго огня, слишкомъ губительнаго когда ему подвергалась сомкнутая масса войскъ. Солдаты называли это водить колонну въ ящикъ. На походѣ все дѣло происходило въ двѣи: въ авангардѣ, когда шли

впередъ, въ арріергардъ, когда отступали, и почти непрерывно въ боковыхъ прикрытіяхъ, выполнявшихъ самую трудную и самую опасную задачу. Въ лѣсу стрѣлковымъ парамъ нерѣдко приходилось идти не видя другъ друга, при этомъ разрываться, и Чеченцы, будто вырастая изъ земли, насккивали на нихъ и рубили отдѣлившіеся солдатъ прежде чѣмъ товарищи успѣвали имъ помочь. Движеніе стрѣлковъ, закрытыхъ лѣсомъ и горами, рѣдко было видно съ дороги по которой слѣдовала колонна. Съ ними переговаривались посредствомъ сигналовъ на рожкѣ. Для того чтобы въ лѣсу и въ горахъ всегда имѣть возможность узнавать гдѣ находятся части войскъ отдѣленные отъ главной колонны, авангардъ, арріергардъ и боковыя прикрытія обозначались предъ выступленіемъ сигнальными нумерами которыми по уставу называются роты въ баталіонѣ. Эти сигналы мѣнялись весьма часто, дабы горцы, подмѣтивъ ихъ, заранѣе не угадывали кому отдають приказаніе. Желая дознаться гдѣ какая-нибудь часть пробирается по лѣсу, подавали условленный вопросительный сигналъ, горнисты всѣхъ частей откликались своими нумерами, и судя по звуку, приказывали потомъ, назвавъ кого слѣдовало, ускорить шагъ, стоять или приблизиться къ колоннѣ. Непріятельскія пули, случалось, ложились въ средину войска, но очень рѣдко удавалось горцамъ, разорвавъ цѣпь, нападать на колонну. Въ экспедицію 1832 года не могу припомнить болѣе четырехъ такихъ прорывовъ.

Лагерь постоянно размѣщался кареємъ: по фасамъ пѣхота и артиллерія, посрединѣ кавалерія и обозъ. Для небольшого числа войскъ строился вагенбургъ изъ повозокъ. Вокругъ всего лагеря располагалась днемъ густая цѣпь, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ палатокъ. На ночь число застрѣльщиковъ умножалось, придвигали резервы и впереди укладывали еще секреты въ болѣе опасныхъ мѣстахъ. Людей разводили на эти посты послѣ наступленія темноты, для того чтобы не подсмотрѣлъ непріятель. Они были обязаны наблюдать глубокую тишину, подходящихъ не окликать, а освистывать, и стрѣлять на каждый подозрительный шорохъ, хотя бы не могли точно разглядѣть отъ чего онъ происходитъ. На каждомъ фасѣ лагернаго каре держали наготовѣ дежурныя части для подкрѣпленія передовой цѣпи въ случаѣ дѣйствительнаго нападенія. Солдаты отъ этихъ частей лежали предъ палатками, имѣя при себѣ ружья и патроны

сумки. Остальные солдаты и офицеры спали раздѣтые и не имѣли привычки тревожиться отъ выстрѣловъ которые намъ почти каждую ночь посылали Чеченцы, подползавшіе къ лагерю несмотря на всѣ наши предосторожности. Нерѣдко мнѣ самому случалось просыпаться ночью отъ бѣлаго огня лагерной цѣпи и слышать надъ палаткой свистъ чеченскихъ пуль. Тогда полусоннымъ голосомъ кто-нибудь провозглашалъ:

— Опять подползли, спать не даютъ. Откуда это они стрѣляютъ?

— Справа (или слѣва), ваше благородіе, отвѣчалъ какой-нибудь солдатъ или казакъ.

И принявъ къ свѣдѣнію такого рода извѣщеніе, бывало, закроешь голову подушкой съ той стороны откуда летятъ пули, и чрезъ нѣсколько минутъ снова засыпаешь крѣпкимъ сномъ, съ надеждой что въ лагерь Чеченцевъ не пустятъ, а отъ пули Богъ убережетъ.

Одиннадцать дней, съ 6-го по 17-е августа, мы проходили по Малой Чечнѣ, перестрѣливаясь и разоряя аулы, потомъ подошли къ крѣпости Грозной, сдали больныхъ и раненыхъ, забрали провіанту и снарядовъ, и двинулись въ сердце Большой Чечни. Въ это время мое служебное положеніе нѣсколько измѣнилось. Во Владикавказъ пріѣхалъ изъ Тифлиса генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Норденстамъ, по праву старшинства вступилъ въ управленіе походною канцеляріей, и имѣя особенную склонность къ письменнымъ дѣламъ, принявъ въ свое распоряженіе и переписку по второму, мнѣ принадлежавшему, отдѣленію. Вольховскій, видя что я, какъ говорится, отбиваюсь отъ рукъ, нашелъ для меня дѣло при войскахъ болѣе сродное моему характеру, приказалъ чередоваться въ авангардъ и въ арріергардъ съ офицерами генеральнаго штаба состоявшими при войскахъ на Линіи и посыламъ нерѣдко съ отрядами ходившими въ сторону уничтожать чеченскіе аулы. Это послѣднее дѣло послужило поводомъ къ сближенію съ Вельяминовымъ моей незначительной персоны. Вольховскій представилъ ему въ Назранѣ всѣхъ офицеровъ принадлежавшихъ къ штабу корпуснаго командира, въ томъ числѣ и меня, но весьма естественно что онъ обратилъ мало вниманія на молодого, невиднаго егерскаго подпоручика, затертаго среди блестящихъ адъютантскихъ мундировъ, и даже забылъ въ послѣдствіи мое лицо и имя.

Недѣлю спустя Вольховскій прикомандировалъ меня къ небольшому отряду посланному разорить не помню какую-то деревушку, лежавшую верстѣ десять въ сторонѣ отъ лагеря. Мы выступили до разсвѣта, заняли аулъ, сожгли его, накопили на поляхъ сколько нужно было фуражу, остальное вытоптали, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; но при выступленіи попали довольно неожиданно подъ огонь непріятеля выжидавшего этотъ моментъ въ примыкавшемъ къ селенію лѣсу. Пришлось уходить съ боемъ, стоившимъ намъ человекъ семь нижнихъ чиновъ выбывшихъ изъ строя. На обратномъ пути, не доходя до лагеря версты двѣ, я опередилъ отрядъ, какъ мнѣ было приказано начальникомъ штаба, для предварительнаго сообщенія ему подробностей дѣла происходившаго на моихъ глазахъ. Корпусный командиръ завтракалъ у Вельяминова съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ. Я вошелъ въ большую кибитку, гдѣ былъ накрытъ столъ, и отыскивая глазами Вольховскаго, остановился у входа, не замѣтивъ при этомъ что въ сторонѣ стоялъ казачій офицеръ успѣвшій прежде меня пріѣхать съ донесеніемъ отъ командира нашего отряда.

Вельяминовъ первый меня замѣтилъ, и принявъ по мундиру за строевого офицера, спросилъ зачѣмъ я пришелъ.

— Съ донесеніемъ къ Дмитрію Владиміровичу.

Вольховскій, предупредивъ его что я принадлежу къ корпусному штабу, обратился ко мнѣ съ разными вопросами объ отрядѣ изъ котораго я прибылъ. Отвѣчать было не трудно, я передавалъ дѣло какъ видѣлъ его.

Вельяминовъ, прислушиваясь къ моимъ отвѣтамъ, попросилъ позволеніе въ свою очередь сдѣлать мнѣ вопросъ.

— Много ли вы имѣли противъ себя Чеченцевъ?

— Трудно сказать, непріятель прятался, и намъ были видны одни дымки отъ его выстрѣловъ.

— А судя по огню, какъ вы заключаете о числѣ его?

— Могла быть сотня, много полторы.

— Вотъ кто говоритъ правду, возразилъ Вельяминовъ обратившись къ своимъ гостямъ, — а господинъ сотникъ пріѣхалъ разказывать басни. По мѣсту и по времени, не могло собраться болѣе Чеченцевъ, я и прежде былъ въ этомъ убѣжденъ.

Тутъ Вельяминовъ спросилъ у Вольховскаго мою фамилію и потомъ вполголоса поговорилъ съ корпуснымъ командиромъ.

— Алексѣй Александровичъ проситъ меня уступить васъ въ его распоряженіе, обратися ко мнѣ баронъ.—Согласно ли это съ вашимъ желаніемъ?

— За честь сочту служить при немъ, какъ служилъ и при вашемъ высокопревосходительствѣ.

— Совсѣмъ не разстаюсь съ вами, а на время похода вы имѣете находиться при командующемъ войсками на Линіи.

— Очень радъ, прибавилъ Вельяминовъ,—и начнемъ знакомство съ теперешняго завтрака. Садитесь и берите приборъ.

Такимъ случаемъ я попалъ къ Вельяминову подъ начальство, что не помѣшало однако и Вольховскому распоряжаться мною по старой привычкѣ. Вмѣсто одного, я нажилъ двухъ начальниковъ, дѣло довольно неудобное, но за то меня совершенно освободили отъ канцеляріи.

Вступая въ большую Чечню со стороны крѣпости Грозной, намъ слѣдовало пройти чрезъ Гойтинскій лѣсъ, прорубленный, какъ я прежде упомянулъ, при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ и успѣвшій однако зарости, хотя и мелкимъ, но неизмѣрно густымъ кустарникомъ. Въ этомъ лѣсу, имѣвшемъ около семи верстъ протяженія и посреди котораго въ болотистыхъ берегахъ протекала рѣчка Гойта, Чеченцы искони дрались противъ Русскихъ съ несказаннымъ упорствомъ. Гойтинскій лѣсъ и рѣчка Валерикъ были памятны всѣмъ старымъ Кавказцамъ; подходя къ нимъ, отрядные начальники удваивали осторожность, а русскій солдатъ готовился на нешуточный бой.

Предъ лѣсомъ Вельяминовъ приказалъ поставить вправо и влево отъ дороги по шести орудій и открыть сперва картечный огонь по опушкѣ, а потомъ стрѣлять въ средину чащи ядрами и гранатами, хотя не было видно ни одного Чеченца, и ни одинъ выстрѣлъ не встрѣтилъ насъ съ непріятельской стороны. Послѣ того застрѣльщики отъ цѣлаго баталіона, подкрѣпленные во второй линіи ротными колоннами, безъ выстрѣла, съ громкимъ *ура!* бросились бѣгомъ къ опушкѣ, и занявъ ее, тотчасъ легли на землю. Нѣсколько мгновеній спустя ружья затрещали съ обѣихъ сторонъ; оказалось что лѣсъ не такъ безлюденъ какъ можно было думать съ перваго раза. Такимъ образомъ занимали на Кавказѣ каждую опушку, каждый пролѣсокъ, каждую нѣсколько закрытую переправу и каждое селеніе. Вся разница состояла въ томъ что, соображаясь съ мѣстностію и съ числомъ

предполагаемаго непріятеля, увеличивалось или уменьшалось количество артиллеріи и войскъ назначаемыхъ для первой атаки. Тишина господствующая въ лѣсу или въ селеніи ничего не доказывала: непріятель былъ вездѣ и нигдѣ, рѣдко удерживалъ позицію, но дрался всюду гдѣ находилъ мѣстное прикрытіе и гдѣ имѣлъ свободное отступленіе. Только по занятіи опушки главная колонна входила въ лѣсъ, имѣя впереди себя авангардныхъ застрѣльчиковъ. Стрѣлки же, лежавшіе предъ лѣсомъ по обѣ стороны дороги, втягивались въ чащу и составляли правое и лѣвое прикрытіе походной колонны; тогда начиналась драка прекращавшаяся не прежде выхода войскъ на открытое мѣсто. По временамъ огонь усиливался, и эхо выстрѣловъ сливалось съ чеченскимъ гикомъ и съ русскимъ ура! Въ глубинѣ лѣса работали штыкъ да шашка.

Въ Гойтинскомъ лѣсу ожидала насъ одна изъ непріятныхъ случайностей кавказской войны. Колонна прошла уже половину пути. По срединѣ лѣса, на берегу рѣчки, столпились обозъ и артиллерія въ ожиданіи очередной переправы по весьма малонадежному мостику. Чеченцы, пользуясь этой задержкой, напали на правое прикрытіе, и оттѣснивъ его, стали посылать пули въ середину обоза. По сигнальнымъ отвѣтамъ, казалось, наши не понимали, или не могли исполнить приказаніе идти впередъ; Вельяминовъ приказалъ мнѣ съѣздить въ лѣсъ и отвести стрѣлковую дѣльню подальше отъ колонны. Съ трудомъ продираясь на лошади чрезъ мелкую поросль, я сталъ отыскивать командира дѣльни; кое-гдѣ мелькали предомной солдатскія шинели, но офицера между ними не было. Въ это время недалеко отъ меня промчались Чеченцы, пули посыпались какъ горохъ, и солдаты, за ними нѣсколько офицеровъ, вынырнули изъ-за деревьевъ и кустовъ поспѣвая къ мѣсту откуда раздавался крикъ. Имѣя съ собой одного казака, я ради собственной безопасности увязался за ними и выѣхалъ на небольшую прогалину въ то самое мгновеніе какъ подоспѣвшіе застрѣльчики принялись штыками отбивать Чеченцевъ рубившихъ разрозненныя пары. На землѣ лежалъ раненый юнкеръ, князь Иванъ Урусовъ; въ-время подскочившій офицеръ защитилъ его отъ шашки сверкавшей въ рукѣ противника имѣвшаго видимое желаніе его покончить. Схватка продолжалась не болѣе двухъ минутъ. Резервъ подбѣжалъ, и непріятель скрылся изъ виду; только

пули его продолжали жужжать мимо нашихъ ушей. Урусова понесли на перевязку, и подняли убитыхъ, тѣла которыхъ кавказскіе солдаты ни въ какомъ случаѣ не оставляли на поруганіе непріятеля.

Этотъ случай заставилъ меня узнать какъ хороша память у русскаго солдата и какъ онъ примѣчаетъ за всѣмъ что дѣлаютъ офицеры. Въ цѣпь я попалъ такъ же случайно какъ и на схватку съ непріателемъ, оставался при ней послѣ происшествія отнюдь не долѣе чѣмъ требовало приказаніе данное мнѣ Вельяминовымъ, и потомъ вернулся прямо къ нему. Двѣнадцать лѣтъ спустя я снова проходилъ чрезъ Гойтинскій лѣсъ съ Робертомъ Карловичемъ Фрейтагомъ, у котораго исправлялъ должность отряднаго оберъ-квартирмейстера. Дѣло мы имѣли жаркое; мнѣ приходилось скакать во всѣ концы колонны. Провѣзжая мимо Куринцевъ, я былъ остановленъ солдатомъ который, пристально вглядываясь въ мое лицо, вдругъ заговорилъ:

— Ваше высокоблагородіе, а ваше высокоблагородіе, какъ жись, я васъ признаю; вы были съ нами въ здѣшнемъ лѣсу; помните ли, когда Чеченцы зарубили застрѣльщикова и ранили нашего юнкера, князя Урусова.

Солдатъ меня узналъ, несмотря на долгое время и на перемѣну мундира; въ тридцать второмъ году я былъ одѣтъ въ егерскую форму, а въ сорокъ четвертомъ носилъ мундиръ генеральнаго штаба.

— Который разъ, ваше высокоблагородіе, изволите проходить чрезъ этотъ лѣсъ? спросилъ послѣ того мой старый знакомый.

— Седьмой.

— А я двадцатый. Когда же лѣсъ останется за нами?

— Ну, любезный, спроси про это у Господа Бога, а я вѣдать не вѣдаю, отвѣчалъ я и направилъ лошадь къ Роберту Карловичу, моему давнишнему другу и защитнику, съ которымъ въ томъ году отбылъ не одно горячее дѣло.

И Чеченцы поплатились недешево. За лѣсомъ начиналось открытое мѣсто. Наши конные Грузины и Татары, посланные впередъ отряда, зарубили десятка два пѣшихъ молодцовъ не успѣвшихъ уйти съ поляны въ лѣсъ. При этомъ случаѣ одинъ изъ нихъ, видя что ему нѣтъ спасенія, ухватился за поясъ наскочавшаго на него Татарина и ударилъ

его кинжаломъ въ бокъ съ силой прогнавшею сквозь тѣло широкое лезвее; въ то же мгновеніе сабля Татарины опустилась Чеченцу на голову, и оба покатались мертвые на траву.

Предъ вечеромъ отрядъ вышелъ на открытое лагерное мѣсто; стали разбивать палатки; для Вельяминова поставили барабанъ и развели огонь, у котораго онъ молча принялся грѣть руки. Это была его постоянная привычка. Вокругъ него болтали офицеры. Казалось, онъ былъ ко всему равнодушенъ, однако мало словъ ускользали отъ его слуха. Онъ позволялъ молодежи, на походѣ ли, за столомъ, или у себя въ кабинетѣ, говорить свободно обо всемъ, прислушивался къ разговору и заключалъ по немъ объ умѣ и характерѣ каждаго изъ разсуждающихъ. Когда, бывало, иной слишкомъ разбодтается, онъ, безъ строгости, безъ гнѣва, скажетъ только: „ну, дражайшій, перестань, перестань, чрезъ мѣру заговорился!“

Въ этотъ вечеръ находился въ кругу офицеровъ собранныхъ около Вельяминова и капитанъ уберевшій Урусова отъ чеченской шашки. Онъ разказывалъ съ жаромъ подробности своего подвига. Долго Алексѣй Александровичъ слушалъ, не говоря ни слова; наконецъ, онъ обратился къ разказчику:

— А, дражайшій, какимъ образомъ ты попалъ въ цѣнь когда ранили Урусова?

— Я командовалъ застрѣльщиками; Урусовъ служить въ моей ротѣ.

— И ты изрубилъ Чеченца напавшаго на раненаго юнкера; гдѣ же были твои застрѣльщики?

— Цѣнь разорвалась, никого тутъ не случилось; я самъ еле, еле подоспѣлъ.

— А! ты командовалъ застрѣльщиками; цѣнь не шла въ порядкѣ, и ты былъ принужденъ рубить Чеченцевъ собственною рукой. Нечего сказать, ты храбрый офицеръ. Отдай, однако, дежурному штабъ-офицеру твою собственную шашку и отправляйся подъ арестъ; дѣло начальника наблюдать за солдатами, а не рубиться съ непріателемъ.

И бѣдный ротный командиръ, вмѣсто ожидаемой похвалы, понутивъ голову, пошелъ исполнять приказаніе Вельяминова.

На другое утро командующій войсками приказалъ отдать капитану оружіе и поблагодарить за спасеніе юнкера. Такъ онъ понималъ офицерскую обязанность. Ермоловъ дѣйствовалъ еще строже въ подобныхъ случаяхъ. Онъ не

терпѣлъ выскочки и сажалъ подѣ арестъ каждаго офицера безъ надобности и безъ приказанія бросавшагося въ огонь, и никогда не давалъ награды за подобнаго рода безполезную храбрость.

При переправѣ черезъ Аргунѣ и движеніи къ селенію Шали мы имѣли 22-го августа вторую сильную перестрѣлку, мало отличавшуюся отъ другихъ всеневныхъ встрѣчъ съ непріятелемъ; за то борьба съ рѣкой выходила изъ предѣловъ обыкновеннаго порядка.

Переправы чрезъ горныя кавказскія рѣки вообще принадлежали къ категоріи довольно щекотливыхъ операцій и часто стоили добраго дѣла. Рѣка, проходимая въ бродѣ по колѣно еще вечеромъ, за ночь наливалась по грудь, отъ дождя въ горахъ, или отъ подсѣжнаго потока промывшаго себѣ дорогу къ ея показистому руслу. И Аргунѣ, на подобіе Сулака, Сагуаши, Ингура, Бзыба, принадлежалъ къ числу чрезвычайно быстрыхъ и неумовимо своенравныхъ рѣкъ. Когда мы къ нему подошли, онъ находился въ состояніи неожиданнаго налива: стрѣлою неслась вода, унося въ Сунжу огромныя карчи и ворочая камни заграждавшіе ей дорогу. Ни мостъ на козлахъ, ни на арбахъ, для одной пѣхоты, не удержался бы противъ силы воды и карчей, да и время не позволяло испытывать степень ихъ стойкости; намъ надо было спѣшить къ Герменчугу, куда Кази-Мегметъ собиралъ Горцевъ на защиту аула, пока число ихъ не увеличится до размѣровъ силы непреодолимой для нашего отряда. На Кавказѣ не имѣли привычки задумываться надъ быстротой и глубиной рѣки, когда существовала искра надежды преодолѣть эти препятствія. Мостъ не устоитъ противъ карчи, а живые люди всегда могутъ отъ нея посторониться: отвести ее, или обождать пока она проплыветъ; поэтому было рѣшено не мѣткая переходить въ бродѣ. Въ виду этой небезопасной операціи самъ Вельяминовъ съѣзъ возлѣ переправы для личнаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій, и съ собственнымъ ему терпѣніемъ, не сошелъ съ мѣста пока послѣдній человекъ не перешелъ на другую сторону.

Сперва обстрѣляли противоположный берегъ картечью, какъ слѣдуетъ, потомъ Грузины, Татары и часть лимейцевъ, по сѣдло въ водѣ, перешли на другую сторону и смѣлою атаккой разогнали Чеченцевъ пытавшихся оспаривать переправу.

Кавказскія лошади привычны къ водѣ: на быстрыхъ рѣкахъ онѣ упираются туловищемъ противъ теченія, и зная что на дно водятся большіе, скользкіе камни, не торопясь и щупая копытомъ грунтъ переставляютъ крѣпкія ноги. Потерявъ дно, онѣ плавутъ безъ усталости. Дурно только когда лошадь въ упряжи: не имѣя воли пользоваться своею силою, она перевертывается быстрою вверхъ ногами, тонетъ, да и повозку нерѣдко уноситъ невѣсть куда.

По переходѣ конницы, устроили переправу для пѣхоты, артиллеріи и обоза. Подъ острымъ угломъ поставили, къ теченію спиной, плотный рядъ линейскихъ казаковъ на самыхъ сильныхъ лошадяхъ; двадцать саженей ниже помѣстили къ нимъ лицомъ двѣ конныя цѣпы. Выше поставленные казаки составляли оплотъ противъ напора воды, размыщенные ниже должны были ловить пѣхотинцевъ уносимыхъ быстрою. По этой улицѣ пошла пѣхота, по отдѣленіямъ, разутая до пояса, сапоги, ружья и сумки на плечахъ, солдаты каждой шеренги крѣпко ухватившись подъ руку, а фланговый человекъ придерживаясь свободою рукою за стремя казака ѣхавшаго со стороны теченія. Въ такомъ порядкѣ переправилась вся пѣхота, и за нею повозки и артиллерія. Подъ напоромъ волны шеренги колыхались, люди не разъ теряли дно, слабосильныхъ срывало и несло по водѣ, ниже стоявшіе казаки хватали ихъ и вывозили на берегъ; но дѣло не обошлось и безъ утонувшихъ. Два зарядные ящика и нѣсколько повозокъ опрокинуло на срединѣ рѣки, лошади потонули, а ящики были спасены. Подобнаго рода переправы мнѣ удалось видѣть на лѣвомъ флангѣ и на береговой Линіи.

Герменчугъ, самый большой чеченскій аулъ, имѣвшій три мечети, изъ коихъ лучшая была построена на деньги пожалованныя Ермоловымъ, находился въ семи верстахъ отъ Шали, гдѣ мы ночевали переправившись черезъ Аргунъ. Алексѣй Петровичъ, дознавъ на опытъ какъ трудно было вѣдаться съ Чеченцами живущими разсѣянно по лѣсамъ, принесъ эту жертву, надѣясь около прочно и красиво построенной мечети сгруппировать болѣе значительное число жителей, и не ошибся въ своемъ разчетѣ; герменчугское населеніе увеличивалось съ каждымъ годомъ, и долгое время его жители, дорожа своею оскѣдностію, не принимали прямого участія въ грабежахъ и разбояхъ своихъ одноплеменниковъ. Въ 1831 году они были увлечены въ общее возстаніе, и Вельяминовъ счелъ

полезнымъ показать на нихъ примѣръ всему краю. Въ его правилахъ было во всѣхъ взысканіяхъ за равную вину начинать съ большихъ, а не съ малыхъ. Чуя приближеніе злой грозы, Герменчугцы долго колебались, просить ли пощады, или защищать селеніе; Кази-Мерметъ убѣдилъ ихъ испытать счастье оружія, укрѣпить селеніе и ждать въ немъ прихода Русскихъ. Три тысячи Чеченцевъ засѣли въ Герменчугъ; имамъ лично привелъ къ нимъ на помощь восемьсотъ конныхъ Лезгинъ и, кромѣ того, каждый день подходили къ аулу поборники очищенной вѣры изъ самыхъ отдаленныхъ горъ.

Оставивъ возлѣ Шали весь обозъ подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ и двухъ орудій, мы съ остальными войсками двинулись къ Герменчугу. На разсвѣтѣ отрядъ переправился чрезъ неглубокую рѣчку протекавшую предъ ауломъ и къ полудню сталъ на позицію въ виду ожидавшаго насъ непріятеля. На лѣвомъ флангѣ мы имѣли рѣчку, на правомъ — густой лѣсъ въ которомъ скрывались пѣшіе Чеченцы и лезгинская конница; предъ нами лежало пространное селеніе съ трехъ сторонъ опоясанное крѣпкимъ окопомъ, усиленнымъ еще фланговою обороною, и заслоненное съ тылу высокимъ лѣсомъ. Линейскіе казаки, грузинскій и татарскіе конные полки, подъ командой полковника Засса, первые заняли мѣста предъ ауломъ и съ утра завязали джигитовку съ непріятельскою конницею увлекавшею ихъ къ лѣсу, откуда огонь пѣшихъ Чеченцевъ снова принуждалъ нашихъ отходить на чистое поле. Когда весь отрядъ перешелъ чрезъ рѣчку и построился въ колонны, Вельяминовъ приказалъ варить кашу для солдатъ, а своему повару готовить обѣдъ. Люди не сходявшіеся правомъ съ Вельяминовымъ, не зная чѣмъ его попрекнуть, находили поводъ обвинять его въ излишнемъ пристрастіи къ гастрономическимъ наслажденіямъ. Вельяминовъ дѣйствительно охотно занимался столомъ, наравнѣ съ естественною исторіей, архитектурой, гомеопатіей, изъ любви къ наукѣ и къ искусству, и гораздо болѣе въ пользу другихъ чѣмъ для самого себя. Страдая расположеніемъ къ грудной водяной болѣзни, отъ которой онъ и скончался въ 1838 году, Вельяминовъ постоянно находился на самой строгой діетѣ; но въ то же время ставилъ себѣ въ удовольствіе вкусно кормить офицеровъ обѣдавшихъ за его столомъ. На походѣ, до десятка верблюдовъ носили за нимъ калмыцкую кибитку, кухню и

сѣбѣстные припасы. Въ числѣ другихъ и Вольховскій часто укорялъ его въ этой слабости. Эти два человека, въ одинаковой мѣрѣ преданные принципу долга и чести, близко сходившіеся въ умственномъ воззрѣніи на житейскія дѣла, къ сожалѣнію, расходились діаметрально въ примѣненіи своихъ понятій: Вольховскій былъ строгой доктринеръ, Вельяминовъ неумолимый практикъ. Кромѣ того, Вольховскій, страдавшій нервною раздражительностію, былъ вспыльчивъ и нерѣдко увлекался первымъ впечатлѣніемъ; Вельяминовъ, обладавшій ледянымъ хладнокровіемъ, подчинялъ всѣ свои дѣйствія одному разсудку и силой характера бралъ верхъ надъ Вольховскимъ. Поверхностно понимая вещи, многіе потому считали Вельяминова человекомъ бездушнымъ, и крѣпко ошибались. Я испыталъ на себѣ самомъ сколько его сердце было доступно самому заботливому участію; онъ умѣлъ только владѣть своими чувствами и скрывалъ ихъ въ глубинахъ души, для того чтобы никакому плутоватому уму не удалось воспользоваться ими ко вреду справедливости и общаго порядка.

Чтобы вполне понять и оцѣнить характеръ Вельяминова и его взглядъ на обязанности государственнаго человека слѣдуетъ отрыть въ ставропольскомъ штабномъ архивѣ и изучить его переписку съ военнымъ министромъ, княземъ Чернышевымъ, касательно военныхъ дѣйствій на берегу Чернаго моря. Три раза сряду онъ имѣлъ смѣлость самымъ положительнымъ образомъ, подтверждая фактами свои заключенія, опровергать пользу проекта присланнаго къ нему изъ Петербурга при именномъ повелѣніи безотговорочно привести его въ исполненіе. Свою послѣднюю записку онъ заключаетъ слѣдующими словами:

„Бжели государь императоръ и на этотъ разъ не удостоить, на основаніи изложенныхъ мною доказательствъ и фактовъ, осчастливить меня отгвѣною сказаннаго проекта, то прошу какъ милость назначить на мое мѣсто другого, болѣе способнаго и свѣдущаго генерала; я готовъ служить подъ его начальствомъ простымъ солдатомъ, но по долгу присяги и по совѣсти не могу принять на себя выполненіе мѣръ которыя, по моему убѣжденію, должны принести только одинъ вредъ для края отдаленнаго мнѣ въ управленіе. Присягая государю я обѣщаль не только повиноваться, но и хранить славу и соблюдать интересъ его величества и Русскаго государства по моему крайнему разумѣнію.“

Покойный императоръ Николай Павловичъ оцѣнилъ въ этомъ случаѣ твердость Вельяминова, согласился съ его мнѣніемъ, отмѣнилъ свое первое повелѣніе и осыпалъ его милостями, когда онъ осенью того же года пріѣхалъ въ Петербургъ. Таковъ былъ Вельяминовъ, и такъ государь внималъ правдивому слову когда оно исходило отъ человѣка преданнаго ему и Россіи выше всякаго личнаго разчета.

Подъ Герменчугомъ Вельяминовъ подвергъ сильной пылкѣ терпѣніе Вольховскаго, не во всѣхъ случаяхъ умѣвшаго владѣть своею перевозно-раздражительною натурой; даже болѣе флегматическій и пожилой баронъ Григорій Владиміровичъ не на шутку сталъ тревожиться отчего онъ столько медлитъ атаковать аулъ. А Вельяминовъ былъ правъ; его медленность имѣла основаніемъ самый вѣрный расчетъ. Войска, сваривъ похлебку, да еще съ удвоенною мясною порціей, спокойно наполняли себѣ желудокъ. На правомъ флангѣ батареи въ двадцать два орудія, поставленной въ разстояніи хорошаго ядернаго выстрѣла отъ непріятельскихъ окоповъ, для Вельяминова накрыли столъ, какъ бы дома; вокругъ него разставили барабаны, и мы сѣли обѣдать. Въ нѣкоторомъ разстояніи позади насъ, менѣе затѣйливо помѣстившись на коврахъ, закусывалъ корпусный командиръ съ своими офицерами. Непріятельскій брустверь и всѣ плоскія крыши герменчугскихъ домовъ были буквально унизаны Чеченцами, которые, съ ружьями наголо, ожидали атаки и, полагая, также не понимали чего мы ждемъ. Нѣсколько зрительныхъ трубъ были направлены изъ Герменчуга на нашъ обѣденный столъ.

Въ часъ пополудни корпусный командиръ прислалъ своего адъютанта спросить не пора ли атаковать.

— Нельзя, солнце слишкомъ жарко печетъ; къ тому же и люди не кончили ѣды.

Черезъ полчаса новый посланецъ къ Вельяминову.

— Не выпили еще порцію которую приказано раздать.

По прошествіи нѣкотораго времени Вольховскій прислалъ за мной. Нетерпѣливо сталъ онъ меня спрашивать отчего мѣшкаютъ, — будто отъ меня зависѣло дѣло, — и потомъ поручилъ передать Алексѣю Александровичу что это противно видамъ корпуснаго командира. Не знаю почему именно меня выбрали для такого порученія; можетъ, только на тотъ случай,

если Вельяминовъ разсердится: чтобъ его сарказмы обрушились на меня, а не на другаго.

Когда я вернулся и доложилъ Вельяминову слова Вольховскаго, онъ поморщился, подумалъ съ минутою и сказалъ:

— Ступай, дражайшій, назадъ и скажи пославшему тебя что, по моему мнѣнію, надо еще подождать; впрочемъ, какъ угодно, только въ такомъ случаѣ не беру на себя отвѣта. Надо же, прибавилъ онъ, улыбувшись, — время докончить обѣдъ и убрать столъ.

Передавъ отвѣтъ, разумѣется безъ послѣдняго прибавленія, я возвратился на свое мѣсто. Когда дѣйствительно убрали столъ, и я стоялъ позади его, онъ повернулся ко мнѣ:

— Хочу, дражайшій, чтобы ты понялъ отчего я медлил, можешь потомъ объяснить и другимъ; взгляди съ какимъ напряженіемъ Чеченцы ждутъ атаки, они томятся, каждый часъ ожиданія отнимаетъ у нихъ силы и духъ, а наши солдаты тѣмъ временемъ отдыхаютъ, и силы ихъ растутъ. Однако пора начинать.

Онъ сѣлъ на лошадь и приказалъ артиллеріи открыть огонь, по двадцати выстрѣловъ изъ орудія. Въ то же время Засосъ съ казаками и Грузинами былъ посланъ направо къ лѣсу, въ которомъ находилась непріятельская конница, для прикрытія съ этой стороны нашихъ штурмующихъ колоннъ, а два мусульманскіе полка направлены влѣво, къ рѣчкѣ.

Съ послѣднимъ пушечнымъ выстрѣломъ барабаны забили атаку, и два Бутырскіе баталіона справа, два егерскіе слѣва отъ батареи бѣглымъ шагомъ помчались къ непріятельскому укрѣпленію. Чеченцы, выдержавшіе пушечный огонь лежа за брустверами, вскочили, дали залпъ, и не успѣли снова зарядить винтовки, какъ наши баталіоны, перескочивъ чрезъ обширный ровъ, очутились на кровѣ и штыками погнали ихъ чрезъ селеніе. Бутырцы ворвались первые въ деревню. Атака была поведена на центръ укрѣпленія. Лѣвый флангъ его, примкнутый къ лѣсу, оставался еще во власти Чеченцевъ, съ праваго они бѣжали не обороняясь. Тѣмъ временемъ наши казаки, погнавъ непріятельскую конницу, попали подъ сильный ружейный огонь изъ опушки лѣса. Вельяминовъ, заботившійся, по Ермоловской методѣ, всего болѣе о сохраненіи войскъ отъ ненужной потери, послалъ меня немедленно вернуть ихъ къ пѣхотѣ оставшейся при батарее. Я пустилъ свою лошадь во весь опоръ; Цукато, мой палаточный

товарищъ, никогда не отстававшій отъ меня когда предвидѣлась опасность, поскакалъ за мной. Между тѣмъ Зассъ, зная какъ Вельяминовъ понимаетъ вещи, самъ, на полныхъ рысяхъ, сталъ удаляться отъ губительной лѣсной опушки. Путь его пролегалъ мимо лѣваго фланга Герменчурскаго окопа. Встрѣченный съ него мѣткимъ огнемъ, онъ не задумываясь поскакалъ къ нему со своею конницей. Въ это мгновеніе мы попали въ средину казаковъ, были увлечены вихремъ атаки, и не имѣя времени опомниться, со всею толпою очутились предъ заваломъ, спрыгнули съ лошадей, перепрыгнули чрезъ ровъ, и какъ другіе, остановились на бермѣ, закрывшись непріятельскимъ брустверомъ. Озадаченные Чеченцы въ первое мгновеніе отшатнулись, потомъ опомнились, остановились въ двадцати шагахъ и выжидали насъ выставивъ заряженные винтовки. Они берегли заряды на ту минуту когда мы вскочимъ на крону; но казаки люди не только храбрые, но и смысленные въ высшей степени, они понимали что опрометчивость имъ дорого обойдется, и не покидалъ мѣста также дѣлили въ непріятеля. Мгновеніе длилась эта выдержка; Чеченцы не вытерпѣли, дали залпъ, и дымъ еще не пронесся, какъ казаки и Грузины съ обнаженными шашками и саблями уже сидѣли у нихъ на плечахъ. Наша конница взяла завалъ обороняемый пѣхотой. Хотя Зассъ предупредилъ приказаніе командующаго войсками и по дорогѣ взялъ еще непріятельское укрѣпленіе, однако мнѣ все-таки слѣдовало его отыскать для того чтобы не вернуться безъ отвѣта. Казаки не знали куда онъ дѣвался и стали за него безпокоиться. Мы сѣли на лошадей и поѣхали въ поле его отыскивать, гдѣ и нашли лежащаго на землѣ съ прострѣленною ногой; около него суетились докторъ и близнецы Атарщиковы. Въ недалекомъ разстояніи лежалъ князь Андрониковъ; пуля пробила ему грудь немного выше сердца и вышла въ спину; казалось, его ожидала близкая кончина, однако онъ жилъ еще долго послѣ того: пуля обогнула ребра, не пронизавъ внутренности. Кромѣ нихъ подобрали еще двухъ раненыхъ офицеровъ да десятка полтора простыхъ всадниковъ.

Когда я вернулся съ донесеніемъ, мнѣ не дали даже вздохнуть и отправили съ новымъ порученіемъ узнать что происходитъ въ деревнѣ, въ которой пальба не прекращалась. На этотъ разъ Вельяминовъ послалъ со мной нѣсколько лицейцевъ. Въ тѣсной улицѣ, огороженной плетнями съ обѣихъ

сторонѣ, я наѣхалъ печально на весьма неблагоприятную сцену. Егеря сдѣлались съ бѣгущими Чеченцами и кололи ихъ штыками; пули жужжали по разнымъ направленіямъ; Чеченцы метались во все стороны, прыгали черезъ плетни и вездѣ патыкались на солдатъ. На землѣ валялся какой-то военный докторъ; я счелъ его раненымъ; но оказалось что онъ отъ испуга потерялъ рассудокъ. Руками отмахивая летавшія пули: „кышъ! кышъ!“ докторъ кричалъ жалобнымъ голосомъ чтобъ его не кололи, потому что наѣвѣки закалался лѣзть въ драку. Бѣднякъ вообразилъ себя Чеченцемъ; казаки насильно его подняли, перевалили какъ куль черезъ сѣдло, и повезли на перевязочный пунктъ. Отъ полковника Пирятинскаго я узналъ что непріятель обратился въ полное бѣгство, но что около сотни Чеченцевъ, отрѣзанные отъ лѣса, засѣли въ три смежные дома стоящіе посреди большого сада и не хотятъ сдаваться. Съ этимъ извѣстіемъ вернулся я къ командиру войсками. Въ то же время подвезли помѣшаннаго лѣкаря. Корпусный штабъ-докторъ Ильашенко слѣзъ съ лошади, пощупалъ пульсъ и скомандовалъ фельдшеру: „лацетъ!“ Едва пациентъ увидалъ этотъ инструментъ, какъ сталъ вырываться изъ рукъ у казаковъ и раздирающимъ голосомъ звать: „ради Бога, не рѣжьте голову, я мирной! мирной! никогда не буду драться“. Лацетъ показался ему огромнымъ кинжаломъ. Несмотря на протестъ, два сильные казака растянули его на травѣ, открыли ему вену, и выпустивъ порядочную толику крови, отправили въ лазаретъ.

По вторичному донесенію отъ Пирятинскаго что Чеченцы которые заперлись въ трехъ домахъ, отвергая пощаду, сильно отстрѣвливаются и успѣли уже убить одного подполковника и переранить многихъ солдатъ, Вольховскій пошелъ вмѣстѣ съ начальникомъ артиллеріи, полковникомъ Бриммеромъ, со Всеволожскимъ и съ Богдановичемъ лично распорядиться развязкой этого дѣла. Меня послали провести ихъ по дорогѣ съ которою я успѣлъ познакомиться, когда въ первый разъ проѣзжалъ по селенію. Сакли были оцѣплены тройною цѣпью застрѣльщикова, лежавшихъ на землѣ, за плетнями и за деревьями. Никто не смѣлъ показаться на виду у непріятеля: вѣрнымъ глазомъ направленная пуля наказывала неосторожнаго; поэтому и мы прилегли за заборомъ, находя бесполезнымъ сдѣлаться мишенью для Чеченцевъ. Подвезли

легкое орудіе. Ядро пронизало три сакли по всю их длину; послѣ втораго выстрѣла прибѣжали однако сказать что на противоположной сторонѣ наши ядра бьютъ собственныхъ людей. Очистить хотя бы одну сторону отъ застрѣльщиковъ съ ихъ резервами, значило открыть непріятелю дорогу къ бѣгству, а этого не хотѣли допустить; поэтому прекратили пальбу. Приказали зажечь сакли хотя бы съ одной стороны. Легко было приказать, но исполнить довольно трудно; въ первыхъ, футовой слой глины оберегалъ отъ огня внутреннюю плетневую стѣну, во вторыхъ, вся она была пробита отверстиями изъ которыхъ выглядывали дула мѣткихъ винтовокъ. Нашлись однако два сапера которые рѣшились взяться за дѣло: подвигая предъ собой дубовую дверь вмѣсто щита и неся пучки соломы и хворосту они подползали къ узкому фасу крайняго дома, съ неимовернымъ трудомъ сбили глину у фундамента и подожгли плетень, начавшій медленно тлѣть подъ своею нестареющею оболочкой. Чеченцы продолжали стрѣлять и съ этого боку, пока жаръ не отогналъ ихъ отъ горящей стѣны. Къ саперамъ зажигателямъ присоединились по охотѣ еще два артиллериста. Они влѣзли по зажженной стѣнѣ на плоскую крышу, саперы подавали имъ гранаты которыя они, сообщивъ трубкѣ огонь, чрезъ широкую дымовую трубу стали бросать во внутренность сакли, тѣсно набитой оборонявшимися Чеченцами. Слышно было какъ лопнули первыя двѣ гранаты; послѣдующія перестало рвать. Позже мы узнали что Чеченцы, садясь на нихъ, тушили огонь въ трубкахъ прежде чѣмъ онъ сообщался пороху.

Мало-по-малу огонь охватилъ и прочія двѣ сакли; непріятелю оставалось только сдаться или горѣть. Вольховскій пожалѣвъ храбрыхъ людей и приказалъ находившемуся при насъ переводчикомъ старому моздокскому казаку Атарцикову предложить имъ положить оружіе, обѣщая въ такомъ случаѣ отъ имени главнаго русскаго начальника не только жизнь, но и право разбѣга на русскіхъ лѣнныхъ, открывавшаго для нихъ надежду когда-нибудь вернуться къ своимъ семействамъ. Огонь замолкъ, когда Атарциковъ выступилъ впередъ и по-чеченски крикнулъ что хочетъ говорить. Сидѣвшіе въ домахъ выслушали предложеніе, посоветовались нѣсколько минутъ, потомъ вышелъ полуобнаженный, отъ дыму почернѣвшій Чеченецъ, проговорилъ короткую рѣчь, — и

выстрѣлы засверкали изъ всѣхъ бойницъ. Отвѣтъ заключаема въ слѣдующихъ словахъ:

— Пощады не хотимъ; одной милости просимъ у Русскихъ, пусть дадутъ знать нашимъ семействамъ что мы умерли, какъ жили, не покоряясь чужой власти.

Тогда было приказано зажигать дома со всѣхъ концовъ. Солнце закатилось, и одно красное пламя пожара освѣщало эту картину гибели и разоренія. Чеченцы, твердо рѣшившіеся умереть, заѣли предсмертную пѣснь, сперва громко, потомъ все тише и тише, по мѣрѣ того какъ число поющихъ убывало отъ огня и дыма.

Гибнуть въ огнѣ, однако, страшно мучительно, и не каждый въ силахъ перенести эту пытку.

Неожиданно растворились двери догоравшаго дома. На порогѣ явилась человѣческая фигура — огонь блеснулъ, пуля свистнула мимо нашихъ ушей, и сверкала лезвиемъ шашки, Чеченецъ бросился прямо къ намъ. Широкоплечій Атарщикъ, одѣтый въ панцырь, подпустилъ бѣшенаго Чеченца на десять шаговъ, тихо навелъ ружье, и всадилъ ему пулю прямо въ обнаженную грудь.

Чеченецъ сдѣлалъ огромный прыжокъ — повалился, поднялся опять на ноги, вытянулся въ струну, и медленно склонялся, упалъ мертвый на родную землю.

Черезъ пять минутъ повторилась та же сцена, выскочилъ еще Чеченецъ, выстрѣлилъ изъ ружья, и махая шашкой, прорвался чрезъ двѣ цѣпи застрѣльщиковъ; на третьей цѣпи его закололи.

Горящія сакли стали разваливаться, осыпая искрами истоптанный садъ; — изъ-подъ дымящихся развалинъ выползли шесть раненыхъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ Лезгинъ; солдаты подняли ихъ и отнесли на перевязку; ни одинъ Чеченецъ не дался живьемъ; семьдесятъ два человѣка кончили жизнь въ огнѣ.

Разыгрался послѣдній актъ кровавой драмы; ночь покрывала сцену. Каждый по совѣсти исполнилъ свое дѣло; главные актеры отошли въ вѣчность; прочія дѣйствующія лица, и зрители, съ камнемъ на сердцѣ, стали расходиться по палаткамъ; и можетъ статься, не одинъ въ глубинѣ души задавалъ себѣ вопросъ: — для чего все это? развѣ для всѣхъ, безъ разбора языка и вѣры, нѣтъ мѣста на землѣ?

На обратномъ пути въ лагерь мы должны были проходить

мимо лазаретныхъ палатокъ; въ нихъ охали и стонали раненные; поодаль стоялъ большой наметъ, изъ-подъ котораго мерцалъ слабый огонекъ и слышалось мѣрное чтеніе псалтыря: тамъ лежали тѣла нашихъ убитыхъ, въ ожиданіи могилы. На каждомъ шагѣ встрѣчался намъ невеселый впечатлѣнія, однако мы не имѣли времени подчиняться имъ надо: въ лагерьъ ожидали насъ живые интересы, ожидали начальники и товарищи; одни озабоченные отвѣтственностію лежавшею на нихъ не легкимъ бременемъ; другіе — съ горячимъ участіемъ свойственнымъ молодости; третьи — съ затаеннымъ чувствомъ эгоизма, побуждавшимъ взирать на все что дѣлалось какъ на бенефисное представленіе въ пользу ихъ честолюбивыхъ разчетовъ. Эти люди не могли миновать блестящей будущности. Къ корпусному штабу присоединилось въ послѣднее время много новыхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ. Пріѣхали: правитель гражданской канцеляріи — забылъ его имя, казначей Крыловъ, секретарь Николай Павловичъ Титовъ, добрый, умный, исполненный странностей и неумовѣрно разсѣянный, писатель и поэтъ, страстный поклонникъ и подражатель Бальзака, дававшій намъ въ Тифлисѣ послѣ экспедиціи весьма вкусные литературные ужины. Въ отрядѣ явился и до сумашествія храбрый, благородный, вѣчно восторженный Албрандъ, пріѣхавшій на Кавказъ отъ несчастной любви искать славы или смерти. Онъ выпросился немедленно къ Зассу и во время кавалерійской атаки Герменчукскаго завала случайнымъ образомъ я столкнулся съ нимъ на бермѣ. „За мной, ребята!“ крикнулъ онъ казакамъ, и тотчасъ полѣзъ на брустверъ. Цукато и я за фалды черкески стянули его внизъ. „Погодите, не такъ скоро, напрасно подведете людей подъ вѣрные пули.“ Въ это время молодой казакъ, пораженный прямо въ сердце, упалъ возлѣ насъ; мгновенная смерть не успѣла стереть улыбки съ его лица. „Какой завидный конецъ! воскликнулъ Албрандъ:—зачѣмъ злая судьба поразила его, а не меня!“ На это нечего было отвѣчать, у каждаго своя охота. Между адъютантами корпуснаго командира замѣтнѣе другихъ былъ все-таки А. Е. Врангель, и я очень его любилъ за его всегдашнюю привѣтливость, проистекавшую отъ непритворно доброжелательной души. Часто сходилъ я также съ Давыдомъ Дадіаномъ, сыномъ мингрельскаго владѣтеля, молодымъ, довольно изнѣженнымъ мальчикомъ, не переносившимъ виду крови, а съ

моимъ стариннымъ пріятелемъ Пикаловымъ видѣлся, не проходило дня, въ палаткѣ, на походѣ, или на батарее подъ непріятельскимъ огнемъ.

Кази-Мегметъ уберется отъ насъ. Чеченцы хотѣли его удержать въ аулѣ, когда подошли русскія войска, но онъ, сомнѣваясь въ успѣхѣ, увернулся отъ нихъ хитростію: ему вдругъ явилось внушеніе свыше что Аллахъ не даруетъ побѣды своимъ многогрѣшнымъ поклонникамъ, ежели онъ, его имамъ, не станетъ во время бою молиться за нихъ надъ текучею водою, а рѣчка находилась за ауломъ. Не дерзая ослушаться боговдохновеннаго человѣка, они выпустили его къ водѣ. Тогда онъ приказалъ имъ непременно отразить Русскихъ, обѣщая въ такомъ случаѣ довершить ихъ со своими Лезгинами и ни одного человѣка не выпустить живымъ изъ чеченской земли. Когда, по взятіи нами Герменчуга, Чеченцы принялись обвинять его во лжи, онъ отвѣтилъ имъ что вина принадлежитъ имъ, ибо сражался безъ вѣры и упованія, они впустили Русскихъ въ селеніе и тѣмъ отняли у него возможность исполнить волю Аллаха. Однако въ скоромъ времени онъ заплатилъ намъ за герменчугскую удачу и снова поднялся на прежнюю высоту богоугодности въ глазахъ легковѣрныхъ горцевъ.

Шесть дней простояли мы возлѣ Герменчуга, разоряя селеніе и поджидая возвращенія колонны отправленной съ ранеными въ крѣпость Грозную, откуда она должна была привезти почту, провіантъ и снаряды. Засея уѣхалъ въ Науръ, главную станицу Моздокскаго казачьяго полка, лѣчить свою рану. Время проходило не весело, въ сравнительномъ бездѣйствіи, и одинъ только эпизодъ подалъ нѣсколько новую пищу для разговора. Лѣкарь потерявшій рассудокъ во время штурма бѣжалъ къ Чеченцамъ которые, какъ всѣ мусульмане, идіота считаютъ существомъ неприкосновеннымъ. Забравшись къ нимъ, онъ счелъ обиднымъ что его не потчуютъ пуншемъ, и за это сталъ ихъ ругать и даже бить. Чеченцы, желавшіе избавиться отъ такого безпокойнаго гостя, прислали въ лагерь переговорщика съ предложеніемъ развѣшать доктора на нѣкоторыхъ Лезгинъ захваченныхъ въ Герменчугѣ.

— Какъ, развѣшать этого доктора? сказалъ Вельяминовъ, призвавъ Чеченца:—напротивъ того, я пошлю къ вамъ въ

лѣсъ еще нѣсколько такихъ субъектовъ, у меня имѣется въ запасѣ не одинъ идіотъ.

Чеченцы до того испугались этого обѣщанія, что на другой день привели доктора въ лагерь безъ всякаго условія.

Перваго сентября мы двинулись отъ Герменчуга къ селенію Автури и опять въ лѣсу имѣли сильную перестрѣлку; тутъ наши казаки отбили сотни двѣ рогатой скотины которую непріятель не успѣлъ загнать въ лѣсъ. При этомъ случаѣ моздокскій казакъ показалъ примѣръ необыкновенной ловкости и силы. Трехлѣтній быкъ, впереди стада, стрѣлой несся въ лѣсъ, казаки и Татары напрасно старались его догнать. Тогда Линеецъ, на доброй лошади, опередилъ прочихъ, настигъ быка и на всемъ скаку нанесъ ему пашкой два удара, одинъ по заднимъ ногамъ, отъ котораго онъ припалъ, другой по шеѣ, отъ котораго голова покатила въ землю. Дѣло случилось на моихъ глазахъ. Однимъ ударомъ срубленную голову животного отнесли къ корпусному командиру, который приказалъ подарить казаку три червонца за его молодецкую силу. Черкесы вообще умѣли хорошо владѣть конемъ и оружіемъ, но и наши линейскіе казаки не уступали имъ въ этомъ дѣлѣ. Спустя два года я имѣлъ случай видѣть на Кубани другой примѣръ казацкой удалости, о которомъ стоить упомянуть. Вдоль праваго берега Кубани тянется рядъ кургановъ на которыхъ во время дня помѣщались сторожевые парные пикеты. Саженой сто позади кургановъ проходила почтовая дорога. Существовалъ порядокъ по которому, когда начальникъ ѣдетъ по дорогѣ, одинъ казакъ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ, а другой скакать наперерѣзъ начальническаго экипажа и рапортовать о томъ что замѣчено. Однажды я проѣзжалъ вмѣстѣ съ Зассомъ по кубанскому кордону которымъ онъ командовалъ въ то время. Коляска неслась во всю прыть отличныхъ почтовыхъ лошадей. Казакъ съ ближайшаго кургана поскакалъ къ намъ навстрѣчу, вдругъ, не останавливая коня, сдѣлалъ вольтъ, выхватилъ изъ чехла винтовку, далъ выстрѣлъ, и на второмъ вольтѣ поднявъ съ земли какой-то предметъ, продолжалъ скачку. Когда онъ поровнялся съ коляской, мы разглядѣли у него въ рукѣ застрѣленного зайца; теплая еще кровь доказывала что штука была не подготовлена заранее, а онъ дѣйствительно убилъ лежачаго зайца на котораго случайно натѣхалъ.

Въ Автурн дошло до насъ весьма непріятное извѣстіе о сильномъ пораженіи которое Кази-Мулла нанесъ Гребенскимъ казакамъ въ недалекомъ разстояніи отъ Терека. Дней шесть спустя послѣ герменчугскаго дѣла онъ показался съ значительною партіей по правую сторону Терека, въ виду станицы Червленной. Командиръ полка переправился за рѣчку съ тремя сотнями казаковъ и двумя конными орудіями и пошелъ навстрѣчу непріятелю. Чеченцы стали отступать и завлекли полковника Волжинскаго въ лѣсъ, находившійся отъ нашей границы далѣе двадцати верстъ, окружили тамъ заранее спрятанною пѣхотой и разбили на голову его отрядецъ. Не болѣе половины казаковъ уцѣлѣли отъ побойща; Волжинскій палъ жертвой своей неосторожности, и оба орудія были потеряны. Непріятель не мѣшкая увезъ ихъ въ селеніе Беной, лежащее въ нагорной Чечнѣ, извѣстной на Кавказѣ подъ именемъ Ичкеры. Всѣ, безъ исключенія, приняли къ сердцу эту неожиданную неудачу. Вельяминовъ хмурился, молчалъ, думалъ, и сидя на барабанѣ предъ палаткой, только ладонью смахивалъ пыль со своихъ рыжеватыхъ бакенбардъ, заслужившихъ ему у Черкесовъ названіе генерала-плижера (краснаго генерала), и обчищалъ рукава и полы у своего сюртука. Онъ былъ очень опрятенъ и не терпѣлъ на себѣ ни пылинки; въ то же время любилъ онъ собакъ до крайности. Въ минуту досады только собака могла его развеселить своими ласками. Ей позволялось прыгнуть на него съ грязными лапами, замарать платье, лизнуть куда попало; онъ начиналъ ее гладить, называть по имени, и пасмурное лицо его прояснялось. Между собаками, бѣжавшими за отрядомъ, фаворитомъ его былъ большой черный „Приблудъ“, принадлежавшій батареѣ кавказской гренадерской бригады. И дѣйствительно, Приблудъ былъ умная и вѣрная собака, не измѣнявшая своимъ кормильцамъ артиллеристамъ и понимавшая вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе своего покровителя, къ которому она никогда не пропускала явиться, виляя хвостомъ, только онъ займетъ свое мѣсто предъ огнемъ. Но тутъ всѣ ласки, всѣ прыжки Приблуда, котораго съ намѣреніемъ подгоняли къ Вельяминову, теряли свою успокоительную силу; онъ продолжалъ хмуриться и думать не говоря ни слова. Результатъ его размышленій и частыхъ совѣщаній съ корпуснымъ командиромъ обнаружился, наконецъ, и для насъ, хотя не прежде самой минуты выступленія. Алексѣй

Александровичъ вообще былъ несообщителенъ и отнюдь не любилъ огласки своихъ военныхъ замысловъ. На Кавказѣ очень былъ извѣстенъ отвѣтъ который онъ далъ одному любопытному дивизионному командиру спросившему у него однажды, на походѣ за Кубанью, куда идти. „Про то вѣдаетъ барабанщикъ, онъ ведетъ; спросите у него, ваше превосходительство, а я ничего не знаю.“ Изъ походныхъ приготовленій мы поняли что рѣшено идти въ Ичкеру, отнять потерянные орудія и разорить Дарго гдѣ Кази-Мегметъ, проживавшій въ Гимрахъ, основалъ себѣ одновременно вторую осѣдлость. Для этой цѣли Вельяминовъ отдѣлилъ отъ отряда: два баталіона Бутырцевъ, баталіонъ Московцевъ, баталіонъ 40-го и баталіонъ 41-го егерскихъ полковъ, да два баталіона эриванскихъ карабинеровъ, съ ротой саперъ. Изъ нерегулярной пѣхоты пошелъ съ нами Грузинскій полкъ. Соображаясь съ лѣсистою горною мѣстностью, на которой намъ приходилось дѣйствовать, Вельяминовъ повелъ при пѣхотѣ только четыре горныя орудія, двѣ мортирки, два легкія орудія въ шесть лошадей, къ нимъ по одному зарядному ящику въ пять лошадей и два запасныя лафета, да одну сотню линейскихъ казаковъ и сотню конныхъ Татаръ. Пятьдесятъ воловьихъ аровъ везли за отрядомъ провіантъ, съ тѣмъ чтобы на обратномъ пути поднять раненыхъ и больныхъ. Численность этого отряда превышала съ небольшимъ четыре тысячи пятисотъ человѣкъ. Малое число артиллеріи, кавалеріи, казеннаго обоза и офицерскихъ выюковъ, сокращенныхъ до нельзя, много уберегла насъ отъ неудачи какую въ 1845 году понесъ въ Ичкеринскихъ горахъ князь Воронцовъ, у котораго отрядъ былъ загроможденъ кавалеріей и артиллеріей, нигдѣ не находившими мѣста дѣйствовать и увеличивавшими только протяженіе колонны на тѣсныхъ лѣсныхъ дорогахъ. Остальная часть нашей пѣхоты, съ обозомъ, артиллеріей и со всею кавалеріей, должна была въ послѣдствіи перейти чрезъ Сунжу, по направленію къ Герзель-аулу, и ожидать приказанія гдѣ остановиться.

Т.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗИИ *

VIII.

Утренняя заря не показалась еще на горизонтѣ, когда ударили подъемъ 7-го сентября. Тяжелая минута вставать до разсвѣта подъ полотнянымъ навѣсомъ палатки. Свѣжо, не хочется покинуть теплую постель, а спать невозможно: барабанъ безъ умолку стучить надъ самымъ ухомъ. Полы палатки откидываются, холодный утренній вѣтеръ проникаетъ подъ одеяло, жмешься и тоскливо глядишь на картину вялаго пробужденія лагеря. Солдаты вылезаютъ изъ тѣсныхъ палатокъ, или начинаютъ подыматься съ росистой травы, если стояли бивакомъ, обтряхиваютъ шинели, обвиваютъ портянками босую ногу, натягиваютъ сапоги, потомъ надѣваютъ подсумки и застегиваютъ ранцы. Все это, потягиваясь, зѣвая, и съ легкою побранкой на раннее время, на холодъ, на климатъ вообще, а случается, и на начальство. Кое-гдѣ, надъ догорающимъ костромъ, деньщикъ или казакъ, присѣвъ на корточки, наблюдаетъ за чайникомъ, въ которомъ кипятится вода для господскаго чаю. Лошади ржутъ и нетерпѣливо бьютъ копытомъ въ ожиданіи утренней дачи. А барабанщикъ все продолжаетъ обрабатывать туго натянутую теллячью кожу. Входитъ деньщикъ, въ одной рукѣ кувшинъ холодной воды, въ другой стаканъ горячаго чаю. Вскочить

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 1, 2 и 3.

на ноги, ополоснуться, одѣться, перекинуть шашку чрезъ плечо и сѣсть предъ палаткой съ чаемъ и трубкой не требуетъ болѣе пяти минутъ. Тѣмъ временемъ укладываютъ вещи, снимаютъ палатку и выючатъ лошадей; говоръ и суета возрастаютъ съ каждою минутой. „Ну, шевелись, ребята!“ кричитъ унтеръ-офицеръ, „живо разбирай ружья; ранній походъ, будетъ работа, такое ужь заведеніе у начальства. Чай и Чеченда барабанъ разбудилъ. Окаянный притаился за кустомъ, да и ждетъ!“ Кавалерія сѣдлаетъ лошадей, орудія запрягаютъ. Сидишь, смотришь на все это движеніе полусонными глазами, глотаешь горячій чай и пускаешь на воздухъ клубы синяго дыма. Въ подобную минуту человѣкъ менѣе всего занятъ размышленіемъ, если на немъ не лежитъ какая-нибудь особенная служебная обязанность; да и ту онъ исполняетъ машинально, по принятой привычкѣ. Нужны солнечный лучъ или сильный толчокъ со стороны чтобы разбудить въ немъ усыпленные душевныя силы. Баронъ Григорій Владиміровичъ въ фуражкѣ безъ козырька, шинель въ рукава, садится на свои походныя кресла и заботливымъ глазомъ начинаетъ слѣдить за уборкой лагеря. Вольховскій, въ камыцкомъ ерпакѣ, хлопочетъ съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, подзываетъ полковыхъ командировъ, спрашиваетъ лазутчиковъ, подписываетъ бумаги на спинѣ казака, подставленной вмѣсто мюитра. Помню какъ онъ морилъ и меня, приказывая будить ночью, и въ своей палаткѣ, безъ огня, спрашивая по получасу о дорогѣ, о количествѣ запаснаго провіанта, патроновъ и снарядовъ, и какъ укорялъ когда я не былъ въ состояніи положительнымъ образомъ отвѣчать на каждый вопросъ. Дѣло офицера генеральнаго штаба, говорилъ онъ въ такомъ случаѣ, заботиться обо всемъ, знать все что касается до состава войскъ и до снабженія припасами всякаго рода; для этого ему открыта канцелярія и предоставлено право спрашивать проводниковъ и получать свѣдѣнія отъ начальниковъ частей.

Позже начинаютъ составляться офицерскіе кружки для распиванія чаю, съ приправою толковъ о томъ куда идутъ и чего можно ожидать отъ наступающаго похода. У кого деньщикъ опоздалъ его заварить или не достало припасовъ, идетъ къ товарищамъ. Русскіе офицеры живутъ дружно, все дѣлятъ пополамъ: и табакъ, и вино, и чай, и сахаръ. Приходи только за табакомъ съ своею трубкой,—въ то время

не знали папиросокъ, — а къ чаю со своимъ стаканомъ и собственнымъ кипяткомъ; время предъ выступленіемъ дорого, а мѣдные походные чайники обыкновенно очень малы. Въ этотъ разъ мнѣ не удалось долго предаваться предразсѣтному безмыслию, ни толкамъ и расписанію чаю въ компаніи товарищей. Вельяминовъ приказалъ мнѣ идти въ головѣ колонны съ проводниками, которые должны были вести насъ чрезъ Маюртунскій лѣсъ, по дорогѣ къ Бѣлготю. Ударилъ подъемъ, отрядъ началъ строиться, со всѣхъ сторонъ стали стягиваться баталіоны, артиллерія вѣхала въ свои мѣста, застрѣльщики вышли впередъ и растянулись длинною нитью по обѣ стороны густой массы войскъ. Въ это время показалась заря, и скоро послѣ того солнце заиграло яркими лучами на штыкахъ солдатскихъ ружей. Предъ нами чернѣлся Маюртунскій боръ. Встрѣтимъ ли мы тамъ непріятеля и въ какомъ числѣ, никому не могло быть извѣстно. Лѣсную опушку заняли обыкновеннымъ порядкомъ, обстрѣлявъ ее сперва картечью. Чеченцы ни однимъ выстрѣломъ не отозвались на нашъ огонь. Отрядъ вошелъ безъ сопротивленія въ глубину лѣса, черезъ который змѣилась арбяная колея, пробиваясь сквозь кустарникъ и тѣсный лабиринтъ вѣковыхъ гигантовъ, на каждомъ шагу загораживавшихъ дорогу своими нависшими сучьями. Глубокая тишина нарушалась только шелестомъ листьевъ отъ застрѣльчиковъ пробиравшихся сквозь чащу и изрѣдкабрякнувшимъ ружьемъ. Версты двѣ отъ входа въ лѣсъ лежало поперекъ дороги дерево огромной толщины. Чеченцы, прикрываясь имъ, встрѣтили убійственнымъ залпомъ нашихъ передовыхъ застрѣльчиковъ. Резервъ ударилъ въ штыки, авангардная рота поддержала его, непріятель бросилъ засаду, но съ той минуты загорѣлась сильная перестрѣлка. Для провоза артиллеріи и обоза, надо было очистить дорогу отъ баррикады. Саперы, шедшіе въ головѣ колонны, принялись за работу; стукъ топоровъ смѣшался съ перекатами ружейнаго огня. Чеченцы, засѣвшие на деревьяхъ, необычайно мѣтко стрѣляли съ высоты по рабочимъ, которыхъ имъ легко было видѣть; саперы за саперомъ падали убитые или раненные. Солдата три катались по землѣ въ страшныхъ судорогахъ и ревѣли отъ боли, получивъ самыя мучительныя раны которыя только могутъ поразить человѣка. Саперы бросили топоры и спрятались за деревья. Тогда капитанъ Богдано-

вичъ, схвативъ одинъ изъ брошенныхъ топоровъ, сѣлъ на лежащее дерево и принялся рубить со всего плеча, такъ что только щепки летѣли во всѣ стороны, приговаривая: „если солдатамъ припала охота по-бабьи пробавляться въ холодку, то чтобы не нажить стыда, кому же за нихъ работать какъ не командиру?“ Неглупые солдаты поняли сарказмъ, постыдились своей минутной робости и приступили къ дереву съ удвоеннымъ усиліемъ. Богдановичъ, чтобы отвлечь мысли работавшихъ отъ опасности, совершенно открытый для непріятельскихъ выстрѣловъ, стоялъ на завалѣ, и посвистывая и постукивая каблуками, забавлялъ солдатъ побасенками и прибаутками, которыя онъ мастеръ былъ говорить. Работа уже подходила къ концу, когда Вельяминову удалось пробраться до насъ по тѣсной дорогѣ и привести грузинскихъ милиціонеровъ, которые, рассыпавшись по лѣсу, отогнали Чеченцевъ. Двѣнадцать саперовъ однако успѣли выбыть изъ строя, не считая пѣхотныхъ солдатъ подстрѣленныхъ въ цѣли. На этомъ дѣло не остановилось въ Майортунскомъ лѣсу. Около пяти верстъ мы прошли изрѣдка мѣняясь выстрѣлами съ непріателемъ всюду уступавшимъ дорогу, потомъ снова усилилась перестрѣлка съ нашей правой стороны. Принуждены были усилить боковое прикрытіе цѣлымъ баталіономъ, потому что оно набрело на чеченскіе кутаны, то-есть шалаши, въ которыхъ они спрятались въ лѣсу свои стада и семейства. Тутъ дѣло, дошедшее до штыковъ и до шашекъ, кончилось тѣмъ что съ той и съ другой стороны пали десятка два, и наши солдаты успѣли захватить разные съѣстные припасы и кое-какое совершенно безцѣнное тряпье. Въ плѣнъ отдались нѣсколько стариковъ и беззубыхъ старухъ: всѣ Чеченцы и Чеченки обладавшіе здоровыми и молодыми ногами поуходили въ такую чащу, куда бесполезно было за ними гнаться. Предъ захожденіемъ солнца мы вышли на открытое возвышеніе, у подножья котораго, съ восточной стороны, текла рѣка Гудермесъ, и расположились лагеремъ.

Въ началѣ почти три пѣхотные баталіона, грузинская милиція и четыре горныя орудія, подъ командой Вольховскаго, были отправлены занять деревню Бѣлготой, отъ которой дорога раздѣлялась, на югъ—въ Дарго, а на востокъ—въ Беной, куда Чеченцы завезли орудія отнятыя у гребенскихъ казаковъ, полагая ихъ въ этомъ мѣстѣ недосыгаемыми для

русскихъ войскъ, никогда еще не проникавшихъ такъ далеко въ чеченскія горы. Несмотря на неожиданность этого движенія и на ночное время, непріятель подмѣтилъ его и съ упорствомъ защищалъ переправу чрезъ Гудермесь. Когда мы днемъ пошли по слѣдамъ Вольховскаго, вся дорога была усыяна патронами, растерянными нашими солдатами во время ночной перестрѣлки, что ясно доказывало нелѣпость подсумка привѣшеннаго позади спины.

Такъ какъ, на забаву легкомысленнаго человѣчества, нѣтъ такого серіознаго, даже драматическаго положенія, которое бы совершенно обошлось безъ комической интермедіи, такъ и на этомъ переходѣ случай, грозившій сначала свергнуть въ нешуточную бѣду всѣми уважаемаго человѣка, потомъ обратился въ сцену возбуждившую всеобщій хохотъ. Нашего почтеннаго барона Григорія Владиміровича на волосъ не столкнулъ въ оврагъ его собственный ординарецъ. Этотъ господинъ состоявшій при немъ, кажется, по поводу родственныхъ связей, отъ природы былъ одаренъ спеціальнымъ свойствомъ: съ наивностью новорожденнаго дѣлать всевозможныя неловкости. Да и на него самого, какъ шишки на бѣднаго Макара, сыпались самыя забавныя несчастія. Не только въ штабѣ, во всемъ отрядѣ его знали съ этой увеселительной стороны; къ сожалѣнію, однако, его наивныя проделки не всегда обходились безъ изъязренія для другихъ.

Палатка ли, развалившись, покрывала своего жильца; лошади ли неслась съ подвернувшимся выюкомъ, разметывая по полю чемоданы, кастрюли, бутылки, или кричали „берегись! жеребчикъ сбиваетъ сѣдока!“ не справляясь говорили: „это новое приключеніе съ Н“. Еще въ Тифлисѣ, до выступленія въ походъ, разнесся однажды слухъ, будто деньщикъ едва не отравилъ его. Тотчасъ навели справку, и оказалось, что дѣло совершилось безъ всякаго преступнаго намѣренія. Онъ отлично картонировалъ, безпрестанно занимался этимъ искусствомъ, и деньщику только и приходилось что подавать ему потребные для того припасы. Н. заболѣлъ лихорадкой, и когда онъ спросилъ прописаннаго докторомъ лѣкарства, вѣрный слуга, по неизмѣнной привычкѣ, подалъ ему вмѣсто микстуры полную ложку спиртоваго лака. Другой разъ, вернувшись изъ путешествія, Н. долгое время не могъ показаться въ люди, потому что лицо его опухло страшнымъ образомъ—отъ порѣзанныхъ десенъ. Подобную рану нанести,

кажется, не легко; она прилась ему однако самымъ натуральнымъ способомъ: сидя на почтовой телегѣ, во время ѣзды, онъ вздумалъ чистить зубы перочиннымъ ножомъ.

Въ Галгаевскую экспедицію Н. доставилъ намъ удовольствіе столько же забавнаго, сколько необыкновеннаго зрѣлища, въ которомъ онъ разыгралъ роль не совсѣмъ завидную для джентельмена; но ему, ради душевной невинности, отпускались такіе грѣхи, за которые другаго строго бы осудили. Не отыскавъ другаго товарища, онъ помѣстился въ палаткѣ у Гайты-баши, стараго Турка, котораго мы, не зная право для чего, провели съ его конвоемъ по Галгаевскимъ горамъ. Дней пять этого сожителства обошлись безъ приключенія, хотя доброму мусульманину очень не нравились нѣкоторые свинымъ мясомъ отзывавшіеся походные припасы господина Н.; на шестой день разразилась буря. Корпусный командиръ, со всѣмъ штабомъ, сидѣлъ на холму въ ожиданіи насладиться видомъ солнечнаго восхода въ горахъ. У нашихъ ногъ разстился рядъ палатокъ, которыя мы готовились покинуть, потому что, какъ помню, это было въ Шуани; между ними выше всѣхъ красовалась зеленая, круглая палатка, вмѣщавшая Гайта-баши съ его товарищемъ. Турокъ творилъ утренній намазъ, до насъ долеталъ монотонный напѣвъ его молитвы. Вдругъ онъ смѣнился яростнымъ вскрикомъ; Н., до пельзы сконфуженный, выскочилъ изъ палатки, и слѣдомъ за нимъ полетѣли чемоданы, кофейникъ, чайникъ, подушка и другія походныя принадлежности, которыя онъ, съ призванными на помощь казакомъ и деньщикомъ, поспѣшно сталъ подбирать. Это требовало поясненія, и мы не долго топились въ неизвестности. Н. пошутилъ съ Гайта-баши: пока тотъ молился, онъ его мазнулъ по губамъ колбасой—за что со срамомъ былъ изгнанъ изъ-подъ гостепріимнаго крова зеленой палатки. Корпусный командиръ подозвалъ его, спросилъ какъ было дѣло, сильно побранилъ, и кончилъ свою наставительную рѣчь весьма нелестнымъ заключеніемъ:— „à présent je vois que vous êtes un sot.“ Н. вытаращилъ только глаза, а впрочемъ это начальническое рѣшеніе скользнуло съ него какъ съ гуся вода.

Давно бы перестали помнить эти продѣлки, но Н. не дремалъ; въ Чечнѣ, на первыхъ же порахъ, онъ позаботился напомнить о себѣ. Гдѣ-то на привалѣ Вельяминовъ давалъ завтракъ для корпуснаго командира; вокругъ стола

сидѣли на барабанахъ, и нѣсколько ихъ стояло въ сторонѣ для опоздавшихъ офицеровъ. Когда N. подъѣхалъ верхомъ къ самому столу, Алексѣй Александровичъ не замедилъ сдѣлать ему приглашеніе слѣзть и приступить къ закускѣ. Пять минутъ спустя за нашею спиной раздался чрезвычайно громкій, но необычный стукъ барабана. Въ то же время со всѣхъ концовъ кричали: „держи! держи!“ Всѣ оглянулись и — расхохотались: сцена того стоила. Чья-то лошадь мотала барабаномъ висѣвшимъ у нея на поводу, била его объ землю, металась во всѣ стороны, дыбилась, лягала, и чѣмъ болѣе прыгала, тѣмъ сильнѣе гремѣлъ барабанъ и увеличивалъ страхъ бѣднаго животного. Насилу овладѣли ея бѣшенствомъ. „Что за чудное дѣло, чья это лошадь?“ спросилъ Вельяминовъ. „Моя“, отозвался плачевнымъ голосомъ N. Не отыскавъ кому передать лошадь, имѣя предъ собой соблазнительный завтракъ, онъ привязалъ ее къ одному изъ запасныхъ барабановъ. Нѣсколько минутъ конь простоялъ наклонивъ голову, потомъ попытался ее поднять: барабанъ слегка пристукнулъ; мотнулъ мордой: барабанъ загремѣлъ; тогда онъ поднялся на дыбы, и началась потѣха.

Всѣмъ извѣстный турецкій жеребчикъ, котораго онъ вѣчно лѣчилъ весьма странными симпатическими средствами отъ не существовавшей порчи, не имѣлъ привычки повиноваться удиламъ, а возилъ его по собственному воззрѣнію, куда ему правилось. Пошлютъ направо, онъ несетъ его, очертя голову, налѣво. Наканунѣ выступленія, въ одну изъ такихъ скачекъ, онъ сбросилъ съ лошади раненаго въ руку князя Кирбека.

Въ послѣднее время N., въ самую минуту выступленія, уловчился вымѣнять у какого-то нѣхотнаго офицера лошадь, складомъ шеи и къ верху задранной головы близко походящую на верблюда. Гордая осанка коня очень понравилась ему, и онъ пересѣлъ на него съ видимымъ удовольствіемъ. Прошло часа два со времени этого счастливаго промѣна; мы подвигались по высокому и узкому гребню, на которомъ двѣ лошади съ трудомъ могли идти рядомъ. Корпусный командиръ имѣлъ возлѣ себя Вельяминова, съ которымъ говорилъ о чемъ-то занимательномъ, поглощавшемъ все его вниманіе. Въ свитѣ сдѣлалась вдругъ тревога. N. несся на лошади, задравшей голову вертикально къ облакамъ, растол-

какъ народъ направо, налѣво, и пролетѣвъ между барономъ Розеномъ и Вельяминовымъ, перваго изъ нихъ задѣлъ съ такою силой, что лошадь его, поскользнувшись, задомъ повисла надъ обрывомъ. Вельяминовъ, схвативъ ее за поводъ, успѣлъ спасти барона отъ рѣшительнаго паденія, которое бы навѣрное не обошлось ему безъ поломанныхъ костей, а можетъ-быть, стоило бы и жизни. Въ десяти шагахъ отъ мѣста происшествія, рыный конь N. ткнулся мордой въ землю и наѣздникъ поневолѣ, описавъ высокую дугу, полетѣлъ ему чрезъ голову. Добрый Григорій Владиміровичъ, оправившись отъ неожиданнаго испуга, при видѣ этой сцены не удержался отъ смѣха, и наградилъ его только комплиментомъ: „je vois, je vois, vous avez un nouveau cheval, tout rempli de belles qualités comme vous même“. Горемычная звѣзда, подъ которою родился N., не помѣшала ему однако подвигаться, равняясь со всѣми, на поприщѣ службы, и даже за нашу экспедицію попасть въ гвардію. Бабушка, либо тетюшка для него ворожили.

Помѣчая на бумагѣ впечатлѣнія давно прошедшей молодости, по мѣрѣ того какъ они возобновляются въ моей памяти, я не упустилъ разказать и о забавныхъ похожденіяхъ господина N., въ доказательство что мы не всегда были заняты одними побойцами и нерѣдко имѣли случай отвести душу на пустякахъ и посмѣяться, какъ смѣются только въ тѣ годы въ которые человека веселитъ каждый вздоръ.

Однако пора возвратиться къ разказу объ Ичкеринской экспедиціи.

На другой сторонѣ рѣки Аксай, чрезъ которую слѣдовало идти въ Беной, возвышался крутой, сплошнымъ лѣсомъ покрытый гребень. Тѣсная дорога; заваленная деревьями въ двадцати мѣстахъ, поднималась на высоту, пролегая вдоль ската обращеннаго къ рѣкѣ. Сто шаговъ надъ нею тянулся по горѣ крѣпкій заваль, сильно занятый непріятелемъ. Когда мы со всѣмъ отрядомъ стали на позицію надъ крутымъ скатомъ къ рѣкѣ, тогда только Вельяминовъ разрѣшилъ Вольховскому идти къ переправѣ съ войсками, наканунѣ отданными въ его распоряженіе. Два легкія орудія, наша единственная полевая артиллерія, открыли огонь по противоположному завалу; Пикаловъ командовалъ ими, самъ командиръ, Э. В. Бриммеръ, направлялъ выстрѣлы; рѣдкій снарядъ не попадалъ, но это нисколько не смущало

горцевъ; деревья, изъ которыхъ они сплотили себѣ оборону, побѣдоносно выдерживали огонь нашей немногочисленной артиллеріи. Мы видѣли съ нашего берега какъ колонна переправилась чрезъ Аксай, и медленно поднимаясь въ гору, исчезла въ густомъ лѣсу. Охо непрерывнаго ружейнаго огня разнеслось по горамъ; путь колонны обозначился двумя дымовыми полосами; огни сверкали съ завала внизъ, съ дороги вверхъ. Иногда дымъ, не подвигаясь, начиналъ клубиться на мѣстѣ, сливался въ одно облако, сухой, отрывистый звукъ непріятельскихъ выстрѣловъ покрывалъ шумную трескотню солдатскихъ ружей; вѣтерокъ переносилъ къ намъ пронзительное гиканье Чеченцевъ, перемѣшанное съ русскимъ ура. Тогда Пикаловъ тотчасъ начиналъ посылать ядра въ дымовую глыбу, нашимъ чрезъ голову, и ни одно не ложилось куда не слѣдовало. Артиллеристы Кавказской гренадерской бригады имѣли вѣрный глазъ и знали хорошо свое дѣло. Дымовой клубъ опять разматывался въ двѣ волнистыя ленты, препятствіе было уничтожено, отрядъ подавался впередъ. Не долго непріятель безнаказанно пользовался выгодами своей, казалось, непреодолимой позиціи; скоро обозначилась на горѣ, поверхъ завала, новая полоса дымковъ. Грузинскіе милиціонеры обошли его, и по мѣрѣ того какъ они проникали сквозь чащу, Чеченцы были принуждены уходить. Предъ вечеромъ мы имѣли утѣшеніе видѣть какъ наши войска стали собираться на открытой вершинѣ горы. Лѣсъ былъ пройденъ, успѣхъ предпріятія почти вѣренъ; вопросъ заключался только въ томъ, найдутся ли орудія въ Беноѣ, и не успѣетъ ли непріятель увезти ихъ еще дальше въ горы.

Въ этотъ день одно счастье спасло Вольховскаго отъ смерти. Колонна остановилась на половинѣ подъема, ожидая пока рассчитать два завала, одинъ отъ другаго не далѣе двухсотъ шаговъ. На каждомъ изъ нихъ работали по двѣ роты, стараясь столкнуть подъ гору огромныя колоды, которыми была загромождена дорога. Не обращая вниманія на предостереженіе Богдановича, совѣтовавшаго не идти безъ конвоя, онъ пошелъ къ передовому завалу съ однимъ юнкеромъ Шюевымъ, Армяниномъ, находившимся при немъ въ должности безсмѣннаго ординарца. Когда онъ удалился шаговъ на двадцать отъ первой баррикады, Богдановичъ, распорядившійся расчисткой, по какому-то необъяснимому побужденію послалъ за нимъ трехъ саперовъ, несмотря на

запрещеніе давать ему провожатыхъ. На половинѣ дороги между двумя завалами, въ виду всѣхъ, около десятка Чеченцевъ неожиданно выскочили изъ кустовъ, мгновенно изрубили саперовъ, которые встрѣтили ихъ штыками, и погнались за начальникомъ штаба. Ни съ какой стороны нельзя было стрѣлять, не рискуя убить самого Вольховскаго; въ время подоспѣть казалось также невозможнымъ; въ нѣскольکو секундъ его могли догнать и изрубить въ куски. Шіоевъ его спасъ. Онъ загородилъ Чеченцамъ дорогу и приложился въ нихъ, не выпуская заряда. Пока они колебались кому идти на вѣрную смерть, солдаты успѣли подбѣжать. Тогда Чеченцы скрылись въ лѣсъ, такъ же быстро какъ они изъ него вынырнули. Не будь саперовъ которые, жертвуя собою, на нѣсколько мгновеній остановили непріятеля, да Шіоева, Вольховскій не пережилъ бы этого случая.

На другой день, предъ полуднемъ, мы получили первое извѣстіе отъ Вольховскаго. Лазутчикъ пробрался къ намъ въ лагерь съ запиской, въ которой онъ увѣдомлялъ о возвращеніи потерянныхъ орудій, найденныхъ въ глухомъ оврагѣ, куда они были спрятаны бенойскими жителями. Эта новость произвела всеобщую радость въ отрядѣ. Хотя орудія сами по себѣ не стоили всѣхъ трудовъ, жертвъ и издержекъ на добытіе ихъ, однако не слѣдовало оставлять подобнаго трофея въ рукахъ у горцевъ, и не дурно было имъ въ то же время дать урокъ въ томъ что отбивать у насъ артиллерию вовсе не выгодно. При обратномъ слѣдованіи Вольховскаго по Аксаевской горѣ повторилось вчерашнее дѣло, съ тою только разницею, что непріятель, будучи лишень возможности держаться въ завалѣ, устроенномъ продольно надъ дорогой, сильно наслѣдалъ на арріергардъ, и возлѣ самаго спуска къ рѣкѣ успѣлъ даже отрѣзать полроты, которую Резануловъ выручилъ не безъ труда.

Десятаго сентября войска отдыхали, исподоволь скашивая поля, вырубая сады и разоряя бѣготойскія сакли. Чеченцы по одиночкѣ перестрѣливались съ лагерною цѣпью, выѣзжали изъ лѣсу поджигитовать съ казаками и Татарами, но нигдѣ не показывались въ большомъ числѣ, приберегая свои силы на честные проводы, когда мы пойдемъ обратно. Наканунѣ у насъ были убиты нѣсколько солдатъ и три татарскіе милиціонера. Ихъ похоронили на мѣстѣ прежней стоянки надъ Аксаемъ, подъ бывшими коновязями, какъ было

принято, съ цѣлю прятать могилы отъ Чеченцевъ, не хотѣвшихъ терпѣть въ своей землѣ даже нашихъ мертвецовъ. Въ ночь Чеченцы отрыли тѣла, и осквернивъ, выбросили наружу. Татаръ это озлобило до такой степени, что полдесятка ихъ цѣлое утро пролежали въ засадѣ, и захвативъ живьемъ Чеченца подкрадывавшагося къ лагерю, притащили его къ свѣжей могилѣ своихъ товарищей и тамъ срѣзали ему голову, несмотря на брань, угрозы и даже дѣйствительные побои отъ вблизи случившихся русскихъ офицеровъ.

На другой день Вельяминовъ съ половиной отряда двинулся разорить Дарго. * Чрезъ Аксай слѣдовало переправиться четыре версты выше того пункта на которомъ Вольховскій переходилъ въ Беной. Глубокій и крутой оврагъ отдѣлялъ Дарго отъ Бѣлготоя. На другой сторонѣ раскрывалась обширная, совершенно ровная площадь, покрытая полями, садами и домами широко раскинутого селенія. Со всѣхъ сторонъ она была окружена лѣсомъ и горами. Полевая орудія пришлось спускать подъ гору снявъ съ передка и затормозивъ сучковатыми срубами, къ которымъ они были прикрѣплены канатами за лафетный хоботъ. Тутъ мы сдѣлались свидѣтелями эпизода, возможнаго только въ кавказской горной войнѣ. Хотя непріятель и отказался отъ всякаго прямого сопротивленія, выжидая когда мы станемъ отступать; однако нашелся Чеченецъ который, наперекоръ пословицѣ что одинъ въ полѣ не воинъ, съ помощію Аллаха и своей винтовки рѣшился защищать переправу чрезъ Аксай. Онъ засѣлъ на противоположномъ скатѣ горы за толстымъ пнемъ и открылъ огонь по людямъ, медленно спускавшимъ орудія на совершенно открытой дорогѣ. Напрасно цѣпь стрѣляла по немъ бѣглымъ огнемъ, напрасно горныя орудія пускали безсильные снаряды противъ сыраго пня, напрасно самъ Вельяминовъ, старинный артиллеристъ, распоряжался двумя мортирками, стараясь навѣснымъ огнемъ выжить его изъ засады. Убивъ одного солдата и ранивъ двоихъ, онъ выскочилъ изъ-за пня, показалъ рукой что выпустилъ всѣ патроны, гикнулъ и бѣгомъ скрылся въ лѣсъ,

* Люди незнакомые съ Кавказомъ обыкновенно полагаютъ что русскія войска впервые пришли на это мѣсто съ княземъ Воронцовымъ въ тысячу восемьсотъ сорокъ пятомъ году; знающіе нѣрѣдко оставляли это безъ опроверженія изъ угожденія къ челоуѣку бывшему въ силѣ и почетѣ.

преслѣдуемый безвреднымъ для него огнемъ нашихъ застрѣльщиковъ, стрѣлявшихъ снизу вверхъ.

Когда войска поднялись на Даргинскую площадку и заняли мѣсто, тогда Вельяминовъ повѣхалъ распорядиться дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Наканунѣ еще было получено донесеніе о переходѣ чрезъ главный хребетъ до тысячи человекъ Андійцевъ съ цѣлю загородить намъ дорогу въ Андію. Подѣхавъ къ цѣпи, стоявшей въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ опушки того самаго лѣса въ которомъ наши добрыя войска, тринадцать лѣтъ спустя, такъ дорого заплатились въ извѣстную сухарную экспедицію, мы дѣйствительно увидали предъ собою немалую толпу конныхъ и пѣшихъ горцевъ. Орудія стояли наготовѣ открыть огонь. Алексѣй Александровичъ внимательно оглядѣлъ лѣсъ чрезъ свою коротенькую зрительную трубу, подумалъ съ минуту, и потомъ скомандовавъ: „орудія, на передку! горнисть, играй отступленіе!“ проговорилъ знаменательныя слова: „въ эту трущобу я не полѣзу, а дразнить ихъ незначѣмъ“. Отодвинувъ цѣпь на сколько было возможно не нарушая безопасности войскъ имѣвшихъ задачей разорить Дарго, онъ приказалъ приниматься за дѣло не теряя времени. Помню я даргинскую кукурузу ростомъ выше человека на конѣ; много сабель поломали на ней наши Татары, съ ожесточеніемъ уничтожавшіе все чеченское изъ мщенія за поруганіе убитыхъ товарищей.

Безъ выстрѣла мы разорили Дарго и вернулись въ Бѣлготой.

Двѣнадцатаго началось отступленіе, не по старой дорогѣ на Маюртупъ, которую Чеченцы перегородили безчисленными завалами, а на Центури, Гурдали, и внизъ по лѣвому берегу Аксая къ кумыкскому селенію Хошъ-гелды (Добро пожаловать). Отъ Бѣлготоя два лѣсистые гребня расходятся подъ острымъ угломъ, сначала поднимаясь, потомъ волнообразно спускаясь къ Центури. Лѣвый гребень командовалъ правымъ, по которому вела единственная дорога удобная для слѣдованія обоза и артиллеріи. Селеніе Центури лежало не далѣе шести верстъ отъ Бѣлготоя. Въ одиннадцатомъ часу главная колонна, въ которой находились оба штаба, полевая артиллерія, умножившаяся до четырехъ орудій, потому что отнятыя у непріятеля пушки были положены на запасные лафеты, которые мы привезли для этой цѣли, обозъ и кавалерія, подъ прикрытіемъ трехъ баталіоновъ

и грузинской милиціи, двинулась въ обратный путь. Въ арріергардѣ были оставлены возлѣ Бѣлготоя, подъ командой генеральнаго штаба полковника Зандена, исправлявшаго при Вельяминовѣ должность начальника штаба, егерскій баталіонъ Резануилова, баталіонъ М — ского полка и два горныя орудія; а подъ начальствомъ Пирятинскаго—два баталіона его собственнаго полка, саперы и еще два маленькіе единорога. Имъ было приказано начать отступленіе часа два спустя, когда обозъ успѣетъ перевалиться чрезъ гору. Одновременно выступивъ съ бѣлготойской позиціи, Занденъ долженъ былъ идти по правой, Пирятинскій по лѣвой высотѣ. Алексѣй Александровичъ приказалъ мнѣ остаться при Занденѣ; у Пирятинскаго находился генеральнаго штаба поручикъ Калембергъ. Во все утро непріятель не показывался и не размѣнялся съ нами ни однимъ выстрѣломъ; но это обстоятельство отнюдь не вводило насъ въ заблужденіе: мы знали очень хорошо, что насъ будутъ преслѣдовать съ полнымъ ожесточеніемъ. По донесенію лазутчиковъ, не менѣе трехъ тысячъ Чеченцевъ собрались въ окрестныхъ лѣсахъ; кромѣ того, нельзя было думать чтобы видѣнные нами вчера Андійцы упустили такой удобный случай пострѣлять въ гяуровъ, во славу Аллаха и ради спасенія своихъ грѣшныхъ душъ. Занденъ не скрывалъ отъ себя что задача, выпавшая на его долю, была весьма щекотливаго свойства и потому съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ожидалъ минуты когда намъ позволено будетъ тронуться съ мѣста, ибо неизвѣстность чѣмъ разразится бездѣйствіе непріятеля для насъ всѣхъ была крайне томительна. Хвостъ главной колонны не успѣлъ еще перейти за гору, когда изъ цѣпи дали знать что противъ Пирятинскаго и противъ нашего праваго фланга Чеченцы начинаютъ толпами выходить изъ лѣсу, и Андійцы, простоявшіе все утро на Дарганскомъ плато, также спускаются подѣ гору. Вслѣдствіе этого увѣдомленія, Занденъ приказалъ мнѣ сходить на правый флангъ, и удостоившись въ справедливости показанія, пройти потомъ налѣво, вдоль всей арріергардной цѣпи; если же замѣчу какое-либо особенно важное обстоятельство, то извѣстивъ его чрезъ казака, не теряя времени скакать въ догонку за Вельяминовымъ и лично доложить ему обо всемъ. Занденъ не безъ причины разчитывалъ, что въ такомъ случаѣ

Алексѣй Александровичъ поспѣшилъ вернуться къ арріергарду и своимъ присутствіемъ избавить его отъ тяжелой ответственности. Направо отъ насъ непріятель дѣйствительно показывался изъ лѣсу, не подходя однако ближе пушечнаго выстрѣла; въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ, гдѣ въ опушкѣ густаго лѣса лежали застрѣльщики отъ двухъ московскихъ и двухъ егерскихъ ротъ, господствовало полное спокойствіе. Ни застрѣльщики, ни баталіонный командиръ Резануловъ, безпрестанно обходившій цѣпь, не подмѣтили въ лѣсу ничего сомнительнаго; нигдѣ слѣда человѣческаго присутствія, вездѣ мертвая тишина; можно было слышать перелетъ птицъ и жужжаніе жуковъ. Но именно эта тишина показалась мнѣ слишкомъ подозрительною. Во мнѣ укоренилось убѣжденіе что непріятель показывается справа съ одною цѣлію отвлечь наше вниманіе, а всею силой нападетъ на лѣвый флангъ, въ надеждѣ опрокинуть его и очистить себѣ дорогу къ главной колоннѣ, отягощенной кавалеріей и обозомъ. Съ этою мыслию въ головѣ я поскакалъ догонять Вельяминова, не жалѣя своей лошади, и чрезъ нѣсколько минутъ настигъ его вмѣстѣ съ Вольховскимъ позади обоза, медленно сходившаго подъ гору по причинѣ очень трудной дороги.

Вельяминовъ со спокойнымъ видомъ выслушивалъ мой докладъ, заставляя повторять нѣкоторыя подробности. Вольховскій нетерпѣливо выжидалъ случая вмѣшаться въ дѣло, и наконецъ у него вырвались слова: „понять не могу что вы говорите: непріятель сосредоточивается противъ праваго фланга, а вы опасаетесь за лѣвый“.

— А я понимаю очень хорошо, возразилъ Вельяминовъ:— Чеченцы показываются справа для того чтобы насъ обмануть, а налѣво прячутся въ лѣсу съ намѣреніемъ озадачить наши войска неожиданнымъ нападеніемъ. Баталіонъ, налѣво кругомъ, скорымъ шагомъ! скомандовалъ онъ егерямъ 40-го полка, и самъ поѣхалъ на рысяхъ къ арріергарду.

Вольховскій, съ своей стороны, отправился къ корпусному командиру доложить о происходящемъ.

— Кто у васъ стоитъ на лѣвомъ флангѣ? спросилъ Вельяминовъ, пока мы ѣхали.

— Резануловъ съ своимъ баталіономъ.

— Резануловъ! Этотъ зубастъ, отгрызется! А въ центрѣ кто?

— М—скій баталіонъ.

— Веди прямо къ нему. За мной! обратился онъ къ егерямъ, догонявшимъ насъ бѣглымъ шагомъ.

На высококомъ холмѣ, служившемъ кладбищемъ для бѣлгородскихъ покойниковъ, унизанномъ надгробными камнями и шестами на которыхъ развѣвались разноцвѣтные флагера, стоялъ Занденъ, имѣя возлѣ себя два горныя орудія подъ командой поручика Павла Бестужева. Увидавъ баталіонъ шедшій къ нему на подкрѣпленіе, онъ счелъ непужнымъ долѣе мѣшкать и приказалъ протрубить отступленіе. Протяжный звукъ исполнительнаго сигнала, повторенный горнистами въ цѣпи, не замеръ еще въ воздухѣ, какъ ружейная пальба и пронзительный вой Чеченцевъ слились въ одинъ общій оглушительный гулъ. Безмолвный лѣсъ ожилъ съ такою неожиданною силой, что озадаченные М—цы, быстрѣе чѣмъ бы слѣдовало, бросились изъ опушки подъ покровительство артиллеріи и совершенно заслонили отъ ея огня Чеченцевъ, бѣжавшихъ за ними съ обнаженными шашками. Въ этотъ самый моментъ мы поднялись на могильный холмъ, съ котораго была видна вся впереди лежащая мѣстность и, понятнымъ образомъ, не были обрадованы тѣмъ что увидали. Егеря, поспѣвшіе съ нами почти въ одно время, разомъ поправили дѣло. Двѣ роты, не дожидаясь приказанія, кинулись съ высоты на встрѣчу ослабленнымъ товарищамъ, пропустили ихъ чрезъ свои ряды, разрядили ружья непріятелю въ упоръ, и ударили въ штыки. Осадивъ Чеченцевъ, они быстро приняли въ сторону и открыли дорогу для картечи. Къ несчастію, при третьемъ выстрѣлѣ у единорога лопнула станина, ударивъ хоботомъ въ камень,—въ горной артиллеріи существовали тогда еще деревянные одностанинные лафеты,—и мы были принуждены ограничиться стрѣльбой изъ одного только орудія.

На лѣвомъ флангѣ непріятель повторилъ свой маневръ еще съ бѣльшимъ усиліемъ, но по дыму и крику ясно было видно что Резануиловъ, оправдывая предсказаніе Вельяминова, отгрызался какъ старый, травленный волкъ. Алексѣй Александровичъ хорошо зналъ людей и свое войско.

Съ этого началось дѣло, длившееся до солнечнаго заката.

Вельяминовъ лично сталъ распоряжаться отступленіемъ лѣвой арріергардной колонны. Во всю экспедицію, ни разу мы

не доставалось столько работы какъ въ этотъ день, и сверхъ всего еще пришлось перенести гявъ Вельяминова, не за собственную вину. Отступали шагъ за шагомъ, съ перемѣной цѣпи назадъ. Наше единственное орудіе шло по дорогѣ и удерживало непріятеля непрерывнымъ огнемъ. Пока крайняя арріергардная цѣпь, лежа, вела перестрѣлку, параллельно за нею располагались еще двѣ цѣпи. Налѣво отъ дороги Вельяминовъ посылалъ своего адъютанта Ольшевскаго, направо — меня, выбирать удобныя мѣста для застрѣльщиковъ и особенно скрытно размѣщать резервы и ротныя колонны, на которыя упирались фланги. Не прежде личнаго донесенія отъ насъ что все находится въ порядкѣ, онъ приказывалъ для крайней цѣпи трубить разомъ три сигнала: — стрѣлять ускоренно, вставать и ретироваться бѣгомъ. Въ этихъ трехъ приказаніяхъ заключался глубокій расчетъ, основанный на точномъ знаніи кавказской войны. Хладнокровныя и опытыя распоряженія Вельяминова убереди двѣнадцатаго сентября тысяча восемьсотъ тридцать втораго года горсть русскихъ войскъ отъ тѣхъ огромныхъ потерь которыя послѣ него понесли въ Ичкеринскихъ лѣсахъ два наши испытанные генерала съ несравненно большими силами. Чеченцы потеряли охоту преслѣдовать насъ слишкомъ горячо въ послѣдующіе дни. Непріятель имѣлъ обыкновеніе, пока наши застрѣльщики лежатъ, самъ принявъ лежачее положеніе или прикрываясь кустами и деревьями, вести рѣдкую перестрѣлку, сберегая заряды на случай когда заиграютъ знакомый ему сигналъ — отступать. Солдаты, поднявшись съ земли, открывали тогда удобную цѣль для выстрѣловъ; Чеченцы, пользуясь этимъ, разряжали ружья и послѣ того опрометью бросались въ шашки. Вслѣдствіе приказанія стрѣлять скоро, вдоль цѣпи образовывался густой дымъ, мѣшавшій имъ въ самую выгодную минуту вѣрно цѣлить, а потомъ вторая цѣпь встрѣчала ихъ бѣглымъ огнемъ почти въ упоръ, когда они, обрадованные мнимымъ бѣгствомъ нашихъ застрѣльщиковъ, пускались ихъ догонять. На случай еслибъ имъ удалось прорваться чрезъ вторую цѣпь, за нею лежала третья, чрезъ которую пробѣгали отступающіе застрѣльщики съ тѣмъ чтобы занять позади новую, выгодную позицію. Два, три урока данныя Чеченцамъ этимъ способомъ принудили ихъ быть осторожнѣе, а насъ избавили отъ лишней потери.

Чрезъ два часа безпрестанной скачки, измученная лошадь упала подо мной; заводная была далеко; я пустился бѣжать по цѣпи. „Не бѣгайте здѣсь, берегитесь, убьютъ, убьютъ!“ кричали мнѣ застрѣльщики, лежавшіе за кустами да за бугорками. Хотѣлъ бы, да времени не было послушаться ихъ совѣта; къ тому же дѣло происходило на глазахъ у Вельяминова, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ хуже Чеченца.

На высотѣ, откуда дорога начинала спускаться къ Центури, онъ приказалъ прилечь цѣлому пѣхотному баталіону и не трогаться съ мѣста безъ особаго приказанія, разчитывая подъ его защитой отвести фланговую цѣпь и неспѣша расположить ихъ на хорошій ружейный выстрѣлъ отъ перелома мѣстности.

Непріятель охватилъ баталіонъ съ трехъ сторонъ, но не тратилъ на него много выстрѣловъ, выжидая, по своему обыкновенію, когда эта сплошная масса принуждена будетъ подняться. Одинъ Бестужевъ со своимъ орудіемъ стоялъ на виду, и Чеченцы не только били въ артиллеристовъ, но даже пытались неожиданнымъ налетомъ отнять единого. Картечь и огонь отъ баталіона осаживали ихъ. Одинъ разъ они успѣли однако добѣжать, какой-то смѣльчакъ ухватился было за колесо, прислуга отскочила; тогда Бестужевъ выхватилъ у артиллериста пальникъ, самъ приложилъ огонь къ затравкѣ, брызнулъ Чеченцамъ въ лицо полнымъ зарядомъ картечи, и когда они разбѣжались, тѣмъ же пальникомъ чувствительно напомнилъ солдатамъ что и въ крайнемъ случаѣ не слѣдуетъ робѣть.

Занявъ для застрѣльщиковъ выгодную позицію, Вельяминовъ послалъ меня отвести баталіонъ. При первомъ движеніи солдатъ приподняться, чеченскія ружья затрещали со всѣхъ сторонъ, и они снова прильнули къ спасительной матушкѣ землѣ. Ни просьбы, ни увѣщанія мои не понудили ихъ тронуться съ мѣста. Безъ проку пробившись съ ними нѣсколько минутъ, я вернулся къ Вельяминову подъ гору доложить что баталіонъ не идетъ.

Никогда не случалось мнѣ видѣть его въ такомъ гнѣвѣ. Лицо залилось краской, глаза засверкали.

— Господинъ офицеръ, что вамъ было приказано? крикнулъ онъ громовымъ голосомъ.

— Привести баталіонъ.

— И вы осмѣлились не исполнить приказанія! На гору! и безъ баталіона не смѣйте казаться на глаза!

Что тутъ дѣлать? Неожиданный взрывъ Вельяминовскаго гнѣва совершенно меня ошеломилъ. Я не глядѣлъ на него, но чувствовалъ какъ глаза его впились въ меня вопросительно, скоро ли я тронусь исполнить его волю. Въ эту минуту крайняго недоумѣнія я увидѣлъ вблизи топографа Чуркина. Онъ былъ храбрый и расторопный малый; авось поможетъ, подумалъ я, и позвалъ его за собою на роковую гору.

Я повторилъ приказаніе командующаго войсками—никто не шевельнулся. Тогда я приказалъ Чуркину поднимать офицеровъ, и самъ подошелъ къ полковнику Н. съ покорнѣйшею просьбой встать на ноги. Послѣ того, уже общими силами, мы подняли солдатъ. Бываютъ такія минуты оцѣпенѣнія и у очень хорошихъ войскъ—въ недобрый часъ. Чеченцы засыпали насъ пулями. Въ первый моментъ не щелкнулъ ни одинъ курокъ, но потомъ, будто очнувшись отъ сна, баталіонъ открылъ такой живой огонь что насъ одѣло густымъ дымовымъ облакомъ, подъ защитой котораго мы успѣли спуститься подъ гору, потерявъ не болѣе полудесятка людей. Вельяминовъ, увидавъ меня съ баталіономъ, только кивнулъ головой.

Въ это время на насъ обрушилась новая невзгода. Пирятинскій, во всѣхъ отношеніяхъ хорошій и храбрый офицеръ, вмѣсто того чтобы держаться съ нами на одной высотѣ, отступая по лѣвому гребню, невѣсть почему очистилъ его гораздо раньше. Непріятель тотчасъ воспользовался его ошибкой, занялъ гребень, и съ высоты сталъ бить насъ во флангъ. Это обстоятельство принудило командующаго войсками послать въ оврагъ, раздѣлявшій высоты, наши двѣ послѣднія резервныя роты, приказавъ имъ пробираться по лѣсу, отнюдь не представляя цѣли для непріятельскихъ выстрѣловъ, и оберегать только окончечность праваго фланга отъ нападенія холоднымъ оружіемъ. Мнѣ же досталось отвести эти роты на указанное имъ мѣсто.

Надъ крутымъ спускомъ, въ виду селенія Центури, Вельяминовъ приказалъ арріергарднымъ войскамъ прилечь и отдохнуть порядкомъ предъ послѣднимъ и самымъ опаснымъ моментомъ отступленія, а самъ уѣхалъ на противоположную высоту выбрать позицію для нашихъ четырехъ полевыхъ

орудій. Пробывъ еще съ полчаса въ арріергардѣ и убѣдившись въ томъ что его распоряженія въ точности исполнены, измученный, голодный, едва передвигая ноги, побрелъ я къ Вельяминову доложить насчетъ полной готовности войскъ, по первому приказанію, спуститься подъ гору. Засталъ я его возлѣ батареи со всѣмъ штабомъ тотчасъ послѣ закуски, какъ доказывали еще неубранные ковры, салфетки и приборы. Шаговъ двадцать въ сторонѣ Вольховскій наблюдалъ въ зрительную трубу за непріятелемъ, сбѣгавшимся къ арріергарду.

Онъ первый замѣтилъ меня и нетерпѣливо сталъ звать къ себѣ. Почти въ ту же минуту услышалъ я зовъ Вельяминова: пожалуйста сюда. Сперва слѣдовало подойти къ старшему, а потомъ принять приказаніе отъ младшаго. Я направился къ Алексѣю Александровичу.

— Все ли въ порядкѣ? былъ первый вопросъ.

— Все, какъ изволили приказать.

— А поѣлъ ли ты сегодня?

— Времени не было; съ раннего утра ни куска.

— Ничего нѣтъ хуже какъ храбриться съ пустымъ желудкомъ. Садись и поѣшь; закусывая, тебя не забыли и кое-что приберегли на твою долю. Сперва прошу, прибавилъ онъ, — исполнить мое приказаніе, а потомъ можешь идти куда тебя звали.

Понятнымъ образомъ, я не далъ себѣ повторить другой разъ такое душеполезное приказаніе и немедленно принялся за вкусные пирожки и жаркое подносимые мнѣ его поваромъ.

Вольховскій былъ слишкомъ уменъ чтобы не понять въ чемъ дѣло, когда онъ увидалъ какъ я принялся закусывать; махнулъ рукой и отошелъ въ сторону. Иронически сложенные губы видимо процѣживали слова: только и думаетъ о ѣдѣ. Герменчукскій обѣденный столъ еще не вышелъ у него изъ памяти.

Скоро послѣ того артиллерія открыла огонь; на противоположной горѣ завязалась сильная перестрѣлка, и арріергардъ быстро спустился въ оврагъ. Непріятель, встрѣченный отъ насъ гранатами, картечью и градомъ ружейныхъ пуль, какъ вкопанный остановился на высотѣ.

Въ нашей колоннѣ потеря убитыми и ранеными доходила до сорока пяти человѣкъ; въ числѣ послѣднихъ нахо-

дился майоръ Резануиловъ; Цирятинскій потерялъ двадцать пять, а у непріятеля, по свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ, убыль превышала двѣсти пятьдесятъ, и былъ убитъ вліятельный андійскій старшина Мургузъ-Али.

На второй день отступленія мы расположились почевать возлѣ селенія Гурдали, извѣстнаго во всей Чечнѣ своими отличными орѣхами, сдѣлавъ также короткій, семиверстный переходъ Дорога вела чрезъ сплошной лѣсъ, и арріергарду не легко было отбиваться отъ Чеченцевъ, насѣдавшихъ на него какъ шмели, которыхъ легче убить чѣмъ отогнать. Въ колонну стрѣляли только издали, съ боковъ, не пытаясь загородить ей дорогу. Войска, постепенно выходя изъ лѣсу, стали группироваться въ бивачномъ порядкѣ на полянѣ, усыпанной кучами орѣховыхъ деревь и ограниченной съ юга и съ запада лѣсомъ, въ которомъ еще дрался арріергардъ. Баронъ Григорій Владиміровичъ слѣзъ съ лошади и расположился закусывать. Солдаты разбрелись по полянѣ, и не устоявъ противъ приманки, полѣзли на деревья за орѣхами. Чеченцы мгновенно воспользовались этимъ обстоятельствомъ, смяли слишкомъ растянутыхъ застрѣльщиковъ, густыми толпами высыпали изъ лѣсу и съ крикомъ бросились на людей рвавшихъ орѣхи. Два баталіона, схвативъ ружья, встрѣтили ихъ бѣглымъ огнемъ и отгвѣсили къ опушкѣ, но не могли загнать далѣе въ лѣсъ. Пули сыпались на штабныхъ офицеровъ, собранныхъ въ одну кучу, и на войска; озлобленные Чеченцы стали мѣтить въ знакомыхъ имъ Вельяминовскихъ верблюдовъ и изъ семи троихъ убили. Въ это время Алексѣй Александровичъ находился еще съ нами при арріергардѣ; услыхавъ сильный огонь въ тылу, онъ ускорилъ шагъ, и мы выѣхали изъ лѣсу въ одно время съ двумя легкими орудіями, шедшими въ хвостъ главной колонны. Пикаловъ, командовавшій взводомъ, наткнулся тутъ на два горные единорога и двѣ мортирки, которые, неизвѣстно почему оставленные офицеромъ, безъ видимаго успѣха стрѣляли въ лѣсъ, откуда Чеченцы отвѣчали мѣткимъ ружейнымъ огнемъ. Онъ тотчасъ принялъ начальство надъ батареей, приказавъ и своимъ двумъ орудіямъ сняться съ передковъ. Проезжал мимо, я остановился возлѣ него въ то самое время когда онъ влѣзъ на пенекъ чтобы съ него лучше разглядѣть, гдѣ кроется непріятель. Не долго дали ему дѣлать наблюденія съ такого виднаго мѣста. Чрезъ минуту онъ заша-

тался и съ пня скользнулъ на землю; я соскочилъ съ лошади ему на помощь.

— Пуля въ груди, проговорилъ онъ задыхаясь.

Поспѣшно растегнулъ я сюртукъ,—на рубашкѣ ни капли крови; я распахнулъ ее,—противъ самаго сердца видѣлось синее пятно; однако на этомъ дѣло не кончилось: изъ лѣваго рукава кровь лилась ручьемъ; ему перешибло три пальца, пронзило ладонь, и тою же пулей контузило въ грудь такъ сильно, что онъ въ первую минуту и не чувствовалъ дѣйствительной раны. Носовой платокъ, который онъ держалъ скомканнымъ въ рукѣ, ослабилъ пулю и спасъ его отъ смерти. Часто я видѣлъ на войнѣ какъ самое мелочное обстоятельство, носовой платокъ, образъ на груди, иногда одно движеніе руки, служили къ спасенію или на гибель человѣка. Пикалова всѣ знали и любили; слухъ о его ранѣ быстро разнесся по отряду. Корпусный командиръ тотчасъ прислалъ за нимъ своего адъютанта, но Пикаловъ отказался отойти отъ орудій пока не прикажутъ офицера его смѣнить, и продолжалъ распоряжаться ими, обмотавъ носовымъ платкомъ раненую руку. Если не ошибаюсь, его замѣнилъ молодой артиллерійскій подпоручикъ Вороновъ, и только тогда онъ отправился въ лагерь для перевязки.

Два года спустя онъ умеръ отъ болѣзни: вѣроятно, контузія въ грудь не мало способствовала разстройству его здоровья и была настоящею причиною его кончины.

Съ прибытіемъ арріергарда, Чеченцы, въ свою очередь атакованные съ тылу, были принуждены скрыться въ глубину лѣса.

Ночь я провелъ въ палаткѣ у Пикалова, не смыкая глазъ, поилъ его, переворачивалъ съ боку на бокъ, подкладывалъ подушку подъ разбитую руку. Рана причиняла ему сильную боль, и ему не удалось заснуть ни на одно мгновеніе. Съ вечера еще Ольшевскій, адъютантъ Вельяминова, бывшій у него правою рукой, передалъ мнѣ приказаніе идти на другой день съ проводниками въ головѣ колонны и наблюдать чтобы на первыхъ порахъ не сбились съ настоящей дороги, развѣтвлявшейся въ Майртупъ и къ Хонъ-гелды, куда намъ слѣдовало идти. На майртупской дорогѣ, сильно баррикадированной, Чеченцы ожидали насъ въ значительныхъ силахъ; по дорогѣ къ Хонъ-гелды, пролежавшей по лѣсистому гребню надъ лѣвымъ берегомъ Акса, они оставили одни наблю-

дательные посты и устроили съ десятокъ заваловъ. Чтобы поставить непріятеля въ недоумѣніе насчетъ дѣйствительно избраннаго нами пути, онъ приказалъ кавалеріи сдѣлать ложное движеніе по дорогѣ къ Маюртуну и потомъ поспѣшно примкнуть къ пѣхотѣ, долженствовавшей прямо съ мѣста ночлега выйти на дорогу спускавшуюся къ Кумыкской плоскости.

Не любилъ я тогда рано вставать, и часто случалось, палатку разбирали надъ моей головой прежде чѣмъ я успѣвалъ окончательно распротиться съ постелью; но въ этотъ разъ, несмотря на ранній подъемъ и бессонную ночь, я былъ на ногахъ раньше другихъ, сѣлъ на лошадь, и поѣхалъ къ колоннѣ начавшей уже вытягиваться въ гору. Пробираясь чрезъ артиллерійскій бивакъ, я наткнулся на Эдуарда Карловича Бриммера, у котораго самоваръ шипѣлъ предъ палаткой.

— Куда такъ скоро? Слѣзайте-ка съ лошади и выпейте чаю, приглашалъ онъ меня.

— Нельзя, надо спѣшить, я долженъ идти съ проводниками.

— Успѣете еще, далеко не уйдутъ.

Я продолжалъ отказываться. Видя мое упрямство спѣшиться, онъ приказалъ подать мнѣ стаканъ на сѣдлѣ; я сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и уѣхалъ на рысяхъ; невѣдомая сила меня подгоняла. Густой туманъ лежалъ на горахъ, надо было подъѣхать очень близко чтобы разглядѣть куда двигались войска. Дорога углублялась въ лѣсъ недалеко отъ лагернаго мѣста; головной баталіонъ занялъ ее во всю ширину; напрасно просилъ я солдатъ посторониться и дать мнѣ проѣхать. Убѣдившись что и лѣсомъ невозможно обогнуть баталіонъ, я отдалъ лошадь казаку и пѣшкомъ протолкался впередъ. Возлѣ резерва авангардныхъ застрѣльщиковъ я нашелъ моихъ проводниковъ. Они пріостановили на мгновеніе дѣль чтобы оглядѣться, объявивъ что, по ихъ соображенію, вблизи долженъ быть завалъ, и поэтому надо сперва высмотрѣть мѣсто, чтобы на него не наткнуться. Сзади тѣмъ временемъ понуждали идти не останавливаясь, и дѣйствительно не слѣдовало мѣшкать, ибо въ этотъ день намъ предстоялъ двадцатипятиверстный переходъ. Дорога поднималась въ гору. На первомъ поворотѣ ея рядъ дымковъ вспыхнулъ изъ-за сучковатой колоды, лежавшей поперекъ нашего пути; я почувствовалъ ударъ въ бокъ, оглянувшись, не солдатъ ли меня

задѣлъ прикладомъ, зашатался, сдѣлалъ еще два шага и упалъ на землю. Все это случилось такъ скоро и безсознательно съ моей стороны, что я понялъ въ чемъ дѣло только въ ту минуту, когда увидалъ кровь на моемъ платѣ. Пуля пробила мнѣ правый пахъ. Между тѣмъ огонь изъ лѣсу и съ завала не умолкалъ; застрѣльщики прикрылись деревьями, дорога очистилась, возлѣ меня лежали только два убитые солдата. Я попробовалъ отползти, и не могъ. Чеченцы, замѣтивъ что я шевелюсь и не имѣя предъ собой другой цѣли, стали меня добывать.

Тутъ я услышалъ за собой топотъ скачущей лошади и голоса кричавшіе: „не ѣздите туда, убьютъ! убьютъ! тамъ уже лежитъ убитый офицеръ!“ Черезъ мгновеніе меня кто-то схватилъ за плечо и съ дороги оттащилъ въ кусты. Это былъ А. Е. Врангель. Посланный корпуснымъ командиромъ развѣдать отчетно впереди перестрѣливаются такъ долго на одномъ мѣстѣ, и не нужна ли артиллерія, онъ издавѣка замѣтилъ что во мнѣ еще есть движеніе, и я безъ помощи лежу подъ непріятельскимъ огнемъ. Ни предостерегательные крики солдатъ и офицеровъ, ни очевидная опасность не остановили его доскакать до меня, спѣшиться и потащить за ближайшее дерево, подставляя собственное тѣло подъ мѣткія чеченскія винтовки не далѣе сорока шаговъ отъ завала. Этотъ поступокъ вполнѣ обрисовываетъ его рыцарскій, истинно-благородный характеръ, не допускавшій ни минуты колебанія когда требовалось выручить изъ смертельной бѣды товарища, хотя бы онъ былъ связанъ съ нимъ не болѣе какъ простымъ лагернымъ знакомствомъ. Помню его заботливость уложить меня поспокойнѣе и сдать на руки надежному человеку, и съ душевнымъ удовольствіемъ помѣчаю въ моихъ запискахъ случай оставившій неизгладимое впечатлѣніе въ моей сердечной памяти. Откуда ни взялся опять вездѣсуцій Чуркинъ, присѣлъ возлѣ меня и прислонилъ мою голову къ себѣ на кодыни, а Врангель уѣхалъ съ донесеніемъ, намѣреваясь также прислать ко мнѣ доктора. Тѣмъ временемъ егерская рота, лѣсомъ обогнувъ завалъ, принудила бѣжать Чеченцевъ, и саперы принялись его разрубать.

Около полудня я оставался безъ перевязки. Войска и артиллерія столпились на дорогѣ, какъ обыкновенно случалось въ лѣсу послѣ неожиданной остановки, и никто не могъ до меня добраться. Наконецъ показалась огромная, сѣдая

голова нашего корпуснаго штабъ-доктора Ильяшенка. Онъ слѣзъ съ лошади и принялся меня перевязывать. Во время операціи подѣхалъ мой пріятель, одноглазый полковой докторъ Чероукій.

— *Quale vulnus?* спросилъ онъ съ лошади.

— *Vulnus mortale*, отвѣтилъ Ильяшенко, не оглядываясь и продолжая обматывать меня нескончаемымъ бинтомъ.

— Столько-то помню изъ моей школьной латыни, замѣтилъ я доктору,—чтобы понять ваши слова. Вы ошибаетесь, я не чувствую никакой перемѣны въ общемъ состояніи организма, поэтому моя рана не смертельна.

Въ отвѣтъ онъ пробормоталъ какія-то невнятные слова, заткнулъ бинтъ предлинною булавкой и сталъ собирать инструменты.

Подѣхалъ корпусный командиръ съ Вольховскимъ, и съ ними Вельяминовъ; они принуждены были обождать пока расчищался завалъ возлѣ того мѣста гдѣ Чуркинъ все еще меня поддерживалъ. Каждый старался сказать мнѣ что-нибудь утѣшительное, положительно считая мою жизнь въ опасности.

Одинъ Вельяминовъ не терялъ словъ на изъясненіе участія. Пристально взглянувъ на меня, онъ только сказалъ:

— А! поздравляю съ раной!

Вольховскій сошелъ съ лошади, и съ истинно-непритворнымъ участіемъ разспросивъ какъ я себя чувствую, приказалъ послѣшнѣе подвести арбу.

— Что за арба! отозвался Вельяминовъ:—носилки!

Носилки не водились у насъ въ то время, раненыхъ выносили изъ дѣла на шинеляхъ, и носилки надо было сдѣлать.

— Жердей нѣтъ, заговорили нѣсколько голосовъ.

— Жердей нѣтъ въ лѣсу? Смѣшное дѣло! Казаки съ коня, руби кинжалами!

Черезъ десять минутъ жерди были готовы.

Опять доложили что веревокъ не имѣется вблизи.

— Коли нѣтъ веревокъ, такъ есть запасные фитили.

Вблизи находилась артиллерія. Фитилями связали жерди, сдѣлали носилки, накрыли ихъ ковромъ, положили кожаную подушку,—незнаю откуда все взялось,—и помѣстивъ меня, понесли за войсками. Восемь линейцевъ и восемь пѣхотныхъ солдатъ были приставлены меня нести и оберегать: такъ приказалъ Вельяминовъ. Прочихъ офицеровъ, у

которыхъ раны казались менѣе опасными, везли на арбахъ, въ обозѣ. Чеченцы, замѣтивъ единственныя въ отрядѣ носилки, вообразили себѣ что имъ удалось подстрѣлить очень важнаго челоѣка, и во время нашего длиннаго перехода не разъ пытались докончить меня пулями или добраться до меня съ шашками, когда мои носильщики чуть отставали отъ шедшей впереди кавалеріи, или задній баталіонъ нѣсколько оттягивалъ. Тогда носильщики ставили меня на землю, казаки садились на присотки, солдаты становились вокругъ и отстрѣливались пока не являлась помощь. Этотъ переходъ былъ богатъ завалами; на каждомъ изъ нихъ десятка два непріятельскихъ ружей встрѣчали нашъ авангардъ и потомъ быстро исчезали предъ штыками застрѣльчиковъ. Сильно тѣснили лѣвое прикрытіе, да доставалась еще арріергарду его честная доля; много бы мы потеряли людей въ этотъ день, еслибы всѣ Чеченцы въ-время успѣли прибѣжать съ Маюртунской дороги. Предъ вечеромъ дѣло приняло болѣе серіозный видъ; непріятелю даже удалось прорваться къ арбамъ, на которыхъ везли раненыхъ, и изрубить челоѣкъ десять этихъ несчастныхъ. Дмитрій Алексѣевичъ Всеволожскій, съ помощію ближайшей роты, спасъ остальныхъ.

На первомъ привалѣ меня вынесли на лѣсную площадку и поставили недалеко отъ корпуснаго командира. Къ нему съѣзжались лица принадлежавшія къ его свитѣ; показался и N* на своемъ верблюдообразномъ конѣ.

— Уберите, уберите N*, закричалъ заботливый Григорій Владиміровичъ,—онъ всѣхъ давитъ своимъ конемъ; сейчасъ раздавитъ нашего раненаго.

Десять насмѣшливыхъ голосовъ повторили за нимъ:

— N*, васъ приказано „убрать“.

И злосчастный наѣздникъ и его борзый конь, оторопѣвъ отъ такого бездеремоннаго изгнанія, принуждены были унести свою прыть подальше отъ моихъ носилокъ.

Потомъ случай свелъ меня съ Пикаловымъ. На слѣдующемъ привалѣ я замѣтилъ офицера съ подвязанною рукою который дремалъ подъ деревомъ, узналъ Пикалова и приказалъ поставить меня возлѣ него. Послѣ нѣкотораго времени онъ открылъ глаза и вперилъ ихъ въ меня съ удивленіемъ, не узнавая въ первую минуту.

— Это чтѣ такое?

— Какъ видите, не хочу отъ васъ отстать.

— Да, вчера я, сегодня вы, каждому своя очередь; кто знаетъ кому суждено увидать завтрашній день съ цѣлыми костями.

Къ нашей радости, всѣ коротко знакомые встрѣтили другое утро живые и здоровые. Мы вышли изъ Ичкеринскаго лѣса не потерявъ убитыми и ранеными болѣе двухсотъ сорока человѣкъ, а можетъ-быть даже меньше. Мои помѣтки сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ въ нижегородской деревнѣ и помнить всѣ цифры невозможно. Хорошо еще что происшествія, мѣста, люди и все что было ими сдѣлано или сказано замѣчательнаго, съ безошибочною точностію возраждаются въ моей памяти, когда я обращаюсь мыслями къ событіямъ прошедшаго времени разнообразившимъ начало моей жизни.

Переходъ показался мнѣ безконечнымъ, да и войскамъ онъ пришлось не въ могоуту, а въ лѣсу нельзя было ночевать безъ опасенія крайняго безпорядка, которымъ непріятель непремѣнно бы воспользовался. Ночь давно уже наступила, когда дальній рядъ лагерныхъ огней возвѣстилъ намъ близость вагенбурга, ожидавшаго насъ на Кумыкской плоскости. На крутомъ, неровномъ спускѣ мои носильщики спотыкались на каждомъ шагѣ и поддавали мнѣ толчки, отъ которыхъ въ ранѣ рѣзало какъ ножомъ. Усталые солдаты налегали на насъ, падали и напарывались на собственные штыки, угрожавшіе и намъ немалою опасностію. При выходѣ изъ лѣсу насъ ждалъ линейецъ, которому было приказано отвести мои носилки прямо къ Вельяминову, опасавшемуся чтобы въ сумѣтѣ ночной разстановки бивака меня какъ-нибудь не задавили. Меня поднесли къ огоньку у котораго онъ грѣлся и поставили плотно возлѣ его барабана; тутъ я находился подъ хорошею защитой. Одинъ Приблудъ, бывшій уже налицо, смѣлъ подходить и обнюхивать меня, виляя пушистымъ хвостомъ. Послѣ того Вельяминовъ приказалъ разбить для меня палатку подлѣ своей кибитки и въ ночь еще прислалъ походный тюфякъ, котораго у меня не было, и чашку бульйону.

На другое утро корпусный командиръ, Вольховскій, и прочія отрядныя власти почтили меня своимъ посѣщеніемъ; Вельяминовъ, занятый дѣлами, не приходилъ, но продолжалъ заочно давать мнѣ доказательства своей внимательной заботливости.

Деньщикъ мой, по складу своего сердца предпочитавшій скучному бдѣнію у постели раненаго пріятное препровожденіе времени „въ три листика“ подъ сѣнію маркитантской

палатки, ночью скрылся отъ меня на весьма продолжительное время. Одѣяло сползло, самъ я не имѣлъ силы, и отъ боли не могъ поворотиться; я звалъ, звалъ деньщика и наконецъ съ досады принялся стонать. Тогда раскрылась палатка, и предо мной явился Алексѣй Александровичъ, въ тулупѣ, со свѣчой въ рукахъ.

— Что ты охашь, дражайшій, спросилъ онъ, — развѣ такъ болить что не можешь вынести?

Я рассказалъ ему причину моихъ стонovъ. Онъ самъ по могъ мнѣ во всемъ, послалъ отыскать веселоправнаго деньщика и остался у меня пока не привели раба Божія, дрожавшаго какъ осиновый листъ, потому что онъ зналъ привычку Вельяминова не шутить въ подобныхъ случаяхъ.

Трое сутокъ Алексѣй Александровичъ продержалъ меня подъ своимъ надзоромъ, при себѣ велѣлъ наложить вторую перевязку, и оставшись доволенъ состояніемъ раны — онъ самъ зналъ медицину, — нашелъ удобнымъ отправить на Линію вмѣстѣ съ прочими больными и ранеными, которыхъ должны были отвезти въ Грозненскій военный госпиталь. Не вполне довѣряя хорошему устройству его, онъ письмомъ просилъ майора Макарова, назначеннаго командиромъ Гребенскаго казачьяго полка на мѣсто убитаго Волжинскаго, принять меня къ себѣ въ домъ для лѣченія, а майору Каличевскому, долженствовавшему конвоировать насъ съ баталіономъ Херсонскаго гренадерскаго полка, приказалъ нести все время на носилкахъ и изъ Умаханъ-Юрта отправить на Терекъ подъ прикрытіемъ цѣлой роты. Не знаю чѣмъ мнѣ удалось, въ то короткое время которое я прослужилъ на глазахъ у Вельяминова, приобрѣсти его расположеніе. Во всякомъ случаѣ, память о душевной внимательности которою этотъ замѣчательный человѣкъ отличилъ меня во дни моей ранней молодости всегда служила для меня вѣрнымъ утѣшеніемъ и укрѣпляла мое терпѣніе, когда я послѣ того встрѣчался съ людьми находившими удовольствіе дѣлать мнѣ положительный вредъ или сорить въ глаза шутовскимъ чванствомъ. Впрочемъ, я давно покончилъ съ ними всѣ свои расчеты: на однихъ посердился пока отъ нихъ страдалъ, надъ другими насмѣялся вдоволь пока они были у меня на глазахъ, а потомъ забылъ ихъ всѣхъ, будто никогда не знавалъ и не видывалъ.

Предъ выступленіемъ колонны всѣ знакомые пришли меня

проводить. Далеко еще шель за мной Богдановичъ, у котораго въ саперной ротѣ были сдѣланы для меня новыя носилки, и все спрашивалъ довольно ли онѣ покойны. Многие полагали что я не переживу раны, и Богдановичъ былъ изъ числа не вѣрившихъ въ мое выздоровленіе. Бѣднякъ, прощаясь со мной со слезами на глазахъ, не думалъ тогда что не я, а онъ самъ чрезъ мѣсяцъ распростится съ жизнію.

До крѣпости Грозной шли трое сутокъ. Нестерпимая жара господствовавшая на терекской низменной плоскости, пыль и комары были для насъ истиннымъ мученіемъ. За каждымъ шагомъ носильщиковъ, залитыхъ потомъ и шатавшихся отъ изнеможенія, осколки кости застѣвшіе въ ранѣ кололи мнѣ въ живое мясо какъ раскаленные иглы. Было очень больно; но я крѣпился духомъ. Стыдно было бы роптать въ виду страданій прочихъ раненыхъ, которыхъ везли на арбахъ степью, по неукатанной дорогѣ. При трехъ стахъ больныхъ и раненыхъ находились только одинъ лѣкарь и два фельдшера; больше нельзя было отдѣлать изъ отряда, не окончившаго еще предположенныхъ военныхъ дѣйствій. Имъ физически было невозможно за всѣми присмотрѣть и какъ бы слѣдовало перевязать во время ночлега. Послѣ этого короткаго, но весьма непріятнаго странствованія, я съ радостію увидалъ берега Терека и почувствовалъ истинное наслажденіе, когда у Макарова меня уложили на мягкую, чистую постель, въ свѣтлой и опрятной комнатѣ. Отъ жару, пыли и плохой перевязки рана пришла въ весьма дурное положеніе; нога онѣмѣла, пахъ распухъ. Макаровъ осмотрѣлъ больное мѣсто, ничего не сказалъ, но тутъ же предложилъ мнѣ, помимо его довольно плохаго подковаго лѣкаря, прибѣгнуть къ искусству Азіятца, весьма удачно лѣчившаго казаковъ пострадавшихъ въ несчастномъ дѣлѣ покойнаго Волжинскаго. Чрезъ нѣсколько часовъ привезли изъ-за Терека кумыкскіа гакима Чурука, который съ перваго взгляда объявилъ рану очень „яманъ“, однако обѣщавъ, съ помощію Аллаха, поправить дѣло, обложилъ пахъ компрессами изъ холоднаго разсола, помазалъ какою-то душистою мазью, и когда исчезли появившіеся признаки гангрены, продолжалъ пользоваться своими привычными простыми средствами, медомъ и свѣжимъ коровьимъ масломъ. Азіятскіе лѣкаря отлично умѣютъ пользоваться раны всякаго рода и сращиваютъ раздробленныя кости даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ

европейскіе ученые хирурги признають необходимымъ ампутировать. Въмѣсто крѣпкіи, запускаемой у насъ въ рану помощію зонтика, — операція, заставляющая пациента страдать каждый разъ нестерпимымъ образомъ, — они употребляютъ фитиль вырѣзанный изъ бараньяго курдюка, который входитъ безъ малѣйшей боли. Отъ микроскопическихъ осколковъ кости, неосязаемыхъ никакимъ инструментомъ, Чурукай освобождалъ мою рану весьма практическимъ способомъ: обвернувъ кончикъ гибкаго, тоненькаго прутика сырцовымъ шелкомъ, онъ запускалъ его во внутрь раны, поворачивалъ и потомъ вытаскивалъ вмѣстѣ съ осколками цѣплявшимися за сырецъ.

У Макарова я пролежалъ три недѣли, пользуясь самымъ внимательнымъ уходомъ, безъ сомнѣнія въ угожденіе Алексѣю Александровичу, ибо на мой счетъ я этого вниманія принять не могъ, увидавъ моего хозяина въ первый разъ когда меня привезли къ нему въ домъ. Потомъ меня перевезли въ Науръ къ Зассу, который, уѣзжая въ отрядъ послѣ излѣченія герменчугской раны, настоялъ на этомъ перемѣщеніи, во вниманіе того что самъ Макаровъ долженъ былъ идти въ походъ, а у него оставался въ домѣ очень надежный человекъ, его камердинеръ, Курляндецъ Берхъ. И дѣйствительно, Берхъ былъ отлично честный и аккуратный, но нѣсколько говорливый субъектъ.

Пока я лежалъ въ Наурѣ, слушая нескончаемые рассказы Берха о курляндскихъ, мнѣ тогда совершенно незнакомыхъ порядкахъ, нашъ отрядъ сходилъ въ Гимры. Взятіе этого селенія и гибель убитаго въ немъ Кази-Мегмета извѣстны мнѣ только изъ рассказовъ товарищей. Настойчивость Вельяминова и тутъ, устранивъ всѣ препятствія, привела къ результату котораго почти не ожидали. Отрядъ стоялъ надъ спускомъ въ ущелье Койсу, имѣя слѣгъ по колѣно; внизу, четыре тысячи футовъ подъ нимъ, виноградъ висѣлъ на лозахъ. Дороги не было видно; кое-гдѣ по отвѣснымъ скаламъ проявлялись слѣды часто прерываемой тропинки. Горды полагали положительно невозможнымъ для Русскихъ отъ Караная спуститься къ Койсу, — въ послѣдствіи этотъ спускъ былъ нами разработанъ; укидали однако, на всякій случай, бока ущелья множествомъ заваловъ и перегородили его впереди селенія трехсаженною каменною стѣной, фланкированную двумя крѣпкими башнями. „Развѣ съ дождемъ сойдеге

вы къ намъ“, кричали Гимриды нашимъ солдатамъ. „Они забыли что кромѣ дождя и камни падаютъ съ горъ“, приказалъ отвѣчать Вельяминовъ. Стали спрашивать лазутчиковъ можно ли сойти въ Гимры съ этой стороны. Всѣ рѣшительно утверждали что тутъ не сойдетъ человѣческая нога и указывали на путь ведущій внизъ съ противоположнаго хребта. На обходное движеніе слѣдовало потерять по крайней мѣрѣ недѣлю, а время было дорого, октябрь былъ уже въ половинѣ, и окрестныя горы стали покрываться снѣгомъ.

Вельяминовъ самъ принялся за разспросы.

— Если люди здѣсь не ходятъ, то не случилось ли кому видѣть какъ бѣжала собака?

— Собака, пожалуй, пробѣжитъ.

Вопросъ показался забавнымъ.

— Гдѣ собака пробѣжитъ, тамъ пройдетъ и русскій солдатъ.

Такое заключеніе сдѣлалъ Вельяминовъ, приказалъ идти, и весь отрядъ, съ помощью веревокъ, шестовъ и лѣстницъ, спустился въ пропасть подъ непріятельскими выстрѣлами и принесъ еще два горныя орудія.

Въ ущелии наши войска встрѣтили упорное сопротивленіе. Два раза штурмующіе баталіоны были отброшены и приуждены искать за выступами скалъ спасенія отъ убійственнаго огня поражающаго ихъ изъ-за стѣны и съ боковыхъ заваловъ. Лѣстницъ вблизи не было; стѣною можно было овладѣть только чрезъ отверстіе, не шире человѣческаго туловища, оставленное горцами для сообщенія. Вельяминовъ пришелъ, приказалъ поставить барабанъ въ виду оборонительной стѣны, сѣлъ на него и принялся разсматривать непріятельскія укрѣпленія. Офицеры и казаки его окружали. Непріятель обратился на него всѣ свои выстрѣлы, но это нисколько не смущало хладнокровнаго генерала; онъ продолжалъ свое дѣло.

Состоявшій при немъ капитанъ Бартепьевъ, получивъ рану, упалъ къ нему на плечо.

— Дражайшій, могъ бы выбрать другое мѣсто чтобъ унестъ, обратился къ нему Вельяминовъ, и опять приставилъ къ глазу зрительную трубу.

Князь Дадіанъ, командиръ Эриванскаго полка, подбѣжалъ къ нему съ горячею просьбой пожалѣть свою драгоценную жизнь и уйти съ этого мѣста.

— Да, князь, отвѣтилъ онъ, — здѣсь дѣйствительно очень опасно, только не для меня, а для васъ, поэтому не угодно ли вамъ съ баталіономъ идти въ гору и прогнать непріятеля изъ заваловъ справа фланкирующихъ стѣну.

Это былъ сарказмъ не на словахъ, а на практикѣ. Карбакаться по скаламъ, штурмовать завалы, жгло жарче пуль летавшихъ около Вельяминовскаго барабана.

Когда эриванскій баталіонъ, выбивая непріятеля, на полугорѣ поровнялся съ поперечною стѣной, было приказано снова идти на штурмъ. Въ головѣ колонны находились саперы и сотня гребенскихъ казаковъ подъ командой маіора Каде. Проходящимъ мимо него баталіонамъ Вельяминовъ угрозилъ только пальцемъ, при словѣ: „не пяди назадъ“, и Гимры были взяты. Первые проскочили въ узенькій проходъ, на два аршина поднятый отъ земли, нѣсколько человѣкъ саперовъ, за ними казаки, и потомъ пробралась пѣхота. Натискъ былъ такъ стремителенъ, что Казы-Мермету не удалось уйти изъ башни въ которой онъ сидѣлъ; ее обошли съ тылу, и тутъ повторилась сцена герменчугской обороны. Вельяминовъ прошелъ на другую сторону чрезъ отверстіе расширенное саперами, и опять свѣлъ противъ самой башни, въ которой нисколько не чаяли Казы-Мермета, полагая что онъ, по принятому обыкновенію, давно успѣлъ привести въ безопасность свою священную особу. Два горныя орудія трудились разбить башенную дверь. Гребенскій казакъ показалъ при этомъ случаѣ рѣдкій примѣръ преданности. Изъ одной бойницы, пробитой въ башнѣ немного выше человѣческаго роста отъ земли, цѣлили прямо въ Вельяминова; нѣсколько пуль уже просвистали надъ его головой, Казакъ поднялъ плоскій камень, разбѣжался къ башнѣ, и прильнувъ къ стѣнѣ, заткнулъ имъ опасную бойницу. Изнутри отталкивали камень, казакъ нажималъ его сильною рукою; нѣсколько минутъ продолжалась борьба; солдаты бросились къ нему на подмогу, но не успѣли подбѣжать; камень выпалъ изъ рукъ, ему обрѣзали пальцы кинжаломъ, и въ то же мгновеніе пистолетная пуля покончила удалаго молодца, пожертвовавшаго собою для сбереженія своего, столько же строгаго, сколько достойнаго начальника.

Богдановичъ съ егерскимъ баталіономъ, надъ которымъ онъ принялъ начальство послѣ раненаго Резануилова, выбивалъ непріятеля изъ нагорныхъ заваловъ съ лѣвой стороны

ущелія. На высокомъ шпилѣ, предъ послѣднимъ заваломъ, его поразила смертельная пуля. Солдаты, любившіе его какъ отца, разсвирѣпѣли, и не давая пощады, сорокъ Лезгинъ сбросили въ пропасть.

Албрандъ былъ раненъ пулей въ грудь, и не будь на немъ широкій мѣдный образъ, измѣнившій ея направленіе, онъ легъ бы тутъ костью.

Казаки и саперы ворвались наконецъ въ башню и перебили всѣхъ ея защитниковъ. Когда вытащили тѣло, находившіеся при этомъ горцы съ ужасомъ узнали между ними Кази-Мегмета, а нашихъ чрезвычайно обрадовало такое неожиданное открытіе, возбуждѣвъ миролюбивыя надежды, которыя, впрочемъ, не сбылись. Дальніе приверженцы его не хотѣли вѣрить въ смерть своего имама; для убѣжденія ихъ принуждены были выставить тѣло на показъ. Съ воплями собирались они къ нему, и удостовѣрившись наконецъ въ томъ что святость мусульманская дѣйствительно не спасла его отъ русскаго пытка, стали являться съ повинною головою и просить пощады у краснаго генерала. Капитанъ Бестужевъ-Рюминъ срисовалъ мертвago Кази-Мулла; потомъ рисунокъ его былъ литографированъ въ чертежной тифлискаго генеральнаго штаба, гдѣ, полагаю, и теперь еще существуютъ нѣсколько экземпляровъ.

При взятіи гимринскихъ заваловъ и драктъ въ селеніи, 17-го и 18-го октября, вышло изъ строя до трехсотъ человѣкъ.

Весь Дагестанъ и обѣ Чечни покорились русской власти, но не долго длилась ихъ принужденная покорность. Гамзатъ-бекъ аварскій объявилъ себя наслѣдникомъ духовной власти принадлежавшей убитому Кази-Мегмету, сталъ во главѣ мюридовъ, и полгода спустя снова принялся волновать горцевъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября распустили войска на зимовыя квартиры. Баронъ Розенъ уѣхалъ въ Тифлисъ чрезъ южный Дагестанъ; Вельяминова ждали на Линіи. Это былъ конецъ во всѣхъ отношеніяхъ удачной экспедиціи тысяча восемьсотъ тридцать втораго года.

IX.

Скучно было мнѣ лежать въ опустѣломъ домѣ, безъ всякаго занятія, безъ книгъ и безъ журналовъ, которыми, признаться, закоренѣлые Кавказцы тогда очень мало интересовались.

вались, имѣя слѣшкомъ много собственнаго дѣла поглощающаго все ихъ вниманіе. Широкій турецкій диванъ, на которомъ я помѣщался, стоялъ въ глубокой нишѣ украшенной собраніемъ литографированныхъ красавицъ, бывшихъ въ тѣ времена въ большемъ ходу и проникшимъ даже въ самые отдаленные концы Кавказа. Съ утра до поздняго вечера для меня открывалось одно дѣло: принужденно неподвижнымъ взглядомъ изучать облики всѣхъ этихъ большеглазыхъ, жеманныхъ Сидоній, Меланій, Изидорій и Авроръ, и сливъ ихъ въ одинъ общій очеркъ, составлять себѣ идеаль красоты способной на вѣки приковать мое сердце, если только судьба сподобитъ отыскать его на дѣлѣ. Эта мысленная работа очень скоро обратилась въ совершенно безмысленное глядѣніе на стѣну, отъ котораго рябило въ глазахъ, и я всегда былъ радъ когда старикъ Берхъ, или мой лѣкарь Чурукай, своимъ присутствіемъ выводили меня изъ томительнаго состоянія созерцательнаго бездѣлья. Слегка поворотивъ голову—другое движеніе было мнѣ запрещено—я могъ видѣть станичную площадь чрезъ низенькое окно, но и тамъ находилъ мало пищи для любопытства. Она почти всегда оставалась пустою и оживлялась только въ случаѣ тревоги. Несмотря на покорность изъясненную горцами послѣ экспедиціи, прорывы чрезъ кордонъ не успѣли еще совершенно прекратиться. Иногда они дѣлались съ прямою цѣлію воровства; иногда только ради мщенія. Раза два въ недѣлю поднималась ночью тревога. Топотъ скачущихъ лошадей будилъ меня; резервъ собирался на площади; разносились по улицамъ призывные клики казаковъ и голоса казачекъ, которыя никакъ не упускали случая вмѣшаться въ дѣло, языкомъ всегда, а иногда и ружьемъ. Въ Моздокскомъ полку тогда живо еще хранилось преданіе о томъ какъ казачки въ старое время отстояли Наурскую станицу противъ Кабардинцевъ, обороняясь пока мужья не вернулись изъ партіи и не выручили ихъ, разбивъ непріятеля на голову. Въ воспоминаніе этого подвига ежегодно праздновался въ Наурѣ такъ-называемый бабій день, въ продолженіе котораго бабы и дѣвки царствовали въ домѣ и на улицѣ, что въ обыкновенное время не подходило къ казачьему порядку.

На утро послѣ каждаго ночнаго происшествія Берхъ не пропускалъ, вмѣстѣ съ чаемъ, надѣлать меня подробнымъ о немъ разказомъ. То отогнали лошадей и быковъ, то подстрѣ-

лили казака на пикетѣ, зарѣзали старика на пчельникѣ, или захватили ребятишекъ, безъ спросу убѣжавшихъ въ виноградники. Одинъ изъ этихъ случаевъ, выходящій изъ ряду обыкновенныхъ покушеній, стоить разказать подробно.

Нѣсколько разъ упоминалъ я о секретахъ которые имѣли привычку выставлять на кордонѣ, вдоль Кубани и Терека; поэтому не стану повторять моихъ прежнихъ поясненій, а прибавлю только что происшествіе случилось на секретѣ въ началѣ декабря, при очень чувствительномъ холодѣ, и когда по Тереку шла „порошина“, то-есть рѣка еще не замерзла, но уже гнала льдины. Полагая что въ такое время никакая живая тварь не сможетъ переплыть чрезъ рѣку, и холодъ да льдины совершенно оберегаютъ ихъ отъ вражескаго покушенія, пять казаковъ, вмѣсто того чтобы лежать въ секретѣ со всегдашнею осторожностію, развели на берегу Терека огонекъ, да возлѣ него и заснули. На счастіе, одинъ изъ нихъ проснулся и пошелъ подсмотрѣть не пробрался ли пожалуй урядникъ повѣрять какъ казаки исправляютъ службу на кордонѣ. Возвращаясь къ огню, онъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Возлѣ его спящихъ товарищей стояла страшная фигура: неизвѣстный человекъ, какъ Богъ его сотворилъ, грѣлъ руки надъ огнемъ.

Казакъ остановился поглядѣть что будетъ дальше.

Нагой незнакомецъ только и имѣлъ на себѣ что поясъ на которомъ висѣлъ кинжалъ. Погрѣвъ руки нѣсколько мгновеній, онъ сталъ хватать его за рукоятку; окоченѣвшіе пальцы не сжимались.

Казакъ догадался кто онъ таковъ; потихоньку вынулъ ружье изъ влагалища и приложился, однако придержалъ выстрѣлъ, размышляя: отъ пули не увернется, такъ погожу еще, да посмотрю какъ станетъ нехристь изловчаться.

Ночной гость снова принялся отогрѣвать руки, опять сталъ браться за кинжалъ, и вторично не стиснулъ замерзшей руки; тогда онъ сунулъ ее прямо въ угольный жаръ.

Нѣтъ, братъ, погоди, подумалъ казакъ,—дѣло не хорошее; спустил курокъ, и нагая фигура повалилась во огонь.

Сонные казаки встрепонулись; по выстрѣлу поднялась тревога; прискакалъ постовой офицеръ и дозналъ въ чемъ дѣло. Чеченецъ изъ-за Терека увидалъ огонекъ освѣщавшій спящихъ казаковъ. На Русскихъ у него была канда, душа не вытерпѣла, онъ раздѣлся, бросился въ мерзлую воду и пере-

плылъ чрезъ рѣку напиться вражьей крови. Помѣшали ему окоченѣвшія руки, да случайно пробудившійся казакъ, не то секретные поплатились бы головами за свою неосторожность.

Долѣ трехъ недѣль продолжалось мое одиночество, и во все это время только одно обстоятельство заняло мое размышленіе, заставивъ подумать о служебной будущности. Изъ Темиръ-Ханъ-Шуры я получилъ отъ Вольховскаго письмо, въ которомъ онъ спрашивалъ какой желаю я для себя награды, перевода въ гвардію или въ генеральный штабъ, и въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ уговаривалъ послѣ излѣченія вернуться въ Тифлисъ и попрежнему продолжать службу въ его непосредственномъ вѣдѣніи. Въ Тифлисъ манили теплый климатъ, прекрасная природа Грузіи и веселая городская жизнь, кромѣ того дружескій тонъ письма увлекъ мои чувства, и не зная про желаніе Вельяминова меня удержать, я отвѣтилъ утвердительно, отклонивъ только переводъ въ гвардію, предпочитая служить въ генеральномъ штабѣ.

Оскоро послѣ того Засѣъ вернулся изъ похода. Домъ оживился множествомъ гостей, по большей части фхавшихъ по Линіи въ Ставрополь и въ Тифлисъ. Завелась самая шумная жизнь: обѣды и ужины съ легкими попойками, поутру охота, вечеромъ игра въ карты. Къ этому времени и я поднялся съ постели, недѣли двѣ ходилъ на костыляхъ, и потомъ воспользовался собственными ногами. Въ срединѣ ноября я уже могъ сидѣть на лошади, и былъ на зайчьей охотѣ, хотя и безъ особеннаго удовольствія, а болѣе изъ подражанія, чтобы не отстать отъ другихъ. Не люблю я слышать жалобный ребячій крикъ подстрѣленнаго зайца, и даже въ молодости готовъ былъ охотиться за звѣремъ, съ которымъ встрѣча сопряжена съ нѣкоторою опасностію, но никогда не находилъ удовольствія бить безвредное животное и особенно бѣдныхъ птицъ. Понимаю что человѣкъ набиваетъ себѣ голодный желудокъ разною живою тварью,—слабый созданъ сильному на съѣденіе,—и самъ питаюсь помощію этой нечистой привычки; но не могу понять забавы обращенной въ благородное искусство убивать красивыхъ, веселыхъ и невинныхъ жильцовъ лѣса и полей, ежели кого нужда не осудила на это ремесло. У каждаго, впрочемъ, свой взглядъ и свои склонности; не стану спорить и доказывать какъ мало требуется ума и души для практикованія высокой охотничьей науки. На это могутъ

сказать: а война, въ которой бьютъ людей? Отвѣчу, что никогда войны не любилъ, и считаю ее глубокимъ зломъ, неотвратимымъ однако пока человѣчество не освободится отъ гнета жалкаго невѣжества, искони вѣковъ враждующаго противъ правды и справедливости. До той поры одна сила способна приводить людей въ разсудокъ и сберегать между ними принужденный порядокъ, или служить къ ихъ крайнему униженію, если завладѣлъ ею бездушный честолюбецъ. А отдавъ я себя на службу этой силы не ради удовольствія гладѣть какъ бьютъ людей, а съ желаніемъ, въ числѣ другихъ, упорствовать противъ существующаго зла и на защиту роднаго края пожертвовать и мою лепту пота и крови.

Зассъ, вернувшись изъ отряда, передалъ мнѣ приказаніе отъ Вельяминова, если рана даже залѣчилась, не уѣзжать изъ Наура прежде чѣмъ онъ самъ пріѣдетъ и удостовѣриться въ силахъ ли я перенести зимнее путешествіе. Эта заботливость снова обратила мои мысли къ Алексѣю Александровичу и, признаться, заставила меня пожалѣть объ отвѣтѣ который я далъ Вольховскому насчетъ моего возвращенія въ Грузію. Меня сильно къ нему влекло, но дѣло было рѣшено; отказаться отъ своего слова я считалъ слишкомъ неблагороднымъ. Во второй половинѣ ноября Вельяминовъ пріѣхалъ въ Науръ и прожилъ двое сутокъ въ домѣ у Засса. Онъ былъ очень занятъ дѣлами, и послѣ первыхъ двухъ словъ коснувшихся до раны и до здоровья, призвалъ меня не прежде другаго дня.

Тогда уже онъ былъ принужденъ, по причинѣ груднаго страданія, проводить большую часть дня въ лежачемъ положеніи. Онъ принялъ меня лежа на походной кровати, съ руками заложенными подъ голову. Первое слово его было:

— Ну, дражайшій, теперь ты выздоровѣлъ, готовъ ѣхать въ Ставрополь; я хочу просить корпуснаго командира совершенно отдать тебя въ мое распоряженіе. Не правда ли, ты съ этимъ согласишься?

— Согласенъ, Алексѣй Александровичъ, да нельзя.

— Отчего нельзя? Тебѣ будетъ у меня хорошо; лѣтомъ мы поѣдемъ въ Пятигорскъ, гдѣ ты dokonчишь лѣченіе; ты будешь жить у меня и ни въ чемъ не станешь нуждаться.

— Понимаю всѣ выгоды остаться при вашемъ лицѣ, да нельзя.

Я разказалъ ему про письмо Вольховскаго и про мой отвѣтъ.

Онъ пожелалъ видѣть письмо, прочелъ его, повергнулъ въ рукѣ и сказалъ:

— Противъ письма нечего говорить, онъ, кажется, желаетъ тебѣ добра, но въ силахъ ли будетъ исполнить все обѣщанное—требуетъ доказательства. Жаль что поспѣшилъ отвѣтомъ, слова нарушать не должно, потому отправляйся съ Богомъ; но помни, что если тебѣ станетъ тамъ тяжело, то я всегда охотно готовъ тебя принять. Ты еще молодъ, рвешься куда не нужно; тебя истощать, а я бы тебя поберегу, да современемъ сдѣлаю настоящимъ человѣкомъ.

Потомъ онъ перемѣнилъ разговоръ и болѣе часу распрашивалъ о прежней службѣ и о томъ что случалось замѣтить, изрядка выѣшивая слово и поправляя меня, когда мои заключенія отзывались неопытностію.

На отъѣздѣ, сидя уже въ коляскѣ, онъ мнѣ сказалъ:

— Пожалѣешь что не поѣхалъ со мною.

Дѣйствительно, при Вельяминовѣ, можетъ-статься, вся моя жизнь и служба сложились бы совершенно иначе. Подъ его руководствомъ я бы въ нѣсколько лѣтъ дошелъ до того взгляда на вещи который мнѣ дался гораздо позже, послѣ многихъ горькихъ уроковъ, и то, быть-можетъ, не въ самомъ вѣрномъ практическомъ направленіи. Однако тутъ нечего жалѣть, и такъ моя жизнь обошлась не дурно; не нахожу причинъ жаловаться на судьбу и на людей. Не досталось мнѣ одно добро, такъ я воспользовался другими благами сего міра, и теперь безропотнозираю на прошедшее, съ покойнымъ духомъ ожидаю будущаго.

Позже я только разъ представился ему въ Пятигорскѣ, передъ лѣтнимъ. Попрежнему онъ былъ ласковъ со мною и послѣ того много хлопоталъ о моемъ освобожденіи. Когда я послѣ двухъ лѣтъ, вернулся на русскую сторону, его уже не было въ живыхъ. Докторъ Мейеръ, находившійся при немъ въ послѣднія минуты вмѣстѣ съ Ольшевскимъ, часто повторялъ мнѣ разказъ о его кончинѣ. Вельяминовъ жилъ и умеръ со стоическою твердостію, въ полной памяти, ни на мигъ не измѣнивъ своему характеру. Чувствуя приближеніе смерти, онъ изъ закубанскаго отряда выѣхалъ въ Ставрополь, привелъ въ порядокъ служебныя и домашнія дѣла и спокойно сталъ ожидать конца. Руководимый своими позна-

ціями въ медицинѣ, онъ слѣдилъ за болѣзнію такъ вѣрно, что предсказалъ время печальнаго исхода, обманувшись только однимъ днемъ, и въ послѣдствіи поправилъ даже эту ошибку. Наканунѣ имъ самимъ назначеннаго дня, Мейеръ и Ольшевскій обѣдали у него въ кабинетѣ, возлѣ покойныхъ креселъ его. Послѣ обѣда Ольшевскій ушелъ, по всегдашнему обыкновению, и Мейеръ хотѣлъ идти, не замѣчая еще у больного предсмертной перемѣны. Вельминовъ его остановилъ.

— Не уходи, Мейеръ, иначе меня болѣе не увидишь. Я вѣдь ошибся: сегодня умру, а не завтра.

Мейеръ сталъ его обнадеживать.

— Не теряй словъ по-пустому. Я лучше тебя знаю. Посиди еще. Теперь я засну, одолеваетъ дремота, но не бойся, это еще не конецъ, я проснусь предъ тѣмъ.

Мейеръ остылъ и внимательно слѣдилъ за больнымъ; пока онъ дремалъ, лицо стало измѣняться, дыханіе спиралось въ груди, но сердце билось. Вдругъ онъ раскрылъ глаза.

— Правъ я былъ когда сказалъ что проснусь, а теперь всему конецъ. Прощай!

Съ этими словами онъ заснулъ на вѣки.

Кавказъ и всѣ знавшіе каковъ онъ былъ дѣйствительно много потеряли съ его смертію.

Въ концѣ ноября я распростился съ Наумомъ, унося съ собой весьма выгодное впечатлѣніе и привязавшись къ Зассу, у котораго считалъ себя въ неоплатномъ долгу за дѣйствительно тщательный уходъ въ его домѣ. До Тифлиса вѣхалъ я не спѣша, чтобы не разбередить свѣжей еще раны. Во Владикавказѣ пробылъ я три дня, навѣстилъ мою прежнюю хозяйку и не забылъ взглянуть на знакомыхъ съ первой оказіи ставропольскихъ институтокъ. Онѣ по-прежнему чопорно жеманились, тратя свой легкій умъ и сомнительную граціозность на подражаніе вѣчно отъ нихъ ускользавшему *comme il faut*, подмѣченному у какихъ-то провѣзжихъ московскихъ или петербургскихъ барынь. Быть-можетъ, я сужу слишкомъ строго о моихъ владикавказскихъ дѣвицахъ, но послѣ Тифлиса онѣ потеряли много прелести въ моихъ глазахъ. У нихъ въ домѣ я имѣлъ однако случай полюбоваться дочерьми плацъ-маіора Курилы, только-что расцвѣтавшими дѣвочками, истинно рѣдкой красоты. Одна изъ нихъ сдѣлалась въ послѣдствіи супругой генерала Несте-

рова, такъ несчастливо кончившаго существованіе отъ мозговой болѣзни.

По дорогѣ къ Тифлису, между Дарьяльскимъ постомъ и Казбекскою почтовою станціей, меня ожидала громадная лавина упавшая съ вершины Казбека. Засыпавъ снѣгомъ и горами гранита и порфира тринадцать верстъ своего пути къ Тереку, она загромоздила ущелье во всю ширину, на протяженіи трехъ сотъ сажень. Проездъ по Военно-Грузинской дорогѣ прекратился въ заваленномъ мѣстѣ; почтовые лошади подвозили къ подножію выросшей на пути снѣговой горы, по другую сторону снѣжія тройки принимали путешественника. На завалѣ приходилось подыматься по ступенямъ вырубленнымъ во льду. Посрединѣ снѣговой массы образовалась разсѣлина сто-футовой глубины, чрезъ которую для перехода были переброшены доски. Разсѣлина эта на другой годъ до того расширилась, что принуждены были переправлять черезъ нее въ висячемъ ащикѣ, ходившемъ на блокахъ по толстымъ канатамъ. Казбекскій завалъ до того времени падалъ периодически чрезъ каждыя семь или девять лѣтъ. Послѣ того я не слыхивалъ о повтореніи явленія въ такихъ огромныхъ размѣрахъ.

Въ Тифлисъ я прибылъ наканунѣ 6-го декабря. Тогда это былъ великій день для цѣлой Россіи и, не говоря уже о Петербургѣ, не было губернскаго города въ которомъ бы онъ не праздновался молебствіями, офиціальными обѣдами у старшихъ властей и балами. Городскія красавицы нетерпѣливо ожидали наступленія этого дня и за мѣсяцы готовили самые поразительные туалеты. И въ Тифлисъ готовился балъ у корпуснаго командира, на которомъ я имѣлъ право присутствовать въ числѣ прочихъ находившихся на лицѣ офицеровъ. Праздникъ у главноуправляющаго Кавказскимъ краемъ могъ соперничать въ блескѣ съ любымъ столичнымъ баломъ, а относительно разнообразія обстановки и разноплеменности гостей стоялъ несравненно выше. Тутъ, какъ и въ экспедиціонномъ отрядѣ, можно было встрѣтить представителей всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ нарѣчій. Красавицамъ не было счета, и въ сонмѣ ихъ, какъ двѣ звѣзды первой величины, свѣтили Нина Грибоѣдова и сестра ея Катерина. Вольховскій, старинный пріятель ихъ отца, князя А. Г. Чавчавадзе, самъ подвелъ меня къ его супругѣ княгинѣ Саломе и къ дочерямъ, и представилъ какъ одного изъ

страдальцевъ послѣдней экспедиціи. Не знаю на сколько эта оговорка надбавила интересу въ мою пользу, помню только что онѣ своею добродушною встрѣчей возбудили во мнѣ смѣлость на другой же день явиться къ нимъ на поклонъ. Не прошло мѣсяца, и я сталъ у нихъ хотя не домашнимъ'человѣкомъ, но такимъ который бывалъ ежедневно, обѣдалъ очень часто и просиживалъ долгіе зимніе вечера, когда онѣ сами не были приглашены въ гости.

Впрочемъ, не я одинъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ ихъ дома и вѣрнымъ поклонникомъ двухъ привлекательныхъ сестеръ. Я примкнулъ только скромнымъ оруженосцемъ къ многочисленной, не одними мундирами блиставшей, фалангѣ ревностныхъ обожателей ихъ красоты и душевныхъ качествъ. Были тутъ страдальцы готовые тотчасъ же повергнуть къ ихъ прекраснымъ ножкамъ сердце и руку, еслибы только проглянула искра надежды на благосклонный пріемъ такого жертвоприношенія. Все напрасно. Шестнадцатилѣтняя вдова Грибоѣдова умерла подъ вдовьимъ покрываломъ, а сестра ея нѣсколько лѣтъ спустя, сдѣлавшись женой владѣтельнаго, поступила въ свѣтлѣйшія Екатерины Александровны. Я же былъ слишкомъ молодъ и зависимъ отъ обстоятельствъ чтобы заноситься со своими претензіями такъ высоко; не видя цѣли и проку, остерегался осаждать ихъ сердца вздохами, на которые вообще не любилъ терять время, и можетъ-статься, по этимъ самымъ причинамъ былъ награжденъ откровеннымъ расположеніемъ, если меня не обманываетъ самолюбіе. Быть-можетъ, одна душевная доброта заставляла ихъ ласково переносить частое присутствіе молодого, не слишкомъ занимательнаго человѣка, въ которомъ только и могла для нихъ имѣть цѣну его безразчетная привязанность ко всему дому; не хочу однако, для собственнаго утѣшенія, примириться съ мыслию, чтобы тутъ не было хоть искры настоящей дружбы. Я очень любилъ все семейство; и по сю пору не могу дать себѣ полнаго отчета которая изъ сестеръ поистинѣ мнѣ больше нравилась. Лучистые глаза Катерины Александровны и ея чудная улыбка жгли мнѣ сердце, томная красота и ангельскій нравъ Нины Александровны обливали его цѣлительнымъ бальзамомъ; къ одной стремились глаза и сердечныя чувства, къ другой влекло душу непреодолимою силой. Какъ тутъ

рѣшить, и ума не приложивъ. Годами длилось наше знакомство, безъ всякой перемѣны. Князь Александръ Герсевановичъ и княгиня Саломе были со мной всегда одинаково ласковы, Катерина Александровна и въ самъ свѣтлости дарила улыбкой, а Нина Александровна продолжала обнаруживать искреннѣе участіе. Короткое знакомство съ семействомъ Чавчавадзевыхъ принесло еще другіе плоды. Примѣру его послѣдовали въ отношеніи меня и прочіе грузинскіе семейные дома; въ Тифлисѣ, мнѣ стало жить тепло и уютно.

Въ бытность барона Розена, Чавчавадзевы провели въ городѣ только одну зиму. Жили они недалеко отъ Мадатовской площади, въ домѣ у доктора Денпера. Гостиная ихъ не опорожнялась отъ гостей; каждый день съ утра собирались къ нимъ родственники и родственницы грузинскіе, потомъ начинали приходить Русскіе, одинъ за другимъ, какъ кто освобождался только отъ службы. За столъ садились иногда, кромѣ семейства, по двадцати неожиданныхъ гостей; князь Александръ Герсевановичъ держался еще старинныхъ правилъ русскаго и грузинскаго гостепріимства оставлять каждаго кто пришелъ не задолго передъ обѣдомъ, и чрезъ это порядкомъ разстроилъ свое состояніе. Къ числу самыхъ частыхъ посѣтителей дома принадлежалъ и Николай Павловичъ Т—въ. Нина Александровна затронула его сердце, и онъ высказывалъ ей свои чувства полусерьезно, полупутливо, всегда очень умно, но въ такихъ кудряво-цвѣтистыхъ фразахъ, что она не могла слышать безъ смѣху его объясненій въ дружбѣ и преданности. Высокій, худой, близорукій, природою надѣленный длинными, необыкновенно тонкими ногами, про которыя самъ говаривалъ что осужденъ ходить на чубучкахъ, онъ былъ притомъ въ высшей степени разсѣянъ, и не зная куда дѣвать ноги, имѣлъ привычку заплетать ихъ за ножки своего стула. Это обыкновеніе не разъ уже ставило его въ весьма затруднительное положеніе. Однажды у Чавчавадзевыхъ играли вечеромъ въ какую-то игру, во время которой играющіе должны сидѣть въ кружкѣ и вставать со стула каждый разъ когда назовутъ цвѣтъ, звѣря, или цвѣтокъ заранее ими присвоенные, иначе обязаны платить фантъ за свою невнимательность. Въ кругу блистали все хорошенькіе глазки, какіе только были въ тифлискомъ обществѣ. Выигравшись въ игру,

Николай Павловичъ опять заплелъ свои ноги самымъ хитрымъ узломъ, и въ глубокомъ раздумѣ глядѣлъ на Нину Александровну. Неожиданно назвали принадлежащее ему качество. Онъ не отозвался. Повторили слово; тогда, забывъ о своихъ ногахъ, онъ вдругъ поднялся и въ то же мгновеніе растянулся посреди комнаты вмѣстѣ со стуломъ, приставшимъ къ нему какъ корень къ дереву. Трудно было удержать серьезный видъ, всѣ расхохотались; одна Нина Александровна съ участіемъ бросилась ему помогать. При своемъ добродушіи, она не хотѣла и замѣчать его странностей, а видѣла въ немъ только хорошія стороны честнаго, добраго человѣка, и всегда говорила что очень его любитъ и находитъ истинное удовольствіе проводить съ нимъ время.

Этотъ самый Т—въ собиралъ насть къ себѣ на литературные вечера. Въ просторной комнатѣ широкой, мягкой диванъ занималъ три стѣны, позволяя предаваться вниманію сидя, лежа, въ какомъ угодно было положеніи. Посрединѣ стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, надъ которымъ, призмѣнная къ потолку, единственная лампа ярко освѣщала чтеца, оставляя слушателей въ таинственномъ мракѣ. При такой искусно подготовленной обстановкѣ онъ читалъ намъ отрывки изъ своего *Cicerone del Caucaso* въ которомъ описывалась разказанная мною чеченская экспедиція съ поэтической точки зрѣнія, между тѣмъ какъ я старался удержать свое повѣтствованіе въ тѣсныхъ предѣлахъ фактической прозы. Умно было написано, занимательно слушать; случалось ему только утомлять насть, зачитываясь до поздней ночи. Послѣ чтенія подавали хорошій ужинъ, которыми, къ сожалѣнію, не могли вполнѣ насладиться одолѣваемые сномъ слушатели. Кто-то изъ пріятелей вздумалъ ему посоветовать переимѣнить порядокъ, начавъ съ ужина и кончая чтеніемъ. Онъ согласился, и на слѣдующій разъ мы сначала утопили голодь, а потомъ разлеглись на диванѣ слушать чтеца. Уже съ часъ декламируя съ жаромъ, онъ нисколько не замѣчалъ что дѣлается въ темныхъ концахъ комнаты. При одномъ удачномъ пассажѣ Т—въ обратился къ слушателямъ: не правда ли счастливое сравненіе? (Ему сильно нравились уподобленія во вкусѣ тогдашней французской школы.) Нѣтъ отвѣта. Онъ приподнял ширмы надъ лампой, и что же представилось его взору? кругъ слушателей, благо-

даря соблазнительному дивану, покоемъ въ глубокомъ снѣ, и на вопросъ его индѣ отвѣчали только одобрительнымъ храпомъ. Съ той поры онъ прекратилъ чтенія, но какъ умный человѣкъ, продолжалъ угощать обѣдами и ужинами безъ литературной приправы.

Тифлисское общество вообще очень разбогатѣло людьми съ которыми пріятно было жить. Ординарецъ корпуснаго командира, графъ Девьеръ, занявъ вмѣстѣ съ Цукато маленькій красивый домикъ надъ оврагомъ пролежавшимъ черезъ Эриванскую площадь. Онъ былъ очень хорошій пианистъ, и скоро образовался около него кружокъ любителей музыки, съ удовольствіемъ собиравшихся слушать его пріятную игру. Сколько прекрасныхъ вечеровъ провелъ я у этихъ хорошихъ, талантливыхъ людей, давно уже покинувшихъ здѣшній міръ. На Эриванской площади жили еще: адъютантъ Языковъ, умершій въ помѣшательствѣ, Павелъ Бестужевъ и Каменскій съ молодымъ красивымъ кумыкскимъ княземъ Мусса-Хасаемъ, котораго они взялись воспитывать на европейскій ладъ, Савостьяновъ, и умный, хроническою лѣзью одержимый, Клементій Р., кандидатъ въ офицеры генеральнаго штаба, сыпавшій веселыми остротами когда лежалъ на своемъ покойномъ диванѣ, нахмуренный и фдкій когда необходимость заставляла его разстаться съ нимъ хотя бы на самое короткое время. Число адъютантовъ корпуснаго командира умножилось еще К. Рихтеромъ, отличнымъ офицеромъ и самымъ добрымъ товарищемъ, какого только можно пожелать. Веселый, беззаботный, онъ глядѣлъ на жизнь какъ на нескончаемый праздникъ, и не скупясь тратилъ ее на удовольствіе себѣ и другимъ, пока тяжкая болѣзнь не сокрушила его упругую натуру.

Къ числу лицъ разнообразившихъ интересъ нашего круга безспорно принадлежали многіе изъ помилованныхъ декабристовъ, отбывавшихъ на Кавказѣ послѣдніе годы своего отчужденія отъ родины. Это были люди получившіе большею частію хорошее воспитаніе, нѣкоторые съ замѣчательными душевными качествами, испытанные несчастіемъ и наученные тяжелымъ опытомъ жизни. Для молодежи они могли служить спасительнымъ примѣромъ и урокомъ. Спрашиваю, можно ли было, узнавъ, не полюбить тихаго, сосредоточеннаго Корниловича, автора *Андрей Безымяннаго*, скромнаго

Нарышкина, Коновницына, остроумнаго Одоевского и сердечной добротой проникнутаго Валерьяна Голицына. Съ Александромъ Бестужевымъ (Марлинскимъ) я имѣлъ случай часто встрѣчаться у брата его, Павла. Литературный талантъ его извѣстенъ и давно оцѣненъ, поэтому нечего о немъ говорить. Какъ человѣкъ, онъ отличался благородствомъ души, былъ слегка тщеславенъ, въ обыкновенномъ свѣтскомъ разговорѣ ослаблялъ бѣглымъ огнемъ остроты и каламбуровъ, при обсужденіи же серьезныхъ вопросовъ путался въ софизмахъ, обладая болѣе блестящимъ чѣмъ основательнымъ умомъ. Онъ былъ красивый мужчина и нравился женщинамъ не только какъ писатель, о чемъ въ мое время кое-что говорили въ Тифлисѣ.

Наши сношенія съ этими лицами были самыя открытыя и безвредныя въ политическомъ смыслѣ. Да мало ли изъ нихъ, попавъ въ бѣду совершенно молодыми людьми, сами не зная какъ, были способны къ чему угодно только не къ политической агитаціи. При всемъ этомъ нашлись такіе люди и въ Тифлисѣ которые „изъ ревности и преданности“, а, полагаю, ближе всего изъ ошибочнаго низкаго разчета, писали тайные доносы насчетъ опасности могущей возникнуть отъ сближенія молодыхъ офицеровъ съ людьми осужденными закономъ за политическое преступленіе. Не входя въ ихъ забытое прошедшее, съ которымъ они сами давно покончили, безъ всякой задней мысли, и я водился съ ними, не опасался показываться публично въ ихъ обществахъ, и никакъ не скрывалъ мою симпатію къ Нарышкину и Голицыну. По этому случаю одинъ господинъ счелъ обязанностію шепотомъ мнѣ посовѣтовать быть поосторожнѣе.

— Въ чемъ? спросилъ я.

— Въ выборѣ вашего знакомства.

— Съ кѣмъ?

— Съ господами... вы сами знаете. Вѣдь еще помнятъ за что они попались.

— Что же можетъ выйти изъ этого, если я стану продолжать мои сношенія, какъ ихъ началъ.

— Начальство можетъ усомниться въ направленіи вашего образа мыслей.

— Жалѣю о начальствѣ которое во мнѣ такъ мало увѣрено. Каждый навѣтъ, которымъ бы вздумали меня очернить, я надѣюсь опровергнуть фактомъ, не одними увѣреніями;

поэтому ничего не опасаясь. Прощайте, благодарю за нѣжное участіе.

Тотъ же самый господинъ, гораздо позже, совѣтовалъ мнѣ также прервать знакомство съ Чавчавадзевыми, по поводу довольно глупаго дѣла, въ которое отца ихъ вмѣшали совершенно безвинно; я опять его не послушалъ и продолжалъ видѣться съ ними. Если это кому приходилось не по душѣ, то жалѣю о немъ, а не о себѣ, ибо находилъ большое удовольствіе къ нимъ ѣздить.

Въ продолженіи всей зимы съ тридцать второго на тридцать третій годъ въ Тифлисѣ много веселились, какъ переселились въ мою бытность въ Грузію еще одну только зиму, въ началѣ управленія генерала Головина, когда его супруга съ дочерью и вернушіеся въ городъ Чавчавадзе-вы непрерывно старались оживить общество помощію своего неисчерпаемо любезнаго гостепріимства. Въ обѣ зимы намъ какъ будто неоставало времени жить. Обѣды въ семейныхъ домахъ смѣнялись пирами въ загородныхъ садахъ, гдѣ, подъ звукъ тамбурина шемахинскихъ балдерокъ, вокругъ стола ходили азартешъ да турій рошъ, черезъ край переливаясь красною струей кахетинскаго. Вечера смѣнялись балами, и почти никогда ими не кончался нашъ день; чаще всего утрення заря заставляла насъ еще у кого-нибудь изъ товарищей, къ которому собирались окончательно израсходовать остатки силъ, не истощенныхъ балами. Къ поддержанію ровнаго, всегда пріятнаго хода нашей беззаботно веселой жизни много способствовалъ вѣжливый, очищенный отъ неумѣстныхъ словъ и шутокъ тонъ, господствовавшій тогда въ кругу офицеровъ, собранныхъ въ Тифлисѣ, можно сказать, со всѣхъ концовъ Россіи. Въ продолженіи всего управленія барона Розена, за исключеніемъ двухъ непріятныхъ случаевъ коснувшихся до людей не принадлежавшихъ собственно къ нашему кругу, въ штабѣ его не произошло ни одной скандальной исторіи, не случилось вызова, и почти не было сказано непріятно громкаго слова. Было принято за правило во всѣхъ собраніяхъ, на холостыхъ обѣдахъ, и гдѣ бы то ни было, тотчасъ прекращать разговоръ, если кто-нибудь изъ присутствующихъ объявлялъ что онъ его затрогиваетъ непріятнымъ образомъ; и все общество единодушно останавливало того

кто бы вздумалъ поступать въ противномъ смыслѣ. Завели и поддерживали этотъ тонъ между нами старшіе по лѣтамъ и по званію, во главѣ ихъ А. Е. Вранцель, о которомъ я и прежде имѣлъ случай упомянуть какъ о человѣкѣ съ отлично благороднымъ характеромъ.

Въ нашей дружной семьѣ не обошлось однако безъ урода. Прежде я сказалъ уже нѣсколько словъ о братьяхъ П., которые, подобно двумъ фальшивымъ нотамъ, вмѣшались въ общую гармонію тифлисскаго военнаго общества. Вернувшись изъ экспедиціи, они зафанфаронили, стали жить по-княжески, не имѣя достаточныхъ на то средствъ, нѣкого этимъ къ себѣ не привлекли и, замотавшись, принуждены были скрыться со сцены освистанные публикой, не давшею увлечь себя фальшивымъ блескомъ ихъ мотовства.

Кромѣ ихъ, былъ еще субъектъ невольнo обрамившій на себя всеобщее, хотя не совсѣмъ лестное вниманіе нашего военнаго круга. Это былъ извѣстный П., Полякъ, не графскаго, а просто шляхетскаго происхожденія. Какъ бы однако ни помѣщалась его колыбель, подъ графскою короной, или подъ соломенною крышею, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательно талантливая личность и умѣлъ, какъ никто, направить свое плаваніе по взволнованному житейскому морю. Высокаго роста, толстый, съ опухлымъ лицомъ, онъ, при этой не совсѣмъ благовидной наружности, обладалъ такимъ пріятнымъ органомъ, отъ котораго мѣло сердце, притомъ умѣлъ изъясняться такъ сладко, такъ пріятно, что бывало слушаемъ его съ невольнымъ увлеченіемъ. Онъ все зналъ, все видѣлъ, и мало существовало европейскіхъ діалектовъ которыми бы онъ не владѣлъ въ совершенствѣ. Его прошедшее было покрыто интересною таинственностію. Носились темные слухи, будто бы онъ въ Южной Америкѣ дрался за свободу, и въ своей жизни перенесъ много несчастій, а какія именно, никто не вѣдалъ. Положительно знали объ одномъ, что онъ прибылъ на Кавказъ не по собственному желанію и принужденно обрѣтался въ скромномъ чинѣ армейскаго прапорщика. На Кавказѣ онъ началъ свою карьеру, какъ ловкій человѣкъ, самымъ невиднымъ образомъ, выпросившись на время экспедиціи въ адъютанты къ командиру втораго мусульманскаго полка. Въ этой должности онъ сумѣлъ привлечь на себя вниманіе корпуснаго командира, который, по окончаніи военныхъ

дѣйствій приказалъ, не возвращая въ полкъ, оставить его при штабѣ. Въ Тифлисѣ онъ держалъ себя первое время необычайно скромно, въ гостиныхъ выбиралъ самый отдаленный уголокъ и, съ видомъ человѣка угнетеннаго судьбой, едва шепотомъ передавалъ свои всегда льстивыя замѣчанія. Въ служебномъ отношеніи онъ избѣгалъ всякаго замѣтнаго дѣла, и трудился въ тѣни, для другихъ.

Въ это время у баронессы Елизаветы Дмитріевны стали собираться два раза въ недѣлю, какъ было заведено до экспедиціи. Чтобы хотя нѣсколько разнообразить свои вечера, она принялась эксплуатировать салонные таланты подчиненныхъ своего супруга: кого заставляла играть на фортепiano, кого акомпанировать на скрипкѣ и виолончели, кого пѣть, кого рисовать, читать или декламировать. Въ одинъ вечеръ выступилъ на сцену и П., произнесть французскіе стихи собственнаго сочиненія, и пожалъ всеобщую похвалу. Этотъ пріятный талантъ возбудилъ желаніе сблизиться съ нимъ, его стали чаще приглашать, и чрезъ самое короткое время онъ сдѣлался у корпуснаго командира домашнимъ человѣкомъ. Баронъ поручилъ ему свою частную корреспонденцію на французскомъ языкѣ, и кромѣ того сталъ употреблять въ дѣлахъ щекотливаго свойства, требовавшихъ ума и ловкости. П. вошелъ этимъ путемъ въ желанную колею. Но окончательно завладѣлъ онъ доброю, честною душой Григорія Владиміровича, когда въ день рожденія его второй дочери прочелъ поздравительную статью: „Les seize ans d'Adèle“, написанную съ такимъ избыткомъ религіознаго чувства и тонкаго пониманія дѣвичьихъ отношеній къ свѣту и къ семейству, что баронесса, слушая, только вскидывала глаза къ небу, а у барона навернулись истинныя слезы умиленія. При видѣ достигнутого имъ эффекта, самъ П. зарыдалъ; баронесса отъ души пожала руку, баронъ обнялъ его, и съ той поры онъ занялъ въ кругу ихъ семейства мѣсто самаго близкаго и довѣреннаго человѣка. Мнѣ самому не разъ случалось видѣть какъ онъ разыгрывалъ сцены которыя далеко не были въ моемъ вкусѣ; да и у многихъ другихъ сердце къ нему не лежало. Цукато, на примѣръ, терпѣть его не могъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже явно выражалъ насколько онъ питаетъ къ нему уваженія; но онъ переносилъ это съ христіанскимъ смиреніемъ, отнюдь не отъ недостатка смѣлости, а потому что не имѣлъ

въ расчетѣ ссориться съ людьми пользовавшимися нѣкоторымъ значеніемъ въ военномъ обществѣ. У него были разные, не дешево обходившіеся вкусы, между прочимъ любилъ онъ хорошо покушать, а на удовлетвореніе ихъ требовалось душевное и тѣлесное спокойствіе и средства, которыми онъ, къ несчастію, не обладалъ. Но для этого источники раскрылись ему безъ долгаго исканія, благодаря расположенію барона и вліянію которое онъ себѣ усвоилъ. Армяне народъ чуткій, зоркій, не проглядятъ лису, когда она потянула хорошимъ слѣдомъ. Корпусный командиръ вѣрилъ ему на слово; да какъ было и не вѣрить такой чистой, безкорыстной душѣ, безотчетно преданной ему и всему дому! Долѣе году прожилъ онъ въ Тифлисѣ въ этомъ пріятномъ положеніи, пользуясь плодами неограниченной вѣры высшего начальника и питая замѣчательную вмѣстительность своего желудка, переносившаго послѣ сытнаго завтрака, для котораго онъ держалъ отличнаго повара, еще два обѣда въ гостяхъ, у кого-нибудь въ два часа, и потомъ въ четыре у барона, гдѣ его каждый день ждалъ приборъ. Потомъ для него создали особое мѣсто. Во вниманіе многообразныхъ познаній и на дѣлѣ доказаннаго дипломатическаго таланта, его назначили; съ большимъ содержаніемъ, чѣмъ-то въ родѣ англійскаго резидента къ азіатскому двору владѣтеля мингрельскаго, и тутъ-то онъ попалъ на широкую дорогу всякаго удовольствія, позволеннаго и запрещеннаго. Много повредилъ онъ своему доброму покровителю, и дѣломъ, и направляя его на ложный слѣдъ касательно вещей и людей. Безъ проку боролся Вольховскій противъ его вліянія; напрасно другіе старались раскрыть глаза истинно честному старику; всѣ доказательства отвергались имъ съ негодованіемъ, какъ клевета, порожденная чистою завистью. Денежи нашего импровизованнаго дипломата всегда были чрезвычайно занимательны, блистали мыслями, слогомъ и окончательно объясняли какъ въ странѣ, порученной его наблюденію, все обстоитъ благополучно и быстро подвигается къ установленію порядка наивыгоднѣйшаго для Россіи. Прозрѣлъ баронъ, да и то не вполне, когда, оставляя Кавказъ, ему пришлось заплатить за П. тысячъ до десяти, выданныхъ ему заимообразно изъ экстраординарной суммы по его собственному приказанію.

Послѣ разказа о томъ какъ мы жили въ Тифлисѣ, надо же припомнить и то какъ уладилось служебное дѣло для

меня. Пока мы ходили по горамъ и по лѣсамъ, въ Петербургѣ были составлены новыя штаты для генеральнаго штаба, воспрецавшіе въ моемъ маломъ чинѣ исправлять должность начальника отдѣленія. Предложеніе же Вольховскаго заставляло имъ вмѣсто другаго, который бы номинально пользовался этимъ званіемъ, я отклонилъ, не видя въ томъ проку ни для себя, ни для службы. Владиміръ Дмитріевичъ сначала вознегодовалъ на меня за отказъ, но потомъ дѣло обошлось, и онъ сталъ давать мнѣ работу прямо отъ себя, которую мнѣ позволено было исполнять на квартирѣ, минуя штабную канцелярію.

Жилъ я далеко не роскошно, съ товарищемъ, княземъ Чегодаевымъ, въ солдатской слободкѣ, въ небольшомъ домикѣ, который мы нанимали у женатаго унтеръ-офицера. Кварталь былъ не щеголеватъ, комнаты малы, не высоки, меблированы крайне незатѣйливо, но за то, проживая какъ на дачѣ, мы пользовались солнцемъ и воздухомъ безъ всякаго стѣсненія, и нашихъ лошадей всегда имѣли предъ глазами, что въ Грузіи считалось не послѣднимъ удобствомъ. Маленькая сѣрая бача, * мой неразлучный товарищъ, безъ труда могла приходиться ко мнѣ за хлѣбомъ и за сахаромъ, и бывало, едва раскроешь по утру глаза, а она уже глядитъ въ комнату чрезъ низенькое окно. И другими животными, и разною птицей нашъ дворъ былъ не бѣденъ; однимъ словомъ, въ солдатской слободкѣ мы пользовались всѣми прелестями буколической жизни, имѣя притомъ не далѣе двухсотъ шаговъ отъ себя городъ со всѣми его приманками.

Къ Пасхѣ вышли награды за экспедицію. Благодаря чеченской пулѣ, я былъ произведенъ въ поручики и переведенъ въ генеральный штабъ; далѣе не простирались въ то время мои честолюбивыя желанія. Около той же поры прибылъ въ Тифлисъ наименованный оберъ-квартирмейстеромъ кавказскаго корпуса полковникъ Христофоръ Христофоровичъ фонъ-деръ-Ховенъ, одинъ изъ честнѣйшихъ и добрѣйшихъ людей съ которыми я имѣлъ счастье встрѣтиться въ жизни. У него намъ было жить и служить какъ у Христа за пазухой. Чего бы лучше, служба не трудная и пріятная, начальники люди хорошіе, товарищи отличные, общество

* Имеретинскій иноходецъ, со стриженною гривой; типъ лошадей встрѣчаемыхъ на древнихъ барельефахъ.

привлекательное, небо ясное,—и мы дѣйствительно обѣими руками ловили удовольствія, которыя разсыпали предъ нами молодость и благопріятныя обстоятельства, пока, совершенно неожиданно, нѣкимъ нечаянный случай не разрушилъ однимъ взмахомъ лучшей связи нашего беззаботно счастливаго существованія. Черная тѣнь легла между нами и грузинскимъ обществомъ,—на короткое время,—но удовольствіе уже было испорчено. Сказалъ бы что знаю про это коротко мнѣ знакомое дѣло, да лучше, кажется, промолчать до поры до времени. И безъ того пора кончить.

Т.

Вѣна. 1868.